

ЦЕРКОВЬ
В ИСТОРИИ
РОССИИ

Сборник 3

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

Сборник 3

Москва
1999

042(02)1

Редколлегия:

*к.и.н. М.И.Бѣлхова (отв. секр.),
к.и.н. О.Ю.Васильева (отв. редактор),
д.и.н. П.Н.Зырянов,
д.и.н. Б.М.Клосс,
к.ф.н. Н.Н.Лисовой,
д.и.н. Н.В.Синицына,
чл.-корр. РАН Я.Н.Щапов*

Рецензенты:

д.и.н. Я.Н.Водарский

*Сборник подготовлен
в Центре истории религии и церкви в России
ИРИ РАН*

ISBN 5-8055-0027-2

© Институт российской
истории РАН, 1999 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перемены в государственно-политическом строе России повлияли на все аспекты духовной жизни общества. Демократизация общества затронула и религиозную сферу, что привело к изменению роли Церкви в жизни страны.

И сегодня, в конце второго тысячелетия, в условиях духовно нравственного кризиса, переживаемого Россией, Русская Православная Церковь может стать существенным фактором возрождения страны.

За последнее десятилетие произошли глубокие изменения во взаимоотношениях государства и Церкви, что нашло свое отражение в отношении Церкви с государственными и общественными институтами: Церкви и школы, Церкви и политических партий, Церкви и армии – всего гражданского общества в целом, в которое Русская Православная Церковь, с ее богатейшим опытом духовно-просветительской и благотворительной деятельности, традиционно вносит нравственные ценности.

Создание в Институте российской истории РАН Центра истории религии и церкви явилось важным шагом в становлении новых отношений государства и Церкви.

Настоящий сборник является третьим в серии трудов Центра «Церковь в истории России». В очередном сборнике публикуются работы сотрудников, а также доклады других исследователей, которые обсуждались на заседаниях Центра.

В сборнике впервые публикуются статьи по истории Русской Православной Церкви в новейший период, которая долгие годы оставалась закрытой темой. Только с получением доступа к ранее засекреченным документам стало возможным развивать новые подходы к изучению отечественной истории и по-новому, более глубоко, рассматривать вопросы взаимоотношений Церкви и советского государства.

Мы благодарим всех коллег, при помощи которых стало возможно выпустить очередной сборник серии и надеемся на дальнейшее сотрудничество и поддержку.

*Кандидат исторических наук
О.Ю.Васильева*

ПРИВАТНЫЕ МОЛИТВЫ ЖЕНЫ КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА

В XI в. Русь вышла на широкую политическую арену как обширная и сильная христианская держава. Этому во многом способствовала дипломатическая деятельность Ярослава Мудрого, сыновья и дочери которого связали Древнерусское государство с самыми могущественными странами тогдашнего мира. Прекрасно образованные, владевшие многими иностранными языками, Ярославны и Ярославичи, оказывали честь королям и князьям Европы, вступая в родство с их потомками. Дочери Ярослава соединили Киев с Норвегией, Венгрией, Францией. Иностраннных принцесс привозили на русскую землю сыновья.

В 40-х гг. XI в. Изяслав Ярославич взял в жены правнучку германского императора, дочь польского короля Гертруду. Набожная католичка, воспитанная в одном из германских монастырей, вывезла с собой на Русь ценную пергаменную Псалтирь. На полях ее страниц Гертруда записывала и свои молитвы. Кроме того к этой Псалтири был подшит молитвенник, полностью заполненный приватными молитвами русской княгини, выражавшей свои чувства на латинском языке. Чудесным образом драгоценный молитвенник сохранился до наших дней. Содержится он уже много веков в небольшом итальянском монастыре и мало известен отечественным исследователям¹.

Русские историки как в прошлом веке, так и в нынешнем, изучали памятник, главным образом, ради великолепных миниатюр, которыми украшен молитвенник². В 60-х гг. идентификацией владелицы молитвенника занимался Валентин Лаврентьевич Янин³. Содержанием самих молитв интересовались, в основном, польские ученые, поскольку так называемый «Кодекс Гертруды», включающий в себя Псалтирь и молитвенник, считается

ценнейшим памятником не только польской истории, но и польской художественной литературы⁴.

Данная публикация личных молитв Гертруды, приведенных впервые в русском переводе, является своего рода иллюстрацией к тем статьям, которые были опубликованы нами в 90-х гг.⁵ Из более чем девяноста молитв представлены те, в которых упоминается сын Гертруды и Изяслава Ярополк, носивший также второе имя Петр. Приведены и тексты, в содержании которых угадываются возможные действующие лица русской истории XI в.: князь Изяслав Изяславич и свекровь Гертруды, жена Ярослава Мудрого, Ингигерд. Перевод выполнен по единственному изданию Мейштовича⁶ и сохраняет принятое им деление текста на отдельные молитвы. Учтены также предложения автора латинского издания по чтению неясных мест, поскольку в пергаменной рукописи, к величайшему сожалению, затерты многие слова и, прежде всего, имена.

Необходимые для понимания смысла предложения и слова, отсутствующие в латинском тексте, печатаются в круглых скобках, в косых скобках приведены варианты неясных для перевода фрагментов текста.

Лист 7

Молитва 8

...^{*} Отврати сердце короля от ненависти, досады и гнева и обрати его к кротости, миру и добросердечию: дабы Господь милосердным и благосклонным стал к рабу Твоему N^{**}. Господи, Иисусе Христе, чтобы ни давний враг (дьявол), ни злой человек, ни недруги не превозмогли его, дай ему, Господи, истинное смирение и истинную любовь, укрепи в нем божественную истину, чтобы невредимым и здоровым он смог бы одолеть беспутство недругов своих; не выдавай его, Господи, в руки недругов

^{*} Начало молитвы отсутствует. Возможно оно было на странице, которой недостает в молитвеннике.

^{**} Мейштович предполагает, что речь идет о Петре — Ярополке.

его, но сделай его сильным и стойким против всех недругов его зримых и незримых: дабы, Защитой Твоей подержанный, мог бы он служить Тебе в здравии.

Всемогуший Отче, соблаговоли сделать короля и все княжество его мягким, милосердным и кротким по отношению к рабу Твоему^{***}, прошу Тебя, услышь меня.

Соблаговоли гнев их и ненависть к рабу Твоему обратить в кротость, прошу Тебя.

Соблаговоли обуздать зависть и беспутство всех недругов его, прошу Тебя, услышь меня.

Соблаговоли обуздать десницей могущества Твоего всех, кто жаждет воспротивиться ему, прошу Тебя.

Соблаговоли изничтожить всякий коварный заговор, что измышляют против него недруги, прошу Тебя, услышь меня.

Соблаговоли отвратить раба Твоего от всего противного Тебе, прошу Тебя, услышь меня.

Соблаговоли укрепить в нем истинную, братскую любовь и доброе согласие, прошу Тебя, услышь меня.

Соблаговоли милостиво освободить его от всяких козней недругов зримых и незримых.

Соблаговоли позволить ему познать милость Твою, благой конец и вечную радость, прошу Тебя, услышь меня.

Пошли, Господи, с ним Святого ангела Твоего, дабы он сохранил, защитил и уберег его от всякой опасности для души и тела, дабы он всегда направлял стопы его на путь мира и спасения, чтобы пребывал он с нами в мире и радости, и куда бы ни отправлялся, пусть счастливым будет его путь возвращения к нам.

Боже, Авраам пусть будет ему оружием доблести. Боже, Исаак пусть будет ему шлемом доблести. Боже, Иаков пусть будет ему неборимым щитом от всех недругов зримых и незримых.

^{***} В рукописи затерто приблизительно 16-18 букв, возможно «Јагоролcum Petrum».

Господи, Иисусе Христе, сын живого Бога. Ты, кой есть путь, источник и завершение всякого творения, услышь меня несчастную, взывающую к Тебе (в молитвах) за Петра. Заклинаю Тебя во имя той любви, кою (Ты) возымел к человеку, когда принял облик его, и из-за этой любви принял смерть на кресте и из-за нее получил раны на руках, на ногах и на теле; а также во имя заслуг Святого Кириака⁸, мученика Твоего, и во имя той милости, которую (Ты) чудесным образом милосердно выказал по отношению к нему, освятив еще до крещения сердце его благодатью Духа Святого, и драгоценнейшее древо (крест), который был сокрыт в течение долгого времени от святых и многих избранных, явил его молитве и позволил ему найти; а также воскрешая и оживляя его руками мертвых, возжелал (Ты), чтобы им (Кириаком) были обнаружены святые гвозди; и во имя заступничества святой Марии, Родительницы Твоей, и святой Елены; этих и всех Твоих святых и во имя Твоего святого и высокочтимого Креста освободи Петра, раба Твоего, от козней дьявола и от всех недругов зримых и незримых и от всех бедствий мирских и плотских, приумножь милостиво времена его и воздай ему на земле долгую и здоровую жизнь, и прибавь ему день ко дню и годы к годам в мире и преуспянии, и сбереги его внутри и снаружи, дабы (он), намеревающийся вступить в Твою святую церковь, пребывал живым и невредимым в угоду Тебе; на всех стезях Твоих направь и сбереги. Ты, кой живешь и царствуешь и пр.⁹

Святая Елена¹⁰, нравами, чистотой, деяниями праведная и Господа достойная: во имя той удивительной и беспредельной милости, какую Иисус Христос выказал Тебе, когда воспламенил сердце Твое этой любовью, и Ты старательно искала святейшее древо, на котором была

повешена надежда и прибежище мира, хотя прежде никто и не чаял его найти, и обретение которого было скрыто от многих и никому не было явлено. И (во имя милости), какую Тебе (Господь) явил, когда исполнил волю Твою, и через святого Кириака этот святой Крест ясно указал, а его самого (Кириака) благодаря заслуге Твоей заставил верить и креститься;

и во имя той милости, которую в отношении Тебя изъявил, когда сердце сына Твоего Константина обратился к Тебе с кротостью и любовью и сделал его для Тебя милосердным и вечно любящим.

Заступись за меня, рабу Твою Гертруду, перед Господом Богом: дабы во имя Святого Креста Господа нашего и заступничества Родительницы его и постоянного общения со всеми Святыми /во имя сонма всех Святых?/, сделал бы он раба Твоего Петра и все /весь?/* и сердца их обратился ко мне с милосердием, а также (чтобы) Петр лишил бы силы всех, замышляющих против, и не через уговоры пренебрегал бы любым зложелателем, а усердствовал бы с любовью и благожелательностью перед лицом Господа нашего Иисуса Христа

Лист 8 об.

Молитва 21

Творец небес и тверди, кой, движимый состраданием, исторгал слезы на гибнущий град, внемли стону сердца моего и лик, доселе суровый, добродетелью своей сделай кротким и мягким, чтобы давний враг не возрадовался в ликовании, но ангелы мира поздравили меня, утешенную, в небесах. Ты, который. Вскричала я, Господи.

Исследователь нутра (человеческого), в чьей мягчайшей душе и в сердце никогда не рождалось коварство, во имя того же благочестия, с которым Ты спустился на землю, намереваясь спасти всех смертных, разобщенных хитростью давнего заблуждения, и ради заслуг святой и

* Затерто приблизительно 16 букв.

безгрешной Девы Марии, сделай сердце рабы Твоей N** мягким, бешеный нрав обрати в тишайшую кротость.

(Взываю я) голосом своим.

О добрый Иисусе, коий добродетелью своей поправил выи коварного дракона, когда в час третий ходил по берегу морскому, направь стопы мои на стезю мира, доколе не почувствую я, вошедшая к рабу Твоему*** и оттолкнутая грубостью, что стал он милостивым и благосклонным. А. Господь, услышь.

Спаситель мира, которой десницей своей вытащил тонущего и дрожащего Петра со дна морского, о благочестивый, соблаговоли вытащить меня из нынешнего мучения: (Ты), коий, коснувшись этой же десницей обратил в бегство демонов, изгони из сердца рабы Твоей горести, которые меня ослабляют и вырви меня поскорее для восхваления и славословия Имени Твоего. Господи Иисусе Христе! Благословенный Господь Бог.

Прошу Тебя, Господи, коий сдерживаешь престолы небесные и зришь в бездны, Господи, царь царей, коий горы поддерживаешь и землю дланью обнимаешь, услышь меня в стенаниях моих. Отврати от меня все (зло) и сердце рабы Твоей** обрати к добру; (Ты), коий нас из воды, а хлеб из камня сотворил.

Молю Тебя, Господи, сдержи дланью своей сердце короля***, наполни сердце рабы Твоей небесным благочестием, чтобы он принял меня кроткой и умиротворенной, когда я предстану перед его очами.

Лист 12 об.

Молитва 32

Святой Господь, Всемогущий Отче, вечный Бог, соблаговоли смилостивиться над благодарственными молитвами нашими и пошли Твоего Святого ангела с Петром и его войском, который защитил бы их от всяких бед и по-

** Мейштович полагает, что здесь может идти речь о свекрови Гертруды, жене Ярослава Мудрого, Ингигерд.

*** Возможно, подразумевается супруг Гертруды князь Изяслав Ярославич.

всюду хранил, во служение Имени Твоего, чтобы никакой недруг не обманул его и его (спутников) в пути, и они, одержав над врагом триумфальную победу, (заслужили) бы поддержку Твоего вечного сострадания, доколе, исполняя приказания Твои, не возвратился бы (Петр) со своими (спутниками) благополучно к Тебе.

Лист 30 об.

Молитва 63.

К СВЯТОМУ ПЕТРУ ЗА ПЕТРА¹¹

Прошу Тебя за Петра, о апостол нашего Господа Иисуса, Ты, кто получил от него имя Петр, ибо на его фундаменте (Ты) воздвиг Церковь Господню и стал Пастырем душ, и преисполнился постоянной заботой о душах, что пробуют взойти ко Христу.

Тебе исповедуется Петр во всех своих прегрешениях, кроме тех, которые, как он верит, отпущены при крещении, кроме них, однако, он совершил много тяжких преступлений сгоряча и по наущению давнего врага, опускаясь в пучину обжорства и расточительства. Виновен он в гордыне и хвастовстве. Злословии и алчности, в тщеславии, нетерпении и лживости, убийстве и лжесвидетельстве, в воровстве и клятвопреступлении, а также во многих проступках, в которых провинился как случайно, так и по собственной воле: исповедуется он Тебе в том, что грешил чрезмерно и преступления свои приумножил на земле и из-за множества неправедных проступков своих сделался посмешищем во все времена. Снова молю Тебя, Пастырь Добрый, чтобы соблаговолил пощадить и отпустить грехи грешнику. И поскольку Тебе дана власть соединения и освобождения на земле и на небе, ослабь оковы грешников своих, и, напомнив о пороках, заставь тем (Петра) воздержаться (от них). Сжался над рабом своим, Высший Понтифик, и дай прощение грешникам своим, чтобы заслужил он (право) получить от Тебя, индульгенцию, (отпущение прегрешений), в которых он жил

до сих пор, дабы признал он, что Святое учение Господа Бога О Троице и Троиединстве вечно во веки веков.

Лист 206

Молитва 84

МОЛИТВА К СЯТОЙ ДЕВЕ МАРИИ ЗА ДРУГА И ЗА СЕБЯ

Славная Богородица, вечная Дева, чистейшая Мария, госпожа моя, единственная улада моя, надежда моя, единственное Святое утешение мое; после Бога более всего уповаю на чистоту Твою, ибо никто не в силах препятствовать Тебе исправлять прегрешения кроме Тебя, которая, будучи Непорочной, носила (в чреве) самого Учителя Милосердия. Посему к Тебе прибегаю и вверяю со всем благоговением Тебе Петра, чтобы он стал рабом Тебе и сыну Твоему Иисусу Христу, пусть он и не достоин и не заслужил никакой помощи, но все же самим (Господом) был создан и искуплен Кровью его; Я же знаю его грешника более других смертных, поэтому прибегаю к Твоему милосердию, вверяю его Тебе, чтобы Тобой прославленный и очищенный, он был в силах заслужить милость сладостного сына Твоего. Госпожа, не отвергай и не презирай его. Ты, вера в которую внушает надежду, поддержи его несчастного, Ты — надежда всех несчастных — благосклонно поддерживаешь к Тебе прибегающих. Аминь.

Лист 206 об — 208 об.

Молитва 86

Святая Мария, Вечная Дева, во имя любви Бога Сына, которой он возлюбил Тебя, когда вознес Тебя над хорами ангелов, услышь меня и молись за единственного сына моего Петра*.

* В тексте «pro unico filio meo Petro».

Святая Мария, помоги ему и вступишься за него, чтобы освободил и сохранил его Бог от всякого зла и всякой опасности, от всех бедствий и терзаний.

Святая Мария, Дева дев, помоги ему.

Святая Мария, Госпожа и царица всего мира, помоги.

Святая Мария, надежда несчастных, молись за него и помоги ему, пребывающему в печали и тревоге.

Святая Мария, щедрейшее Утешение (всех) к Тебе прибегающих, помоги ему, помолись за прегрешения и небрежения его.

Святая Мария, услышь, прошу, меня несчастную, взывающую к Тебе, чтобы единственный сын мой почувствовал облегчение от Тебя, когда бы прибег к Твоей помощи.

Святая и преславная, самая любимая Богом из всех жен.

Тебя восхваляют духи ангельские, Царя которых Ты породила из девственного чрева своего.

Тебя восхваляет Предтеча Христа /Иоанн Креститель/ со всеми патриархами и пророками и безвинными мучениками и праведниками, которых Сын Твой в преисподней посетил и собственной властью вызволил оттуда.

Тебе возносят благодарения все святые, которые благодаря преславной смерти Сына Твоего были избавлены от вечной смерти и наслаждаются вечным счастьем на родных небесах.

Тебя восхваляет всякое создание, ибо благодаря предрекающему предначертанию Бога Ты, заслужившая своей чистотой, единственная среди всех жен стала достойной, чтобы Господь, рожденный раньше веков Богом Отцом от Тебя, был явлен на свет для искупления (грехов) мира во веки веков, и Хлеб Ангелов был впоен молоком твоим, и Тот, кто держит вселенную, уместился в чреве твоём. Владыка неба и земли в течение тридцати лет подчинялся Тебе покорно, как сын матери.

Всемогущественная, высочайшая, благороднейшая Царица Ангелов, достойно, чтобы Ты восхвалялась всеми. Ты, которая такими почестями была возвышена не только над всеми женами, но и над всеми ангелами, должна быть равно возвеличена ангельскими и человеческими хвалами. Ты не отторгнешь мою жалкую молитву в похвале Тебе, ибо кроме общего поклонения, благоговения, уважения, которое должна воздавать Твоему сыну всякая тварь, воздаю я отдельное служение, благоговение и благодарность Твоей святости и, особенно, за добросердечие, которым меня, недостойную, Ты по обыкновению всегда утешала.

Какие же похвалы, подобающие Твоему достоинству, какое поклонение, какие благодарности я в силах Тебе выразить, чтобы они были равны и достойны ангельским похвалам?! Конечно, я не буду в силах (воздать) достойную (похвалу). Благодарю Тебя, о благочестивая, что, хотя я осквернена, нечестива, разными пороками запятнана, ты считаешь достойным принять участие во всех нуждах и несчастьях моих со всем состраданием и благосклонностью, и хотя я желала того, что противно божественной воле, Ты все равно приносила мне Такое утешение от Сына Твоего, о котором я даже не могла подумать и не смела пожелать и, кто же может усомниться в Твоем благочестии, разувериться в Твоей доброте, когда Ты соблаговолила выразить такое сострадание недостойнейшей из всех хриstopочитателей. Посему прибегаю под покровительство Твое и вручаю в веру Твою душу и тело единственного сына моего Петра и все нужды (его) души и тела, и все печали и беды сердца единственного сына моего Петра и всю жизнь его и конец жизни его. (Укажи), что ему следует делать, (о чем) думать или говорить, чтобы обратиться благоговейно к воле сына Твоего: молю Тебя, о надежное Утешение всех взывающих к Тебе, смилуйся, помоги милостью Твоего благочестия (ему)

в перипетиях настоящей жизни и, особенно, в часы ухода его из жизни.

О Вечная Дева, о прекраснейшая и Непорочная Невеста Царя вечного, о непорочная мать Создателя, о благословенная среди жен, нерушимая душой и телом, молю Тебя, во имя Твоего счастья, коим, как подобает Матери Божьей Ты владеешь, во имя всех Святых на небесах, соблаговоли препоручить раба Твоего Петра, преданного Тебе душой и телом, Сыну своему, который не желает ни в чем Тебе отказать и сам так возлюбил похвальную девственность Твою, что избрал Тебя себе в матери, предпочтя всем, и не оскорбил украшение безупречного девства (Твоего), когда вышел из невинного чрева Твоего. (Помоги), чтобы во имя уважения и любви к тебе позволил (Господь Петру) вызыметь покорное смирение, защитил бы его от козней и искушений дьявола, от всех врагов зримых и незримых, от всякой скверны для души и тела, от преступного довольства, да соблаговолит (Господь), чтобы Петр, единственный сын мой, в последней войне соединился с теми, которые пребывают в чистоте и заслужили вечную радость в покорности Тебе.

Знаю, моя госпожа, что он (Петр) недостоин приобщиться к тем, которые служат в вечном Отечестве, однако верю, что можешь просить от сына своего всего, чего пожелаешь, ибо он плоть от Тебя получил, дабы исцелить грешников и даровать вечную жизнь.

Так прошу Тебя, чтобы Петру, ради Тебя было даровано прощение, которое он сам не мог бы заслужить. О Родительница Искупителя нашего, при рождении которого ангелы предвещали мир всем, коих прежде в негодовании презирали, о надежда и утешение рода человеческого, вступишь за мир и единство Святой Церкви и люда христианского, (вступишь) и за все войско Петра, единственного сына моего, и за всю семью его и за самого раба Твоего, за сохранность святых реликвий, (прости) все нерадивые прегрешения мои и Петра, (защити) войс-

ко его от бед и опасностей, а также заступись за весь христианский народ, дабы при Твоем заступничестве они смогли бы победить плотские желания, избежать страшных сетей дьявола и прийти к вечной жизни, заступись за всех живых и мертвых, которые, как Ты знаешь, были искуплены священной Кровью Сына Твоего, и сделай, чтобы почувствовали очищение (от скверны) все, кто жаждет помощи, Твоими молитвами и заслугами, Во имя Господа.

Лист 213 об.

Молитва 87

Сказала Я, Господи, сжался надо мной, исцели.

Возвратись, Господи, доколе. И смилуйся.

Направь милосердие Твое, Господи, на нас, также как мы (уповаем) на Тебя.

Священнослужители Твои пусть облачтся, И святые,

Спаси и (сохрани) раба Твоего Петра, Бог мой,

Да будет мир в доблести Твоей. И изобилие.

За немощных и плененных. Взываю.

За умерших благоверных. Вечный покой.

За братьев и сестер наших. Спаси и сохрани их.

Выкажи нам, Господи, сострадание Твое. И спаси.

Господи, Боже, доблесть обрати на нас и яви (силу) Твою.

Господи, услышь молитву мою. И крик*.

Лист 230 об.

Молитва 90

{Молитва за Папу}**

Господи, отвори губы мои. И уста.

Святой Господь, Святой (и) Могучий, Святой (и) Бес-
смертный,

* Далее другим почерком сделана запись: «Здесь, кажется, дьявольскими руками вырваны один или два листа».

** Название молитвы дано Мейштовичем.

За Папу нашего, и за князя нашего и за Императора нашего и за епископов наших и за аббатов наших и за братьев наших и за всех друзей наших и за всех прихожан Католической Церкви, и за весь народ христианский.

Христосе, Ты, коий есть истинный Расточитель и Щедрый даритель извечного света, соблаговоли услышать меня, недостойную рабу Твою, взывающую к Тебе в этих псалмах и молитвах за отпущение прегрешений моих малых и великих и за спасение душ наших и за непорочность тел наших, а также за долговечность жизни нашей, и за обретение вечного покоя и невозмутимой радости, которую доставляешь Ты возлюбившим Имя Твое.

Услышь меня, Господи, грешную рабу Твою, в этих псалмах (взывающую к Тебе) за родню мою, за братьев, за мою сестру и особенно за спасение сестер моих N, и за единственную верную мою N и за всех живых и мертвых, которые доверили себя моим недостойным молитвам, а также поддержали участие рабов Твоих; и за тех, кто по крови как и по чувству сострадания мне близки, (также за тех), кто мне близок родством, дружбой или связан со мной узами знакомства другого рода.

Прежде всего за короля нашего, за епископов, аббатов и аббатисс и за весь сонм Святых; и за всех тех, Благочестивейший Господь, которым я обязана за оказанную помощь или просьбу или обещание или пожертвование, но особо молю за всех правоверных живых и мертвых. Предоставь, Господи, всем им живущим, которые добры, в добре и оставаться, а те, кто пренебрегают (добром), пусть заслужат во имя Добродетели Твоей истинное раскаяние, дабы не погибнуть; а тем, кто ушел из этого мира, во имя кротости Твоей, удели вечную прохладу.

Господи, ласковый Отче, соблаговоли узнать имена их всех.

Господь Великий, благочестивый, выслушивающий меня, недостойную рабу Твою вместе со всеми другими, поскольку Ты знаешь и желаешь (совершить) то, что не-

обходимо для меня ныне и удостоишь помнить (об этом) в будущем. Ты, кой с Отцом и Духом Святым живешь и царствуешь во веки веков. Аминь.

Лист 231 об.

Молитва 91

Чтобы удостоил Ты уберечь меня, жалкую рабу Твою Гертруду, Господи Иисусе, прошу Тебя, услышь меня.

Чтобы отвратил Ты гнев и негодование Твое от меня несчастной, Господи Иисусе, прошу Тебя, прошу, услышь меня.

Чтобы все проступки мои удостоил Ты благосклонно снять с меня, Господи Иисусе, прошу Тебя, услышь меня.

Чтобы Ты удостоил забыть грехи, которыми разгневала я Тебя, Господи Иисусе, прошу Тебя, услышь меня.

Чтобы Ты удостоил меня преступную освободить от многих обвинений, Тебя прошу, услышь меня.

Чтобы удостоил даровать мне отпущение всех грехов моих, Тебя прошу, услышь меня.

Чтобы удостоил защитить меня от всякой опасности, Тебя прошу, услышь меня.

Чтобы жизнь моя с Твоей помощью до конца Тебе угодна была, Господи Иисусе, прошу Тебя, услышь меня.

Чтобы удостоил даровать мне страдания совести и души и плодотворное раскаяние;

чтобы удостоил даровать мне несчастной фонтан слез из-за любви к Тебе;

чтобы удостоил, во имя Тебя самого, милосердно и кротко помочь (мне) и прийти во спасение, о Благочестивейший Боже, во всех нуждах моих и в день исхода души моей, умоляем.

Чтобы удостоил освободить меня от всяких злых мирских козней, умоляю.

Чтобы удостоил Ты даровать истинное раскаяние жалкому рабу Твоему Петру.

Чтобы удостоил усмирить злобу всех врагов его видимых и невидимых.

Чтобы никогда не позволил зависти их навредить ему, Господи Иисусе, прошу Тебя, услышь меня.

Чтобы удостоил десницей могущества Твоего усмирить недругов его, которые хотят в чем-либо противиться ему, Тебя прошу, услышь меня.

Чтобы удостоил внушить ему твердую надежду, Истинную веру, истинные чувства и совершенную любовь к Тебе, создателю моему.

Чтобы удостоил оживотворить и утешить несчастного раба твоего Петра;

чтобы ему удостоил даровать победу;

Чтобы он с Твоей помощью заслужил возможность ускользнуть из всех засад противников, Господи Иисусе, Тебя прошу, услышь меня.

Чтобы те, кто замышляет против него зло, были покорены десницей Твоей, Господи Иисусе, Тебя прошу.

Чтобы Ты удостоил охранить всякое место, где ему (Петру) может быть причинен вред, и закрыть доступ к нему всякой трудности и помехе, Тебя умоляю.

Чтобы удостоил освободить его от всяких неприятностей, Молю Тебя, Боже.

Чтобы не позволил Ты ему попасть к мстительным врагам его, Господи Иисусе, Тебя молю.

Чтобы враги его не в силах были больше радоваться поражению его, Господи Иисусе;

Чтобы удостоил Ты милостиво защитить его под сенью крылов Твоих, Господи Иисусе, Тебя молю, Святой Отче, услышь меня.

Чтобы удостоил дать спасение и здравие душе и телу его, Господи Иисусе, тебя умоляю, услышь меня.

Чтобы удостоил отвести от него гнев и негодование Твое, молю Тебя, услышь меня.

Чтобы удостоил Ты окружить его несокрушимой стеной в битве и защитить оружием мощи Твоей, Господи Иисусе, Тебя молю. Услышь меня.

Чтобы удостоил прикрывать его во всем и повсюду.

Чтобы Ты, мягкосердный, удостоил его поддержать мягкосердно.

Чтобы Ты, милосердный удостоил ему прийти на помощь и помочь милосердно.

Чтобы удостоил сердца, печалующиеся за него, обрадовать, Тебя прошу.

Чтобы душу его удостоил заслугой (признательностью) утешить.

Чтобы его недостойного, жалкого, презренного грешника /.../

(за) раба Твоего Петра и за здоровье его души и тела Тебя молю, услышь меня.

¹ О составе кодекса, об истории молитвенника см.: *Щавелева Н.* «Астрологическое зеркало» в молитвеннике XI в. // На рубежах познания вселенной. Историко-астрономические исследования. 1992. М. 1994. С. 244-245.

² *Бобринский А.* Киевские миниатюры XI века и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтири Екберта, архиепископа трирского. СПб., 1902; *Кондаков Н.П.* Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906; *Северьянов С.* Codex Gertrudianus. Сборник ОРЯС. Пг., 1922. Т. ХСІХ. № 4. С. 1-140; *Murjanoff M.* Uber eine Darstellung der Kiever malerei des XI Jahrhunderts. // Studi Gregoriani. Roma, 1972. V. IX. P. 373-376; *Смирнова Э.С.* Миниатюры XI в. в Кодексе Гертруды (Псалтири архиепископа Эгберта из Трира), Чивидале, Национальный Археологический музей, cod. СХХХVI. / Искусство рукописной книги. Византия. СПб., 1998. С. 32-34.

³ *Янин В.Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. М., 1963. Вып. 4.

⁴ *Ketrzynski S.* Gertruda // PSB. Krakow, 1948-1958. Т. 7. S. 405-406; *Malewicz M.* Rekopis Gertrudy Piastowny. Najwczesniejszy zabytek pismennictwa polskiego // Materiały do Historii Filozofii Średniowiecznej w Polsce / Wrocław- Warszawa- Krakow, 1972. Т.V. S. 23-68; *Kurbis B.* O życiu religijnym w Polsce X-XI wieku // Pogranicza i konteksty literatury polskiego średniowiecza. Warszawa, 1989. S. 43-49, passim; *Michalowska S.* Średniowiecze Polskie. Warszawa,

1995. S. 95-97; *Lesniewska D.* Kodeks Gertrydy. Stan i perspektywy badań // *Roczniki Historyczne*. Warszawa, 1995. R. 61. S. 141-171.
- 5 *Щавелева Н.К.* изучению молитвенника княгини Гертруды // *Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения*. М., 1990. С. 147-150; *Ее же.* Латинский молитвенник — памятник древнерусской истории XI в. // *Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей*. М. 1994. С. 72-74; *Ее же.* «Астрологическое зеркало»... С. 244-252; *Ее же.* Молитвы русской княгини как памятник древнерусской истории XI в. // *Католицизм в России и православие в Польше (XI-XX вв.)*. Warszawa, 1997. С. 29-33. (В последней работе сделана попытка рассмотреть опубликованные выше в русском переводе молитвы в качестве исторического источника).
- 6 *Meysztowicz W.* Manuscriptum Gertrudae filiae Mesconis II regis Poloniae // *Antemurale*. Roma, 1955. T. 2. P. 105-157.
- 7 *Щавелева Н.* Молитвы русской княгини как памятник древнерусской истории. Warszawa, 1997.
- 8 Кириак или Иуда в Иерусалиме занимал престол брата Господня Иоакова. Обрел Крест Господень, который передал Византийской императрице Елене. Погиб мученической смертью при императоре Юлиане Отступнике. Память 28 октября.
- 9 *Щавелева Н.* Указ. Соч. С. 32.
- 10 Святая Елена — мать императора Константина Великого. Под ее влиянием Константин признал христианство официальной религией в Византии. В Палестине св. Елена обрела гроб Иисуса Христа и над ним велела соорудить церковь. Сверху был воздвигнут крест. В память об этом событии учрежден праздник Воздвижение Креста. День памяти св. Елены в католической церкви — 18 августа, в православной — 21 мая. См.: *Kurbis B.* Szkoła i katecheza według rekopisu z wessobrunn. // *Studia Zrodloznawcze*. Warszawa — Krakow, 1994. N. 35. S.2.
- 11 О Ярополке Петре см.: *Rutkowska G.* Jaropelk — Piotr // *Słownik Starożytności Słowiańskich*. Ossolineum, 1991. Cz. 1. S. 245-246; *Щавелева Н.* Князь Ярополк Изяславич и христианская церковь XI в. // *Восточная Европа в древности и средневековье* М., 1998. С. 132-136.

ОСОБЫЕ РЕДАКЦИИ СБОРНИКА XIV ТИТУЛОВ В ВИЗАНТИЙСКО-СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ*

«Номоканон» оказался в числе первых книг, которые были переведены на славянский язык св. Мефодием. Как свидетельствуют древнейшие славянские памятники, выбор христианской веры означал и выбор христианского закона, т.е. норм христианской жизни. Об этом понимании синонимичности веры и закона ярко свидетельствуют статья Повести временных лет: «Гозва володимеръ болгары свога и старци градскнѣ. и рѣ имъ се прихѣднша ко мнѣ болгаре ркъѹще приими законъ нашъ. посемь ж прихѣднша нѣмци и ти хвалѣ законъ свон...»¹.

Необходимость перевода канонических книг вытекала из этого понимания единства веры и закона.

Постановления церковных соборов, канонические определения отцов церкви, римские гражданские законы (императорское законодательство) — неотъемлемая часть византийского наследия, полученного Русью. Через усвоение этого наследия Русь включалась в мир православного востока.

Но это не означало полного приятия церковных норм, церковное право претерпевало на Руси существенные изменения. Специфика культурной ситуации, функционирование местного обычного дохристианского права, выполнение церковью целого ряда административных функций, не свойственных ей в Новом Риме — все это оказывало влияние на русское церковное право. Особенности русского церковного права нашли свое выражение в создании церковных уставов, определявших область и характер епископского и митрополичьего суда. Другая

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 97-01-00259а).

форма местной канонической литературы — «Вопрошания» и «Ответы» — возникла как следствие необходимости регламентации и уточнения богослужебной практики и христианского быта, полученных Русью из того же Константинополя.

Таким образом, в области канонического права на Руси не просто воспроизводилась византийская модель, она существенно корректировалась русской церковно-политической ситуацией.

Кормчие книги — сборники основных церковных канонических текстов — представляют собою ценный материал для изучения восприятия христианской культуры на разных уровнях от перевода и «механической» переписки до активного редактирования и создания новых текстов.

Современные исследования Кормчих ограничиваются, как правило, проблемой переводов и состава редакций. Проследить функционирование самих сборников канонического права как в Новом Риме, так и на Руси, их развитие и значение для истории церкви — задача следующего этапа их изучения, пока еще мало выполнимая.

Исследованию Кормчих мешает широко распространенное даже у историков представление о них как о сборниках четко определенного содержания. Это представление породила печатная Кормчая, подготовленная к изданию в 1649 г. и вышедшая в 1653 г. при патриархе Никоне в отредактированном виде, а затем на протяжении двух столетий переиздававшаяся без каких-либо существенных изменений. Выразительным подтверждением этого представления является Хиландарский сборник, одна из древнейших рукописей Сербской Кормчей (XIV в.), отсутствующие первые листы которой были восстановлены владельцами по печатной Никоновской Кормчей². Так, в сборник попало отредактированное патр. Никоном для его издания Кормчей предисловие, рассказывающее об учреждении автокефальных церквей³.

Мысль об устойчивом составе русской Кормчей повторяется в новом исследовании Кормчей св. Саввы австрийского ученого Л.Бургмана, который пишет, что Номоканон св. Саввы «вполне удовлетворял запросы русской церкви, которая его приняла в 13 в. и использовала как основной материал при издании Печатной Кормчей в середине 17 в.»⁴.

Выражением этой же идеи является новейшее печатное издание Кормчей, воспроизводящее старообрядческое издание 1913 г. с характерным предисловием: «Впервые после 1913 г. издается полный сборник церковных правил, предназначенный отцами Церкви для руководства въ жизни каждого Христіанина на всѣ времена и во всѣ хъ жизненныхъ обстоятельствахъ»⁵.

Между тем выбор Кормчей Сербской редакции как основы для печатного издания объясняется определенными сдвигами в церковной идеологии, имевшими место в XVII в. В XIII–XV вв. ситуация была существенно иной, это был период не пассивного переписывания, а активной работы по созданию новых редакций и Кормчая Сербской редакции с ее усеченными текстами правил, только появившаяся тогда на Руси, была значительно переработана в направлении замены усеченных текстов полными: «Сербская редакция, выписанная на Русь и воспринятая первоначально очень благожелательно как новый кодекс правил, который может заменить прежний, устаревший, очень скоро перестала удовлетворять местным нуждам <...> Не прошло еще 10-15 лет, как многие правила Сербской кормчей были заменены на традиционные, давно известные на Руси»⁶.

Помимо указанной замены усеченных правил полными, наиболее важная черта этой переработки – включение местных русских юридических и канонических статей⁷.

Переработанная редакция, получившая название «Русской», получила широкое распространение в землях Северо-Восточной Руси (около 180 списков), в то время

как списки Сербской редакции XVI—XVII вв. происходят в основном с украинских и белорусских земель Речи Посполитой.

Мы не всегда можем объяснить характер работы средневекового русского редактора и мотивы, которыми он руководствовался, заменяя в одних случаях усеченные правила на полные, а в других случаях оставляя их.

Подобный вопрос о направленности работы славянского средневекового редактора возникает и при исследовании происхождения Сербской редакции Кормчей, где ряд правил приводится с полным текстом и толкованиями не Алексея Аристина, а Зонары. С.В.Троицкий предполагал сознательный отбор текстов правил св. Саввой Сербским, которого он считал и переводчиком и редактором Сербской кормчей⁸.

Положения С.В.Троицкого были оспорены в новом исследовании Л.Бургмана, который полагает, что смешение разных комментариев и текстов правил могло иметь место и в греческой рукописи, послужившей оригиналом для перевода Сербской кормчей⁹.

Л.Бургман обратил внимание на Ватиканскую рукопись конца XIII — начала XIV в. (Vatic. 1167)¹⁰, греческие тексты которой соответствуют статьям Сербской кормчей с 1 по 49, а также главам 53, 54, 57, 58, 60. В число этих статей входит и Послание Нила Черноризца к Хариклию пресвитеру (гл. 44), которое, как считал С.В.Троицкий, включил в Кормчую св. Савва. Это совпадение действительно позволяет говорить о том, что при создании славянской редакции была использована греческая рукопись той же редакции, что и Vatic. 1167. Однако необходима проверка и сопоставление текстов не по оглавлению, а во всем объеме. Л.Бургман не сообщает также, имеются ли в греческой рукописи правила с толкованиями Зонары. Наконец, обращает внимание отсутствие статей о ересьях в предполагаемом греческом оригинале. Поэтому вывод Л.Бургмана о том, что при создании номоканона св. Сав-

вы была использована лишь одна греческая рукопись, представляется пока еще недостаточно обоснованным.

Изучение славянской традиции канонических книг показывает, с одной стороны, многочисленность рукописей с неполным составом канонов и, с другой стороны, тенденцию к объединению различных редакций.

Данная статья посвящена сборникам, в которых церковные каноны расположены в порядке Указателя XIV титулов, т.е. тематически, а не по соборам. Сборники эти давно известны историкам, однако изучались только каждый в отдельности.

В греческой рукописной традиции был широко распространен Номоканон 50 титулов Иоанна Схоластика, где правила расположены в тематическом порядке. Именно этот сборник и был переведен св. Мефодием как необходимое для славян каноническое руководство.

В это же время в Константинополе бытовал и другой канонический сборник, создание которого традиция приписывала патриарху Фотию¹¹. В нем правила были систематизированы в порядке 14 тематических разделов (титулов), но в большинстве рукописей сами правила расположены в хронологическом порядке (по соборам), а перед ними помещен Указатель XIV титулов.

Указатель XIV титулов представляет собою попытку тематического разделения апостольских, соборных и святоотеческих правил, а в ряде редакций — также и гражданских законов. Каждый из 14 титулов разделен на главы (например, по печатной Никоновской кормчей: «грань, ꙗ, въ ненже главъ, кѣ. о млѣвахъ, н о псалмѣхъ, н о ѹтенихъ, н о приношенихъ, н о приуаченихъ, н о рнзахъ црковниковъ, н о слоужбѣ ѹтцевъ н певцевъ н слоугъ»). В каждой главе даны отсылки к соответствующим правилам (например, в той же 3-й грани: «глава, аї. о пребывающихъ во градѣхъ н за три недеи непремлющихъ приуаченїа, правна совора нже въ средцѣ, вї, гї, лнстѣ, рвї. совора шестаго

всѣаенскаго, ꙗ, лнстѣ, ѿа»¹². Указатель давал возможность по любому вопросу отыскать необходимые правила.

Но в ряде рукописей в Указателе содержатся не только отсылки к правилам, но и выписаны целиком сами правила. Время происхождения такой редакции не установлено, но В.Н.Бенешевич описал неполную рукопись XIV в. из Ватиканской библиотеки (Vatic. 1142)¹³ и полагал, что она отражает древнюю традицию, восходящую к времени между 781 и 861 гг.

Наиболее ранняя рукопись этой редакции (X в.) находится в Иерусалимской библиотеке. «В этой рукописи включается в Номоканон полный текст правил, цитируемый в большей части других рукописей цифровыми знаками <...> Все правила, которые не вошли в Номоканон, помещаются в рукописи вслед за Номоканоном»¹⁴.

Другая рукопись находится в Московской Синодальной библиотеке (ГИМ, Греч. Син. № 467) и датируется 1041 г. Она привлекала внимание известного канониста А.С.Павлова¹⁵. В этой рукописи Указатель XIV титулов помещен на л. 11 об. — 15 об. В нем даны лишь названия глав, а номера соборов и правил опущены. Сами правила расположены в порядке Указателя XIV титулов, но со значительными сокращениями, причем опущены не только отдельные правила, но и целые главы. Так, из 1-й грани оставлены лишь главы 1, 2, 3, 4, 12, 13, 14, 15, 22, 23, 25, 26, 27, 30, 31, 32, 36. Это — результат не утрат, а сокращения свода правил. Однако для того, чтобы объяснить это сокращение, необходимо изучение всего состава рукописи.

Еще одна замечательная рукопись, в которой правила тоже расположены в порядке Указателя XIV титулов, была открыта В.Н.Бенешевичем. Этот сборник был положен в основу издания А.Майи¹⁶, но затем долго не был известен исследователям, так что И.Питра даже утверждал, что состав сборника является выдумкой издателя¹⁷.

всѣаенскаго, ꙗ, лнстѣ, ѿа»¹². Указатель давал возможность по любому вопросу отыскать необходимые правила.

Но в ряде рукописей в Указателе содержатся не только отсылки к правилам, но и выписаны целиком сами правила. Время происхождения такой редакции не установлено, но В.Н.Бенешевич описал неполную рукопись XIV в. из Ватиканской библиотеки (Vatic. 1142)¹³ и полагал, что она отражает древнюю традицию, восходящую к времени между 781 и 861 гг.

Наиболее ранняя рукопись этой редакции (X в.) находится в Иерусалимской библиотеке. «В этой рукописи включается в Номоканон полный текст правил, цитируемый в большей части других рукописей цифровыми знаками <...> Все правила, которые не вошли в Номоканон, помещаются в рукописи вслед за Номоканоном»¹⁴.

Другая рукопись находится в Московской Синодальной библиотеке (ГИМ, Греч. Син. № 467) и датируется 1041 г. Она привлекала внимание известного канониста А.С.Павлова¹⁵. В этой рукописи Указатель XIV титулов помещен на л. 11 об. — 15 об. В нем даны лишь названия глав, а номера соборов и правил опущены. Сами правила расположены в порядке Указателя XIV титулов, но со значительными сокращениями, причем опущены не только отдельные правила, но и целые главы. Так, из 1-й грани оставлены лишь главы 1, 2, 3, 4, 12, 13, 14, 15, 22, 23, 25, 26, 27, 30, 31, 32, 36. Это — результат не утрат, а сокращения свода правил. Однако для того, чтобы объяснить это сокращение, необходимо изучение всего состава рукописи.

Еще одна замечательная рукопись, в которой правила тоже расположены в порядке Указателя XIV титулов, была открыта В.Н.Бенешевичем. Этот сборник был положен в основу издания А.Майи¹⁶, но затем долго не был известен исследователям, так что И.Питра даже утверждал, что состав сборника является выдумкой издателя¹⁷.

Описание этого Номоканона было сделано В.Н.Бенешевичем. Это рукопись Vatic. Columnensis № 2198, XII в., но с поправками и дополнениями XIII—XIV вв., что свидетельствует о том, что над рукописью работали и позднее. Сама рукопись тоже отражает какую-то работу по редактированию Номоканона. В ее начале, на л. 23-128 идет собрание правил в хронологическом порядке, но правила приведены не целиком: имеется лишь заглавие, номер правила, его начальные и конечные слова. На л. 129-662 расположены правила в порядке Указателя XIV титулов. В.Н.Бенешевич отметил, что «в титулах текст правил выписывается всегда целиком и приняты во внимание соборы до IX в. включительно и «собор соединения» 920 г., во многих главах есть и гражданские законы»¹⁸. Все антиеретические статьи, имеющиеся в составе Сербской Кормчей, в том числе и трактат Епифания Кипрского «О ересьях», имеются в составе и этого Номоканона.

С.В.Троицкий считал, что эта рукопись могла послужить источником для глав 45, 47, 61-63 Сербской кормчей. В этом плане наибольший интерес представляет глава 47. В ней римские гражданские законы даны в порядке XIV титулов, но есть вставка, показывающая, что это собрание взято из рукописи, где гражданские законы были вместе с церковными правилами, например, I грань, 3 глава: «глава .к̄. свора нже в ннкен втораго: прав(нло) .н̄. еденопон ... глава .ла̄. свора нже в лаоднкнн прав(нло).кд̄. втораа заповѣдь...»¹⁹. Происхождение 47 главы не получило достаточного объяснения.

Рассматриваемый греческий сборник составлен Иоанном Комниным, который был Охридским архиепископом между 1143 и 1160 гг.

В.Н.Бенешевичу были известны и другие греческие рукописи с расположением правил в порядке Указателя XIV титулов, в том числе рукопись из Афонского Кутлумушского монастыря (№ 42). В.Н.Бенешевич дал рукописям этой редакции номоканона название «синагога»,

Описание этого Номоканона было сделано В.Н.Бенешевичем. Это рукопись Vatic. Columnensis № 2198, XII в., но с поправками и дополнениями XIII–XIV вв., что свидетельствует о том, что над рукописью работали и позднее. Сама рукопись тоже отражает какую-то работу по редактированию Номоканона. В ее начале, на л. 23-128 идет собрание правил в хронологическом порядке, но правила приведены не целиком: имеется лишь заглавие, номер правила, его начальные и конечные слова. На л. 129-662 расположены правила в порядке Указателя XIV титулов. В.Н.Бенешевич отметил, что «в титулах текст правил выписывается всегда целиком и приняты во внимание соборы до IX в. включительно и «собор соединения» 920 г., во многих главах есть и гражданские законы»¹⁸. Все антиеретические статьи, имеющиеся в составе Сербской Кормчей, в том числе и трактат Епифания Кипрского «О ересьях», имеются в составе и этого Номоканона.

С.В.Троицкий считал, что эта рукопись могла послужить источником для глав 45, 47, 61-63 Сербской кормчей. В этом плане наибольший интерес представляет глава 47. В ней римские гражданские законы даны в порядке XIV титулов, но есть вставка, показывающая, что это собрание взято из рукописи, где гражданские законы были вместе с церковными правилами, например, I грань, 3 глава: «глава .і. свора нже в ннкен втораго: прав(нло) .іі. еленопн ... глава .ла̄. свора нже в лаоднкнн прав(нло).кд̄. втораа заповѣдь...»¹⁹. Происхождение 47 главы не получило достаточного объяснения.

Рассматриваемый греческий сборник составлен Иоанном Комниным, который был Охридским архиепископом между 1143 и 1160 гг.

В.Н.Бенешевичу были известны и другие греческие рукописи с расположением правил в порядке Указателя XIV титулов, в том числе рукопись из Афонского Кутлумушского монастыря (№ 42). В.Н.Бенешевич дал рукописям этой редакции номоканона название «синагога»,

что значит по-гречески «собрание». Однако исследователю не удалось посвятить этой редакции специальное исследование и он не выяснял, действительно ли все известные ему рукописи относятся к одной редакции, или же являются результатами неоднократного редактирования Номоканона с целью систематизации по заданному Указателю XIV титулов. Отметим еще одну общую для этих рукописей черту (помимо расположения правил в порядке XIV титулов): после основного свода правил следуют правила, в него не вошедшие, но уже не в тематическом порядке, а по соборам.

Для исследователей славянского рукописного наследия данная редакция приобрела особую ценность, так как Кормчие двух известных общественных деятелей средневековой Руси, осужденных как еретики – Ивана Волка Курицына и Вассиана Патрикеева – имеют такое же расположение правил – в порядке Указателя XIV титулов.

Ю.К.Бегунов, посвятивший специальную работу Кормчей Ивана Волка Курицына, предположил, что Курицын использовал некий Номоканон, привезенный с Афона Саввой Вишерским, а Вассиан Патрикеев использовал Номоканон Курицына²⁰.

Однако исследование источников Кормчей Ивана Волка Курицына не подтвердило положений Ю.К.Бегунова²¹. Выяснилось, что Кормчая Курицына является одним из списков выделенной Я.Н.Щаповым Мазуринской редакции.

Древнейший список этой редакции – Кормчая третьей четверти XIV в. из собрания Ф.Ф.Мазурина (РГАДА. Ф. 196. № 534). В рукописи утрачены первые и последние листы. Она начинается со Сказания о Вселенских соборах, соответствующего первой и второй вводным главам Сербской кормчей. Собрание канонов начинается словами: «Главы избраны от правил святых апостол и седмих вселенских святых собор, не тъкмо же тех, но и поместных и иже неких святых отец особно бывших правил...»

Правила расположены в порядке Указателя XIV титулов, но сам указатель отсутствует. Правила приведены не все, но со значительными пропусками. В одних случаях толкования к правилам отсутствуют, в других — приводятся целиком.

Еще одна отличительная особенность Мазуринской редакции — отсутствие указания происхождения правил (т.е. какого собора, номер и т.п.). На полях в некоторых случаях имеется лишь указание «апостольско», «отеческо», «василиево».

Для изучения состава кормчей Мазуринской редакции потребовалось идентифицировать правила, входящие в ее состав (правил оказалось 504).

Сопоставление состава Мазуринской редакции с Указателем XIV титулов Сербской редакции позволяет сделать вывод, что за основу Мазуринской редакции принято расположение правил в порядке XIV титулов, но со значительными сокращениями. В Указателе XIV титулов многие правила повторяются в различных гранях, однако составитель Мазуринской редакции тщательно следил, чтобы правила не повторялись. Можно указать лишь три случая, когда одно и то же правило приведено дважды: Карф. 36 (л. 14 и 114), Трульск. 16 (л. 21 об. и 115), Сардик. 7 (л. 16 и 22 об.).

Наименьшим сокращениям подверглись апостольские правила: из 85 опущено 14. При этом почти всем пропущенным апостольским правилам находят соответствия в соборных правилах, включенных в Кормчую. Значительным сокращениям подверглись правила апостола Петра и апостолов Петра и Павла (нет 6 правил из 17).

Правила 1-го Вселенского собора (Никейского) сокращены вдвое (нет 10 из 20). Опущены правила, повторяющие апостольские (Ник. 1 = Ап. 22, Ник. 2 = Ап. 80, Ник. 17 = Ап. 44). Нет также правил, касающихся Египта (Ник. 6), Иерусалима (Ник. 7), еретиков «чистых» (Ник. 8).

Из 25 правил Анкирского собора об отпадении во время гонений, включены почти все правила о принятии принесших жертвы идолам.

Из 15 правил Новокесарийского собора опущены 5.

Все 19 правил Гангрского собора, осудившего месальянскую ересь и боровшегося с «мнимым благочестием», включены. В месальянской ереси (IV в.) обвиняли, как известно, богомилов. Об этом свидетельствуют маргиналии Сербской кормчей, повторенные и в Мазуринском списке²².

Значительно сокращены правила Антиохийского собора (нет 11 из 25), Лаодикийского собора (нет 20 из 56).

Из восьми правил 2-го Вселенского собора опущены 5, в том числе важное правило 3 о месте епископа Константинополя непосредственно за епископом Рима. Опущены правила о конкретных еретиках (4, 8).

Из девяти правил 3-го Вселенского собора в книгу вошло только одно правило 6 об отлучении мирян, а все остальные, осуждающие Нестория, опущены.

Опущена половина правил 4-го Вселенского (Халкидонского) собора — 14 из 30. В основном это правила, запрещающие причетникам переход из одного города в другой (5, 10, 20, 22). Опущено и знаменитое правило 28 о правах епископа Константинополя, что соответствует пропуску 3-го правила 2-го Вселенского собора.

Сардикского собора опущены 14 правил из 21. Из них 8 говорят о епископах и ограничивают их хозяйственную деятельность.

Значительно сокращены правила Карфагенского собора (нет 73 из 138), составитель исключил все местные правила, отражающие особенности Карфагенской и Римской церквей.

Правила Трулльского собора (691—692 гг.), зафиксировавшего практику Константинопольской церкви, представлены весьма полно (из 102 канонов нет лишь 21). Не включены правила о месте Константинополя (36), Новой Юстинианы (39).

Из 22 правил 7-го Вселенского собора нет пяти, говорящих о поставлении епископа на мзде (4, 5) и о самовольном уходе причетников (10). Нет также четырех канонов 1-2 Константинопольского собора, запрещающих создание монастыря без повеления епископа (1) и извергающих епископов, бьющих верных (9).

Из отеческих правил наиболее полно представлены правила Василия Великого (72 из 91), Петра Александрийского (11 из 14), Тимофея Александрийского (14 из 15), Дионисия Александрийского (3 из 4). Зато значительно сокращены правила Григория Неокесарийского «о бывших в нашествии варвар», Григория Нисского, Феофила Александрийского.

Наибольшим сокращениям подверглись гражданские законы. Оставлено лишь несколько статей из Новых заповедей Юстиниана, касающихся имущества монахов и епископов, и постановление Цесарей Константина и Романа (920 г.) «От воспоминания церковного соединения» о третьем и четвертом браке (соответствует 59-й главе Сербской кормчей). Все другие статьи, касающиеся брачного права, как и статьи «Закона градского» (Прохирона) и «Закона Моисеева» — опущены.

Оставшиеся статьи сгруппированы по двум темам: о покаянии и о ересь. После четырнадцатой грани составитель поместил 39-ю главу 9-й грани «О покаянии. и како достоит пресвитеру сократити запрещение», а затем послание Нила Черноризца к Хариклию пресвитеру (соответствует 44-й главе Сербской кормчей), также посвященное теме покаяния, «Чин рекше молитвы исповеданию и примирению кающихся (соответствует 53-й главе Сербской кормчей) и «Наказание к пресвитеру о божественной службе и о причащении» Василия Великого (глава 21.1 Сербской кормчей).

Из богословских сочинений, включавшихся в Кормчие, в Мазуринской кормчей оставлены лишь «По воп-

росам и ответам беседа святого Диадоба» и правила Кирилла Александрийского.

Характер сокращений Мазуринской кормчей аналогичен отмеченному Я.Н.Щаповым для Уваровской обработки Древнеславянской редакции XIII в.: сохранение основных правил и пропуск второстепенных. «К последним отнесены правила, повторяющие прежние установления, а также относящиеся к церковной жизни Константинополя, церковей Ближнего Востока...»²³. Для Мазуринской редакции характерно также отсутствие правил, относящихся к церковному устройству, определяющих взаимоотношения и порядок главных епископских престолов, отсутствуют многие правила, регламентирующие хозяйственную деятельность епископов. Зато сохранены почти все правила, имеющие церковно-дисциплинарный характер.

Сопоставление с известными сокращениями Кормчей — Уваровской и Устюжской (номоканон Иоанна Схоластика) показывает, что в пропусках ряда правил несомненно есть общая закономерность (хотя и нет полного совпадения, так что нет оснований говорить о зависимости одной обработки от другой). Редакторы почти целиком сохраняют апостольские правила, значительно и по-разному сокращая соборные. Почти полное совпадение наблюдается в пропуске глав 8-й грани:

*в Уваровском списке
Древнеславянской кормчей нет глав*

3, 6, 9, 10, 11, 15²⁴;

*в Мазуринском списке
нет глав*

3, 6, 9, 10, 11, 15, 17, 18.

Отметим и сходство между Устюжским сборником и Мазуринской редакцией в пропуске правил 1-го Вселенского (Никейского) собора:

в Устюжском сборнике нет правил

1, 2, 4, 5-7, 13, 15, 16, 19²⁵;

*в Мазуринском списке
нет правил*

1, 2, 5-9, 16, 17.

Не меньше сходства между Мазуринским и Устюжским списками и в пропуске правил Сардикского, Антиохийс-

кого, Лаодикийского соборов. Это говорит о сходстве целей редакторов указанных обработок, хотя хронологически их разделяет почти четыре столетия. В оба списка включен Номоканон Иоанна Постника, который не входит, как правило, в состав русских кормчих и отсутствует в русских списках кормчей Мазуринской редакции.

Мазуринская редакция типологически наиболее близка к Номоканону славянского первоучителя Мефодия. Можно предположить либо непосредственное влияние Номоканона Мефодия (бытование его у южных славян исследователи предполагают²⁶), либо сходство задачи составителей: создать краткий канонический сборник с тематической подборкой, не потеряв, однако, основного, не упрощая и не приспособляя текста канонов к местным условиям.

Знание церковных канонов требовалось не только от епископов, но и от широкого круга духовенства и монахов, выступавших в качестве духовников.

Но Кормчая из-за своего значительного объема и разнообразия содержания не могла стать широко распространенной, «массовой» книгой. Для этого были «малые номоканоны» или епитимийники. Их полную неизученность отмечал А.С.Павлов еще в прошлом веке. Сам канонист исследовал и опубликовал вместе с греческим текстом «покаянный номоканон», составленный, по его предположению, на Афоне в первой половине XV в. Это была выборка канонов для того, чтобы духовник мог налагать епитимии. Сборник этот через Украину пришел на Русь, здесь был издан печатно в XVI в., издавался и переписывался вплоть до XIX в.²⁷ Однако его источником служила не только Кормчая, но и другие покаянно-дисциплинарные сборники, в том числе и апокрифические.

Возможно, что составитель Мазуринской редакции тоже ставил перед собой цель создания «епитимийника». Об этом свидетельствует и подборка статей о покаянии. В пользу этого говорит и третья отличительная особен-

ность Мазуринской редакции — отсутствие указания на то, какие именно правила приводятся. Это резко обособляет изучаемую редакцию от других, всегда сохраняющих указание, какого собора и какое правило приводится. Точное указание на номер правила и собора — черта, характерная не только для Кормчих, но и для многочисленных сборников, включающих в свой состав выписки из Кормчих, в том числе и для Мерила Праведного. Только сборники епитимийного характера включают правила без надписания или с ложными надписаниями²⁸.

Составитель Мазуринской кормчей редактировал и лексику. Он последовательно заменял «правоверный» на «православный», «рекше» на «сиречь», «свене» на «кроме», «тъкмо» на «тъчию».

Обращает на себя внимание оформление рукописи: расположение всех помет строго на полях, наличие лигатур, подражающих греческим (что свидетельствует о знакомстве составителя с греческими рукописями).

Предстоящее изучение лингвистических особенностей рукописи позволит определить, относится ли она к македонскому, или к восточноболгарскому изводу.

По-видимому, рукопись (или копия с нее) попала на Русь от южных славян вскоре после своего написания. Уже к началу XV в. относится русский список данной редакции из Чудова монастыря (ГИМ. Чуд. 168). К общему с чудовским списком протографу восходит список Ивана Волка Курицына (РГБ. Ф. 173 (МДА). № 187). Список из Пермской епархии (ГИМ. Ув. 81/557) датирован 1510 годом.

Особенности Мазуринской редакции — сокращенный характер, тематическое расположение правил — соответствовали запросам русских книжников, активно работавших на рубеже XIV—XV вв. над созданием новых канонических сводов. В Чудовском списке имеет место и вторая подборка правил, где к апостольским правилам

приводятся помимо толкований соборные определения на ту же тему²⁹.

В сборнике Курицына произошло объединение Мазуринской редакции с текстом Мерила Праведного (задача объединения Кормчей и Мерила решалась и другими книжниками митрополичьего скриптория). И не случайно, что Мазуринская редакция появилась в новой Пермской епархии, нуждавшейся в кратком каноническом своде.

Однако можно предположить, что другая особенность Мазуринской редакции — отсутствие нумерации правил — определила ограниченность ее распространения.

Помимо кормчих Мазуринской редакции известны и другие славянские рукописи, содержащие церковные каноны с расположением в порядке XIV титулов.

Это рукопись посл. трети XV в. из Ягеллоиской библиотеки (Лкц. 34/1952). Рукопись была описана Я.Н.Щаповым³⁰. Начало рукописи утрачено. Правила начинаются с конца главы 29 грани 1 (л. 1-258), но всюду сохраняются указания о том, какое это правило. Далее следуют главы 44-64 из кормчей Сербской редакции, начинающиеся Посланием Нила Черноризца к Хариклию пресвитеру, в том же порядке, что и в Сербской редакции. Никаких следов редакторской работы данная рукопись не содержит.

Ряд особенностей отличает от этой рукописи Кормчую XVI в. из Румянцевского собрания (РГБ. Рум. 236), где основное собрание правил следует также в порядке Указателя XIV титулов. Начинается эта Кормчая с двух статей по истории вселенских соборов, затем идут вводные статьи из Сербской кормчей (истолкование стиха, глаголемого «Господи Исусе Христе Боже наш...», истолкование Символа веры, истолкование молитвы «Отче наш», два предисловия «сведшего правила»). Далее следует Указатель XIV титулов, содержащий лишь оглавление без указания соборов и правил. В оглавлении в главе 8 14 грани есть приписка: «сна глава всмаа, писана ѿ дѣкы заднен, по правнлехъ стѣхъ ѿщѣ, н по црѣвскыхъ кннгахъ. Пвд

тою главою писана поученїи стѣльскаа , ко сѣннѣмъ архимандритѣмъ, и ко всемоу сѣннѣмъскомоу унноу и днаконскомоу. Та же писана под тою жь главою антѣрьгїа ежствнаа с тѣлькованаа»³¹. С л. 27 по 289 об. следуют сами правила, расположенные в порядке Указателя XIV титулов. Однако имеется ряд отклонений от Указателя XIV титулов. Например, в 3 грани к главе 5 добавлены правила ап. 1, Ник. 7, Халкид. 12, Ефес. 8, Антиох. 9, Сардик. 3, Констант. 2, 2 вселенск. 3, 4 вселенск. 28, 9, 17, 29, 6 вселенск. 36, 39. В 6 главу добавлена новелла Юстиниана из 47 главы Сербской Кормчей (Грань I, гл. 9). В других главах также имеются отклонения от Указателя XIV титулов: грань 1, глава 12 добавлено ап. 13, Сардик. 11, глава 14 добавлены ап. 23, 24, 76, глава 23 — ап. 5.

В Румянцевской Кормчей дважды приводится 19 Лаодикийское правило в двух редакциях и с двумя толкованиями (л. 77 об., 87 об.), и на л. 88 об. снова содержится отсылка к этому же правилу. Однако в других случаях составителю как правило, удавалось избегать повторов и он делал отсылки, например на л. 48 об.: «сѣмое на десѣте правнло писѣ на дрѣгомъ антѣж назадн», л. 160 об.: «тогѣ събора правнло еї писано назадн, в патон главѣ»

Вторая часть Кормчей в Румянцевском списке, как и в Ягеллонском, содержит главы из Сербской кормчей (начиная с 44-й), но соответствие кончается на 60-й главе; статьи о ересьях отсутствуют, после «Беседы святого Диодоха» следуют правила святых отец — Василия Великого, Петра Александрийского, а также апостолов Петра и Павла.

Можно предположить, что обе указанные рукописи восходят к одной редакции.

Третья группа Кормчих связана с именем Вассиана Патрикеева. В своде Вассиана правила расположены в порядке Указателя XIV титулов. Кормчая Вассиана привлекала внимание исследователей, начиная с А.С.Павлова, но

их интересовали в первую очередь оригинальные статьи этой Кормчей, отражавшие взгляды нестяжателей³².

Ю.К.Бегунов высказал предположение, что Вассиан Патрикеев использовал в качестве источника Кормчую Ивана Волка Курицына³³. Это положение, основанное только на том, что в обеих рукописях каноны расположены в порядке XIV титулов, повторялось и в работах Н.А.Казаковой³⁴, и в обзорной работе И.Жужека³⁵, и в немецком издании Мерила Праведного Р.Шнейдера³⁶.

Сопоставление рукописи Кормчей Ивана Волка Курицына (РГБ. Ф. 173, № 187) с известными списками Кормчей Вассиана (РГБ. Пискарь. 39; РГАДА. Ф. 181. № 1597; ГПБ. Ф. II. 74; Владимиро-Суздальский музей-заповедник, В 5636/399) полностью опровергает это предположение. В Кормчей Вассиана все правила даны с указанием, какого они собора, нет правил с неполным текстом, совпадающим с Кормчей Ивана Волка Курицына, нет соответствия и в дополнительных статьях.

Возникает вопрос, сам ли Вассиан расположил правила в порядке Указателя XIV титулов, или он пользовался рукописью, где правила уже были так расположены, но не в варианте Мазуринской редакции.

Недавно исследовавший Кормчую Вассиана А.И.Плигузов считает, что Кормчая Вассиана «была создана им заново, на основе кормчих традиционных редакций»³⁷. Источниками Кормчей Вассиана исследователь считает следующие рукописи: рукопись русской редакции, хранящуюся в библиотеке Симонова монастыря («прежде она принадлежала симоновскому архимандриту, а затем, с 1506 по 1515 г. — ростовскому архиепископу Вассиану Санину»), сербскую кормчую, восходящую к номоканону Евфимия Брянского, древнеславянскую кормчую Саввы Вишерского, вывезенную с Афона. Он отрицает какую-либо зависимость Номоканона Вассиана от рукописи Рум. 236 на том основании, что оригинальные дополнения Вассиана «не находят аналогий в Рум. 236; не отра-

зились в Рум. 236 и реликты Номоканона XIV титулов, сохранившиеся в Синтагме вассиановской кормчей, а каноны, внесенные в грани румянцевского сборника сверх указанных в традиционном Сборнике XIV титулов не находят соответствия в подборках Вассиана»³⁸.

Вассиан Патрикеев указывал в списке РГБ, что он делал свой список «с Симановских правил да с другага съписака — с правил архиепископа Вассиана Ростовскаго, что вывез ис святой горы Сава Савиньского монастыря, что в Твери, да с третьяго списка — с правил епископа суздальскаго Евфимия, что вывез их изо Брянска с собою»³⁹. Иначе читается эта запись в рукописи из собрания РГАДА: «Д писана съ симановьскы правнлъ да с дрѣгова спнска съ правнлъ архнепѣа вассѣана рѣстовскаго; что въвезъ нзъ стѣн горы сава, савнньскаго монастырѣ. | утѣ въ| твѣ| рн»⁴⁰.

Правила Евфимия Суздальского здесь вообще не упомянуты, а правила архиепископа Вассиана Ростовского отождествляются с правилами, вывезенными с Афона.

Под «Симоновскими правилами» может подразумеваться Кормчая митрополита Симона 1499 г. Чудовской редакции⁴¹. Эта редакция содержит правила как в сербской, так и в древнеславянской версии, поэтому вероятно, что с Афона была вывезена не Кормчая древнеславянской редакции, как это предполагает А.И.Плигузов, а Кормчая с расположением правил в порядке XIV титулов.

Трудно предполагать, что Вассиан Патрикеев сам расписывал правила по XIV титулам, а не пользовался уже готовой редакцией с подобным порядком. Как и в Мазуринской Кормчей, правила, не попавшие в основное собрание в порядке XIV титулов, даются по соборам после основного собрания, так и в Кормчей Вассиана отдельно расположены правила Карфагенского собора, не вошедшие в XIV титулов (50-52, 64, 75, 77-105).

Вассиан Патрикеев проделал большую редакционную работу, он редактировал и сам Указатель XIV титулов, о

чем имеются записи в его рукописи: в главе 2 грани 1 написано: «ї о поставленіи епіа аще нмѣтъ разоумѣ н оуѣненіе всемоу писанію въ .ѣ. гранн .ѣ. главы вѣнсати н зде»⁴².

Кроме того, в распоряжении Вассиана были правила Иоанна Зонары, о чем свидетельствуют указания рукописи РГАДА на л. 10 и 20: «нз зонарѣ вынати сѧ шпѣи» и он поместил переведенное Максимом Греком толкование Вальсамона на 14 апостольское правило, о чем опять же в рукописи имеется указание: «Гіе правнло переведено, съ вѣрорѣцкѣи правнлъ съ соборнѣи с грецескѣи на москвѣи максимѣ старцеѣ стѣи горы. что переводнлъ псалтырь тоаковжо»⁴³. Само стремление Вассиана Патрикеева указывать источники свидетельствует о высоком уровне его редакторской работы.

Необходимо отметить, что из лагеря иосифлян тоже происходит список Кормчей с расположением правил в порядке XIV титулов. Это замечательный, но обойденный исследователями памятник — Кормчая игумена Иосифо-Волоцкого монастыря (1522-1543), позднее — епископа Сарского Нифонта Кормилицына (РГБ. Егор. 156). Эта рукопись на л. 10-22 содержит исключительно важную запись, которая проясняет судьбу Кормчих на Руси.

- л. 10. Сѧ кннга іѡсифова монастырѧ ѧ писѧ га сѧ
- л. 11. сѣи правнла еіце во іѡсифовѣ монастырѣ во нѣрѣменѣ
- л. 12. а гдѣ мн бѣде нн слѣуѣи сѧ преставнтѣи н пожаловалѣи
- л. 13. по мнѣ ѡдалн во снфѣ монасты. понеѣ писѧ га сѣи прлѣи
- л. 14. про севѧ по гранѣ . а не по соборѣ н что н не давѧ
- л. 15. с нѣ спнсывѧ` понѣ данѣи мѣрополѣи видѣи іѣи мнѣ
- л. 16. говорѣи про севѧ дѣ есн писѧ ѧ тако "не нѣде писѧ .
- л. 17. н макарію мѣрополнтѣи лнтѣи есми казѧ н ѡ рекѣи
- л. 18. токо де тѧ писѧ . н еретѣи" де все роскрадѣ . н га ѣ нн
- л. 19. н процѧ сѧ н пожалѣи мена н простнли . ѧ пѣписѧ га сѧ.
- л. 21. своєю рѣкою . то есми ѡбѣщѧ дѧ по своен дше н по рѣтелѣ
- л. 22. мой . по ннокѣ іѡакимѣ . н домне . н по севѣи іѣи по своѣи
врѧѧ . н по сестрѧ.
- л. 23. по ннокѣ . ѧмфнлѣѣ , н снмоне . н по нокентѣи
н нване . н тнмоѡнн .
- л. 24. оуланѣи . н агрепѣне . ѧ дрѣгѣи правнла

- л. 25. постннковы съ главамн . а главы та сам⁵
 л. 26. пнсѧ . ѿ ѹтобы мою дшю грѣшнѹю
 л. 27. поманѹли . а рѣшенъ бы мой кой здѣ
 л. 28. написаны в сенанѣ пнсали . ѿ ѹтѣ
 л. 29. гѣ бгѣ нашъ . ис . хс . нзбавѣ на вѣвныа мѹки:

В этой приписке подчеркнуто то, что Нифонт выступал не просто переписчиком, но редактором, преследовавшим собственные цели, (именно так по-видимому надо понимать характеристику «про себя»), отмечено и расположение «по гранем, а не по соборам», и зафиксировано отрицательное отношение Даниила митрополита и Макария митрополита к труду Нифонта⁴⁴.

Кормчая Нифонта имеет ряд особенностей, отличающий ее от других рукописей, перед Кормчей содержатся дополнительные статьи, выписки, отражающие интересы самого Нифонта. Указатель 14 титулов расположен на листах 30-50 и содержит целый ряд отличий от указателя Сербской редакции, в том числе и указания на градские законы. Сербская редакция была не единственным источником Кормчей Нифонта, подобно Вассиану, он также объединил несколько редакций, включив и памятники русского происхождения, в том числе и поучение Петра митрополита. Источники Кормчей Нифонта еще предстоит исследовать, важно то, что с нее не было сделано списков, и труд Нифонта был осужден.

Как известно, была осуждена и Кормчая Вассиана, и митрополит Даниил высказал новый взгляд на Кормчую, утверждая ее непоколебимость и неизменность: «И тое книги не смел никътоже разрешити или чем поколебати от седмаго собора до руского крещения, а в нашей русской земъли та книга больши петисот лет ... неразрушима и непоколебима была ни от кого». Вассиан обвинялся в том, что он «малую сию некую часть по своему маломуию угодна написал, а иная вся разметал»⁴⁵.

Так были остановлены попытки новой систематизации канонов. Сама задача создания сокращенных тематичес-

ких сводов, поставленная еще славянскими первоучителями, стала казаться подозрительной и предосудительной.

Таким образом, мы можем говорить о наличии в русском каноническом праве XVI в. новых тенденций, отличных от поздневизантийского канонического права. С XIV в. в Византии, а позднее и у православных в Турции наибольшее значение и популярность приобретают сокращенные сборники церковных канонов – «Эпитомы» Константина Арменопула и Алфавитная Синтагма Матфея Властаря, позволявшие ориентироваться в разнообразном содержании церковных канонов, и выделявшие наиболее важные нормы. В русских канонических памятниках, начиная со Сводной Кормчей митрополита Даниила начинает преобладать ориентация на церковную практику, что отразилось также и в Стоглаве⁴⁶. Изучение редакций Кормчих особого состава позволяет понять причины появления этих новых тенденций и уточнить значение канонических памятников в русской культуре.

¹ Лаврентьевская летопись 6495 – ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. С. 105.

² *Троицки С.* Хилендарски Номоканон // Хилендарски Зборник. I. Београд, 1966. С. 81.

³ Этой статье посвящена работа: *Шапов Я.Н.* Южнославянский политический опыт на службе у русских идеологов XV в. // *Byzantinobulgarica*. Sofia, 1966. Т. II. P. 199-214.

⁴ *Burgmann L.* Der Codex Vaticanus graecus 1167 und der serbische Nomocanon // *Recueil des travaux d'etudes byzantines*. № XXXIV. Београд, 1995. С. 105.

⁵ Кормчая (Номоканонъ). Отпечатана съ подлинника Патриарха Иосифа. Изд. третје, стереотипное. СПб., 1998.

⁶ *Шапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978. С. 185-186.

⁷ Там же. С. 242.

⁸ *Троицки С.В.* Како треба издати Светосавску крмчију (Номоканон са тумачењима). Српска академија наука. Споменик СII. Београд, 1952. С. 71-72.

⁹ *Burgmann L.* Der Codex Vaticanus... S. 104.

¹⁰ Рукопись эта была известна В.Н.Бенешевичу, который опубликовал по ней «Видение» Диадوخа и собирался издать ее описание – *Бенешевич В.Н.* «Видение» Диадوخа, епископа Фотикийс-

- кого в Эпире // Зап. Имп. Акад. наук. VIII серия. Ист.-фил. отд. СПб., 1908. Т. VIII. № 11.
- 11 Исследователи расходятся в определении степени участия патр. Фотия в создании нового канонического свода. См.: *Бенешевич В.Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905. С. 52-60.
- 12 Кормчая. М., 1653. Л. 31 об., 33 второй фолиации.
- 13 *Бенешевич В.Н.* Канонический сборник... С. 307-313.
- 14 Иером. Каллист. Номоканон св.Фотия, патриарха Константинопольского. М., 1899. С. 125-127.
- 15 *Павлов А.С.* Заметки о греческих рукописях канонического содержания из Московской Синодальной библиотеки. Одесса, 1874. С. 13-15.
- 16 *Mai Angelo.* Spicilegium Romanum. Roma, 1842. Т. VII. Переиздание: Migne. Patrologiae Cursus Completus. Series Graecae. Т. CIV. P. 441-976.
- 17 *Бенешевич В.Н.* Канонический сборник... С. 14.
- 18 *Бенешевич В.Н.* Номоканон Иоанна Комнина, архиепископа Ахридского // ВВ. Т. XXII. Вып. 1-2. Пг., 1916. С. 41-61.
- 19 *Трошки С.В.* Како треба... С. 85-87.
- 20 *Бегунов Ю.К.* Кормчая Ивана Волка Курицына // ТОДРЛ. Т. XII. М.-Л., 1956. С. 147-148.
- 21 См.: *Белякова Е.В.* Источники Кормчей Ивана Волка Курицына // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 75-83.
- 22 ГИМ. Воскр. 29. Л. 360; РГАДА. Ф. 196. № 534. Л. 160.
- 23 *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское... С. 108.
- 24 Там же. С. 106.
- 25 *Magnae Moraviae Fontes historici.* Vol. IV. Brno, 1971. P. 237-241.
- 26 *Вашица И.* Кирилло-мефодиевские юридические памятники // Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М., 1963. С. 20-21.
- 27 *Павлов А.С.* Номоканон при Большом Третьнике. М., 1897.
- 28 См.: *Смирнов С.И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912; приложение, а также «Правила святых отец» из книг Кирилла Белозерского: *Прохоров Г.М., Розов Н.Н.* Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 376-378.
- 29 ГИМ. Чуд. 168. Л. 140-160.
- 30 *Щапов Я.Н.* Восточнославянские и южнославянские рукописи в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Т. 1. С. 130-134.
- 31 РГБ. Рум. 236. Л. 26.
- 32 *Павлов А.С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Ч. 1. С. 72-73.
- 33 *Бегунов Ю.К.* Кормчая Ивана Волка Курицына // ТОДРЛ. Т. 12. Л., 1956. С. 147-148.
- 34 *Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.-Л., 1960. С. 94-96.
- 35 *Zuzek J.* Kormiaja kniga (Orientalia Christiana Analecta, 168). Roma, 1964. P. 42-43.

- 36 *Schneider R.* Die moralisch-belehrende Artikel im altrussischen Merilo-Pravednoe. Freiburg, 1986. (Monumenta linguae Slavicae, XXIII).
- 37 *Плигузов А.И.* Кормчая Вассиана Патрикеева // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 34-35.
- 38 Там же. С. 38.
- 39 *Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев... С. 183.
- 40 РГАДА. Ф. 181. 1597. Л. 3.
- 41 *Андропова М.В.* К истории Кормчей в соединении с Мерилом Праведным в XV в. (Погодинская редакция) // Byzantinorussica. М., 1994. Т. 1. С. 112. Прим. 3.
- 42 РГБ. Муз. 474 (Писк. 39). Л. 26.
- 43 РГАДА. Ф. 181. 1597. Л. 83.
- 44 РГБ. Егор. 156. Л. 10-22.
- 45 *Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев... С. 286.
- 46 *Емченко Е.Б.* Стоглав: происхождение и рукописная традиция XVI-XVII вв. Дисс. на соиск. уч. степени кандидата ист. наук. М., 1995. С. 209-210; *Белякова Е.В.* Путь к Стоглаву: особенности русской канонической традиции на примере Мазуринской Кормчей // Старообрядчество: история, культура, современность. Тезисы научно-практической конференции 1998 г. С. 209-210.

ПРИПИСНЫЕ МОНАСТЫРИ НИЛО-СТОЛОБЕНСКОЙ ПУСТЫНИ. ВОЛГО-ВЕРХОВЬЕ

Нило-Столобенская пустынь, как и многие большие известные монастыри России, имела приписные обители. Это были маленькие, не получавшие от казны никакого содержания монастыри, находившиеся на полном обеспечении у богатых. В 1649 г. у истока реки Волги, в 40 верстах от Столобного острова озера Селигер, по указу царя Алексея Михайловича открыли мужскую Преображенскую Волговерховскую пустынь; и сразу приписали к Ниловой пустыни. В новом монастыре была деревянная церковь во имя Преображения Господня с приделами во имя Иоанна Предтечи, деревянные кельи и ограда. Настоятелями Волговерховской обители стали строители Паисий (1696—1701), Антоний (1702), Иов (1710), Михаил (1712), Антоний (1718—1719), Пахомий (1723).

В 1699 г. по указу Петра I в монастырь из Приказа Большого Дворца направили несколько Богослужбных книг: Молитвослов, Требник, Воскресное Евангелие, Ермологий, Евангелие на престольное в переплете из травчатого бархата с серебряным вызолоченным по обеим сторонам средником и наугольниками с надписью: «1699 года Января 30 дня по указу Царя Петра I из Приказа Большого Дворца в приписной к Ниловой пустыни Спасо-Преображенский монастырь, что на Волгине Верховье». Позднее это Евангелие хранилось в ризнице Ниловой пустыни.

В 1700 г. в городе Осташкове крестьянином Иосифовской слободы Семеном Васильевым Бочкаревым Волговерховской пустыни был подарен двор. В 1724 г. монастырь сгорел, настоятель и десять человек братии

перешли в Нилову пустынь, ей также стали принадлежать земли и Преображенской обители.

По указу Верховного Тайного Совета в 1727 г. монастырь на Волго-Верховье вновь отстроили, но монашествующих в нем не было, проживал здесь лишь причетник Елисей Андреев, присматривавший за строениями. Протоиерей Владимир Успенский отмечал, что по документам Ниловой пустыни с 1740 г. Спасо-Преображенский монастырь был совершенно запустевшим.

Начало Волги — особое место. Исток ее стал как бы символом самой России. В.В.Розанов в начале столетия писал: «Великая священная река», а подобно тому, как мы говорим «Святая Русь» в применении тоже и физическому очерку страны и народа... Кроме этого названия, она носит еще другое и более священное — матери: «матушка-Волга»... Так почувствовал ее народ в отношении к своему собирательному, множественному, умирающему и рождающемуся существу... В ней что-то неизмеримое, вечное, питающее». (Розанов В.В. Русский Нил//Новый мир. 1989. № 7. С. 192-193).

Исстари, по сложившейся традиции, над ключем, дающим начало Волге, стояла древняя часовня. Приезжавшие в Волго-Верховье известные художники А.П.Рябушкин, И.И.Шишкин в своих работах запечатлели исток и часовню. В ней находился образ преподобного Нила Столобенского Чудотворца; святой освящал рождение великой реки. Нилова пустынь постоянно поддерживала в хорошем состоянии часовню над истоком, даже когда не было приписной к ней Волго-Верховской Преображенской пустыни.

В начале XX столетия у истока Волги вновь появилась святая обитель. Это время было ознаменовано большими событиями: отмечалось 100-летие победы России в Отечественной войне 1812 г. и 300-летие дома Романовых. Народ обращался к своим истокам. Новый монастырь в

Волго-Верховье, хотя и не был приписан к Ниловой пустыни, но постоянно получал от нее помощь.

Обитель у истока Волги имела своеобразную историю. И начиналась она с постройки каменного храма в селе Волго-Верховье. По инициативе жителей волжских городов, стремившихся отметить духовную значимость начала великой русской реки, на добровольные пожертвования начали строить в селе Волго-Верховье каменный храм. Большой вклад внес государь, активную помощь средствами оказывало Всероссийское общество Святой Ольги.

В городе Осташкове создали уездный строительный комитет по возведению храма у истока Волги, председателем назначили настоятеля Нило-Столобенской пустыни архимандрита Пахомия. 17 апреля 1902 г. он заключил договор с лучшим зодчим, мастером каменных дел из Осташкова, Иваном Николаевичем Суравковым, которым в конце XIX-начале XX в. были возведены многие храмы в Селигерских землях и все лучшие каменные дома города¹.

Каменная церковь на истоке Волги была необычной: в ней заключено глубокое сакральное содержание. Главный престол — Спасо-Преображенский, правый придел посвящен святой княгине Ольге, левый — Иоанну Предтече. Пятиглавый собор возведен в псевдо-русском стиле. Главный престол освятили лишь 23 апреля 1920 г.² А сам проект здания выполнил еще в 1904 г. тверской архитектор Виктор Назарин³. Сохранившаяся гравюра с проектного чертежа собора явно свидетельствует, что каменный храм на истоке Волги повторяет формы древнерусской архитектуры московского Троицкого собора на Красной площади, более известного как собора Василия Блаженного. Но при реализации проекта допустили некоторые изменения: главы храма гладкие, а не витые, как у древнего столичного собора. В сельской церкви на истоке Волги не было изысканного и обильного «дивного узорчья» из камня, как у прославленной московской Святыни. Подобные отступления можно объяснить отсутствием

необходимых средств, о чем красноречиво свидетельствуют архивные материалы.

В обращении зодчих начала XX столетия к традициям древнерусской архитектуры отразилось стремление народа осмыслить значимость отечественной истории. Стремление повторить собор Василия Блаженного на Красной площади Москвы на истоке Волги не случайно: этим подчеркивалась духовная взаимосвязь прославленного собора столицы России с храмом у начала великой русской реки. Собор Василия Блаженного был построен в 1555—1561 гг., отличался от всех храмов своим композиционным построением. Он являлся уникальным и новым произведением древнерусской архитектуры, знаменующим одну из высших точек развития зодчества. Особенность и неожиданность его композиции состояла в том, что центром девятичастного построения стал шатровый храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Появление шатра означало крупный перелом в развитии архитектуры — древнерусское зодчество отходило от традиций византийского крестовокупольного храма. Стремление русских строителей к необычности и выразительности ярче всего воплотилось в форме шатровых сооружений. Этот мотив шатра хорошо читается в завершении Спасо-Преображенского собора и его колокольни.

Исследователи особенностей композиционного построения собора Василия Блаженного связывали влияние на храм Красной площади Москвы главной христианской святыни — храма Гроба Господня и градом Иерусалимом. Символически образу града могли придавать черты конкретного храма, а образ же храма мог ассоциироваться с образом града. В архитектурном языке собора Василия Блаженного явно присутствует изобразительное начало, средствами которого воссоздается образ некого града. И это глубокое духовное содержание было передано строителями и Спасо-Преображенскому собору на истоке Волги.

Символическое содержание заключал и проект оформления интерьера храма. К сожалению, из-за революционных событий он не был осуществлен. Росписи стен Спасо-Преображенского собора посвящались прославленной и любимой русской святой – Равноапостольной княгине Ольге, внук которой киевский князь Владимир, также Святой Русской Православной Церкви, в 988 г. крестил Русь. В иконостасе «предполагалось поместить все лики Святых Угодников, происходящих из потомства первой Святой Русской Православной Церкви... Соблюсти полную историческую точность в изображении и порядке размещения Богоугодных отпрысков Святой Равноапостольной Великой княгини Русской»⁴. Можно сказать, что Спасо-Преображенский собор на истоке Волги должен был стать священным местом памяти о тех людях, которыми жила и была прославлена Земля Русская. Народное сознание связывало исток Волги и начало новой христианской истории Отечества.

Возвели Спасо-Преображенский собор местные мастера. Из приходо-расходных книг Волго-Верховского монастыря известно, что на строительстве работали каменщиками местные крестьяне: Димитрий Кузьмин Соколов, Василий Богданов; кирпич производили: купец Алексей Семенов из села Волго-Верховье, крестьянин Алексей Федоров Северов и другие, «обжигали кирпич по местному способу в напольных печах»⁵. По поручению уездного строительного комитета по возведению каменного храма в Волго-Верховье за качеством и производством кирпича наблюдает священник погоста Стреж Иван Голиков и помещик из имения Ивановское дворянин Алексей Николаевич Вараксин⁶.

Несомненно, возведение храма-святыни на истоке Волги было важным событием в духовной жизни России. Поэтому становится понятным, почему в 1906 г. в Волго-Верховье при храме собралась женская иноческая община, которая не имела монастыря, а жила в миру, соблю-

дая все правила иноческого бытия. В 1907 г. Указом Тверской Консистории женская община на истоке Волги была утверждена, ее возглавила «мещанка Вера». Новооткрытая община с разрешения прихожан села Свестова приобрела старую деревянную церковь, которую перевезли в Волго-Верхове⁷.

Так начинался новый будущий монастырь на истоке Волги. В 1907 г. инженер О. Кетлет составил план местности и обозначил границы обители⁸. Тогда же по инициативе иноческой общины начали строить деревянный храм во имя Святителя Николая, проект выполнил тверской архитектор Виктор Назарин. Возвел Никольскую церковь местный крестьянин Василий Забелкин из деревни Зенцово Хотошинской волости⁹. А была она освящена 27 июля 1908 г.¹⁰ Этот одноглавый высокий деревянный Никольский клетского типа храм, которых было много на Руси, сохранился до наших дней; его реставрировали в конце 70-х гг.

В 1909 г. из Верхневолжской Преображенской общины был создан общежительный женский Волго-Верховский Спасо-Преображенский монастырь Осташковского уезда Тверской епархии, настоятельницей определили игумению Веру¹¹. В 1912 г. эта обитель была переименована в Волговерховский Ольгинский женский общежительный монастырь Осташковского уезда Тверской губернии¹². В новую женскую обитель на истоке Волги в число инокинь пришли из Вышневолоцкого Казанского монастыря послушницы Агриппина Нилова, Алевтина Федорова, Анисья Михайлова¹³. В 1910 г. были приняты в послушницы мещанка из подмосковного города Клина Пелагея Соколова и молодая крестьянка Домна Федорова из деревни Лежа Козловской волости Вышневолоцкого уезда¹⁴, из Елизаветинской общины – Любовь Шатилова¹⁵. В монастыре также находились крестьянки Мария Гавриловна Афанасьева из сельца Быковка Денисовской волости Тульской губернии, Варвара Трифионовна Суханова

из деревни Архангельское Логиновской волости Тверской губернии¹⁶.

В храмах монастыря служили священники и дьяконы, которые получали жалованье от обители и жили в селе Волго-Верховье. Так в 1917 г. в Ольгинском монастыре служил отец Василий Данилов. В обитель на истоке Волги стремились попасть священнослужители даже из отдаленных Тверских и Новгородских земель. Примером такого желания наглядно служит письмо дьякона погоста Нила Любского и священника Петра Пенкина из села Сельцо-Карельское с просьбой предоставить им возможность служить в храмах Ольгинского монастыря¹⁷.

В великих молитвах и трудах проходила жизнь насельниц обители на истоке Волги. Об этом ярче всего свидетельствует письмо директора Императорского женского педагогического института О. Платонова Великому князю Константину Константиновичу, датированное 1912 г.: «Своими глазами я видел нищиту мирскую, сам точно знаю добрые труды и привычки сестер монастыря. Их до слез жаль: присланы они на новое и пустое место...бьются они изо всех сил и не могут завершить своего храма, живут без ограды и сыты тем, что сами сработают»¹⁸.

Монастырь получил поддержку от казны — землю и лесные угодья. Среди других даров документы отмечают серебряный крестик с ковчегом для вложения частицы Святых мощей княгини Анны Кашинской, от помощника благочинного Тверских обителей, игумена Виталия; от крестьянина села Волго-Верховье Ефима Волгица — землю. Из архивов известно, что 30 апреля 1911 г. игуменья Вера ездила в Москву «для принятия жертвуемой иконы»¹⁹.

Сестрам Ольгинского монастыря удалось сделать многое. Их обитель стала не только духовным, но и культурным центром на истоке Волги. В монастыре была библиотека, в ее собрании входили не только Богослужбные книги, но и историческая, научная литература, учебники. Библиотека постоянно пополнялась. В 1911 г. в ней по-

явились издания В.М.Скворцова, позднее была оформлена подписка на журнал «Русский инок», который печатался в Почаевской Успенской Лавре²⁰.

Много внимания уделяли воспитанию крестьянских детей. Они брали на полное содержание в монастырь девочек из бедных и осиротевших семей, обучали их грамоте, рукоделию и умению вести нелегкое крестьянское хозяйство. Когда девочки подрастали, они уходили из монастыря полностью подготовленные к жизни в миру, выходили замуж, и, конечно, полученные в обители знания и навыки помогали им строить семейные отношения и воспитывать детей.

В 1907 г. открылась монастырская Волго-Верховская школа грамоты, в 1911 г. ее преобразовали в церковно-приходскую²¹. В школе преподавали священнослужители, а также сестры обители. В декабре 1914 г., по представлению Осташковского отделения Тверского епархиального училищного Совета, игуменья Ольгина монастыря Вера получила «почетное звание попечительницы Волго-Верховской церковно-приходской школы»²². Для этой школы в 1907 г. был построен небольшой одноэтажный деревянный дом, который находился в южной части монастыря²³. Необходимыми для занятия учебниками обеспечивала школу библиотека обители. Детей учили не только грамоте, но и вести хозяйство. Поэтому в 1916 г. при школе устроили и огород²⁴.

Волго-Верховский Ольгинский монастырь был небольшой, бедный; основные средства сестер уходили на строительство. Но несмотря на это, обитель широко занималась благотворительной деятельностью. В деревянной Никольской церкви на протяжении всех лет существования монастыря собирали пожертвования в пользу вдов и детей сирот из семей священнослужителей²⁵. Волго-Верховский монастырь вкладывал деньги в различные общества и комитеты: Общество спомоществованию бедным воспитанницам Тверского епархиального

женского училища, Комитет Великой княгини Елизаветы, Общество Спасения на водах, Общество ревнителей истории, Главное управление Российского общества Красного Креста и другие²⁶.

Пожаловал деньги монастырь на истоке Волги и на сооружение храма в Петербурге в честь 300-летия царствования дома Романовых; были перечислены средства благотворительному обществу, осуществлявшему подготовку к празднику 100-летнего юбилея победы над французами в Отечественной войне 1812 г.²⁷ В обители многие сестры занимались рукоделием: шили, вязали кружева, делали домотканое льняное полотно и многое другое. Поэтому для раненых русских солдат в Первой мировой войне инокини шили белье; за что игуменья Вера и сестры получили благодарственное письмо от попечительницы Серебрянной общины Красного Креста²⁸.

Несомненно, молитвы насельниц Ольгина монастыря, их неустанный труд, широкая благотворительность укрепила общину и помогли в устройстве собственной обители. За очень короткий срок, кроме каменного Спасо-Преображенского собора, деревянного Никольского храма, ограды, были построены на северной стороне одноэтажная деревянная трапезная с кухней; на южной — в 1907 г. двухэтажные деревянные кельи настоятельницы и сестер; в 1910 г. — двухэтажный дом также для сестер и приезжавших паломников; а поблизости — здание школы. На территории монастыря, в северо-восточной части, размещались скотный двор, конюшни и сараи для скота и экипажей, хлебный деревянный амбар. В 1911 г. в восточной стороне построили деревянную баню.

Строительство велось не только в Волго-Верховье, но и на землях, принадлежавших обители. Так в 1913 г. на дороге за Волгой возвели одноэтажный деревянный дом, пристроенным к нему ледником, коровником, сараями для дров. В самом доме разместили почтовое отделение и квартиры для начальника почты и почтальона. В 1918 г.

дом передали во владение Советской власти, в 1922 г. почтовое отделение закрыли, а в здании разместили Верхневолжскую сельскую школу, но позднее ее ликвидировали из-за отсутствия детей в Волго-Верховье и окрестных селениях.

В 1914 г. в лесной монастырской даче построили небольшой одноэтажный деревянный дом, в котором жили сестры и послушницы во время полевых работ. Немного позднее здесь же возвели сарай и скотный двор. На земле, подаренной монастырю крестьянином из села Волго-Верховье Ефимом Волгиным, соорудили двор и одноэтажный деревянный дом для священника. В версте от обители располагалось кладбище Ольгина монастыря площадью в одну десятину (более 1 га), обнесенное земляным валовым рвом. Все это описание сооружений Ольгина монастыря было составлено в 1925 г. настоятельницей игуменией Верой, казначейной монахиней Антонией и благочинной монахиней Софьей²⁹.

Изучение архивных материалов позволяет сделать заключение, что сестры Волго-Верховского Ольгина монастыря успешно и рентабельно вели свое хозяйство. По финансовым отчетам за 1917 г. в приход обители было получено 7059 руб. 94 коп., а израсходовано 5284 руб. 97 коп., остаток составил 1774 руб. 94 коп. Архивные выписки позволяют понять не только, из чего складывался доход или расход Ольгина монастыря, но и деловые связи обители, а также определить основное занятие инокинь и послушниц.

Основные расходы составляла покупка продуктов для монастырской трапезы, которые приобретались в различных местах: у Веры Игнатьевой, владелицы лавок в селе Волго-Верховье; в общественной потребительской лавке города Осташкова (чай, рыба); в Осташковском союзе кооператоров «Селигер» (ржаная мука); в Осташковском обществе потребителей (сахар, мука); в частных магазинах осташковского купца Нагибина (мыло, чай,

дрожжи), у тверского купца Крупенникова соленую рыбу; у осташковского священника отца Дмитрия Маркевича приобрели лошадь. Как видно, обитель покупала только все самое необходимое.

Из своих доходов монастырь выплачивал жалование священникам, выделялись деньги на содержание школы; оплачивали труд местных крестьян, выполнявших различную работу для обители. Отдельная статья предусматривалась на благотворительность: в пользу общества восстановления Православия на Кавказе, сборы на распространение Православия среди язычников, Всероссийскому обществу памяти русской армии, павшей в Первую мировую войну, на содержание вдов и сирот духовного звания, на паломничество в Иерусалим к «Гробу Господню». Самый большой доход Ольгин монастырь получал от продажи скота, а также от билетов Государственной комиссии на бессрочный капитал второго 5% займа. Обитель очень немного получала от пожертвований, молебнов и церковной службы, а также от сдачи в аренду здания почте.

Как и повсюду в России, в отдаленной обители на истоке Волги все изменилось после 1917 г. Игуменья и сестры монастыря, получив Декрет об отделении церкви от государства, а вслед за этим в 1919 г. циркуляр, объяснявший процедуру этого отделения, понимали, что обитель будет разорена. Но они все же надеялись, что наступившее смутное время скоро минует, жизнь вернется в прежнее русло. Поэтому решили организовать на основе иноческой общины монастырскую трудовую коммуну, составили ее устав³⁰.

К 1924 г. сестрами была создана уже новая Верхневолжская сельскохозяйственная артель, о чем свидетельствовала запись в расходной книге Ольгина монастыря об оплате изготовленной в Твери в частной мастерской Х.М.Панкратова печати и штампа этой артели³¹. И, пожалуй, только строгие статистические сведения этой

приходо-расходной книги проливают свет на трагическую историю монастыря в советское время. Можно сказать, что к 1918 г. монастырь был закрыт. Монахини продолжали жить в обители, где сначала была создана монастырская трудовая коммуна, а позднее — сельскохозяйственная артель. Служба в соборе проводилась, но все строительство было прекращено. Не суждено было воплотиться в реальность прекрасным проектам росписи Спасо-Преображенского собора.

Власть изъяла у монастыря абсолютно все — земли, здания. Финансовые записки коммуны и артели, которые продолжали вести бывшая игуменья Вера, казначейная монахиня Антонина и благочинная монахиня Нина, позволяют сказать, что сестры очень много работали. Они продолжали заниматься животноводством, самые большие доходы получали от продажи скота. На втором месте — доходы от ручного рукоделия; немного получали от продажи семян, сена, льна, холста, льняной пряжи. На нужды храма сбор был мизерным.

Самые большие расходы монастыря в советское время составляли налоги. Платили за все: сельхозналог; за конфискованные здания и сооружения, которые новая власть по «новым законам» сдавала в аренду инокиням; в отдел землеустройства в Осташкове за аренду хозяйства; в Осташковское страховое агенство; Бельковскому председателю сельского совета И.И.Семенову за сенокосные угодья. Налоги постоянно росли, появлялись новые. А иногда власть одни и те же налоги требовала уплатить дважды, как в июле 1924 г. — за аренду хозяйств в Осташковский финансовый отдел. И хотя сестры работали много, хозяйство дохода не приносило. Доход 1923 г. составлял 7 коп., в 1924 г. — 53 коп. ...³².

Далее все записи прерываются; можно сказать, что к 1924 г. община бывших монахинь Верхне-Волжского Ольгина монастыря прекратила свое существование. Прошло время, закрыли храмы, сбили кресты, в запусте-

нии пришла часовня над истоком Волги. Во время Великой Отечественной войны фашисты взяли село, но они не разрушили монастырских храмов. Безбожное время превратило в пустыню не только обитель в честь русской святой княгини Ольги, но и все село и округу. О всех монастырских зданиях, школах, библиотеках теперь можно узнать только по сохранившимся архивным материалам и по остаткам фундаментов зданий, поросших травой. Большой каменный Спасо-Преображенский собор много лет использовался под склад зерна.

В 60-е гг., когда предпринимались попытки создать Селигерскую курортно-туристическую зону, появились грандиозные проекты создания историко-культурного заповедника на истоке Волги, куда предполагалось собрать старинные деревянные дома, а в Спасо-Преображенском соборе открыть музей Волги и показать все областные волжские города. Это «безумство планов» было обречено на неудачу.

А время неумолимо шло и шло; не стало в Волго-Верховье стариков и старушек, которые помнили еще монастырь и весной ежегодно чистили русло истока. Последнюю бабушку Пушкину дети увезли в Свапуще, большую деревню на берегу Селигера. В селе не стало детей и школы, из Волго-Верховья уехала последняя семья учительницы Поляковой, которая принимала всех, кто отваживался по лесному бездорожью пройти 25 км, чтобы попасть на исток.

И все же в конце 70-х гг. что-то незаметно, подспудно стало меняться. В Волго-Верховье пришли из Осташкова реставраторы, начали проволить в порядок монастырские храмы. Это было великое подвижничество: в условиях бездорожья восстанавливали Спасо-Преображенский собор и Никольскую церковь. Многое зависело от ведущего архитектора проекта из Тверской реставрационной мастерской Анатолия Ивановича Кустова и начальника Осташковского реставрационного участка Алексея Алексее-

вича Ковалева, который родился неподалеку от истока — в деревне Жуково. Удалось обойти и преграды ученых-эстетов, которые считали, что здания начала XX столетия не представляют какой-либо художественной ценности, а поэтому их нельзя считать памятниками архитектуры и вести реставрацию.

Восстановление монастырских храмов велось на средства Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Так уж получилось, что Спасо-Преображенский собор Ольгина монастыря в Волго-Верховье, построенный на пожертвования народа в начале XX столетия, в конце века также был возрожден на добровольные взносы миллионов людей, которых объединяло это общество. И в этом видится глубокий внутренний смысл.

Несколько лет назад в мае, в день памяти святых Кирилла и Мефодия, создателей славянской азбуки, в Праздник Славянской письменности и культуры, в Волго-Верховье приехала большая делегация ученых, общественных деятелей, представителей культуры, Тверской епископ Виктор и настоятель Нило-Столобенской пустыни архимандрит Вассиан. У Ольгина монастыря отслужили молебен, освятили исток великой русской реки, установили крест над кровлей маленького рубленного домика, который стоит над ключем, дающим начало Волге. Молебен на истоке стал уже традицией. В июле 1995 г. служил здесь и Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, который совершил перенесение Святых мощей преподобного Нила Столобенского из Знаменского собора Осташкова на остров Столобное. Глава Русской Православной церкви не мог не посетить священное и близкое русскому человеку место.

Изредка стали приезжать в Волго-Верховье и некоторые монахини из Москвы, побывали здесь сестры из знаменитой нижегородской Дивеевской обители. Всех их принимают в Нило-Столобенской пустыни. Наместник

пустыни архимандрит Вассиан, понимая значение монастыря у истока Волги, его историю, из крайне ограниченных средств выделяет деньги, чтобы поддержать каменный и деревянный храмы. Вероятно, скоро оживет святыня у истока Волги; какой она будет — мужская ли обитель, как первая приписная к Нило-Столобенской Верхне-Волжская Спасо-Преображенская пустынь, либо как последний — женский Ольгинский монастырь — время покажет. Но твердо можно сказать: преподобный Нил Столобенский освящал и будет освящать начало Волги, а Нилова пустынь, как духовный центр Селигерских земель, всегда поддержит маленькую, удаленную в лесах обитель.

-
- ¹ ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Ед.хр. 9. Условия заключения на постройку на истоке Волги. 17 апреля 1902 года.
 - ² Там же. Ед.хр. 183. Л. 1. Волго-Верховье. Ольгин монастырь. Материалы за 1925 год.
 - ³ Там же. Ед.хр. 28. Л. 1. План по постройку церкви. 4 июня 1904 года.
 - ⁴ ЦГИА (Центральный Государственный исторический архив в Санкт-Петербурге). Ф. 799. Оп. 26. Ед.хр. 383. Л. 10. Письмо Всероссийского общества княгини Ольги обер-прокурору Синода. 1912 год.
 - ⁵ ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Ед.хр. 4. Л. 22, 35, 39, 40. Книга прихода и расхода комитета по строительству церкви. 1901-1907 гг.
 - ⁶ Там же. Ед.хр. 10. Л. 1. Протокол комиссии по строительству храма. 1903-1906 гг.
 - ⁷ Там же. Ед.хр. 47. Л. 1. Указ Тверской консистории. 1907 год.
 - ⁸ Там же. Ед.хр. 44. План местности. 1907 год.
 - ⁹ Там же. Ед.хр. 47. Л. 1, 2. О подряде на строительство деревянного храма. 1907 год.
 - ¹⁰ Там же. Ед.хр. 183. Л. 1. Волговерховье. Ольгин монастырь. Материалы за 1925 год.
 - ¹¹ Там же. Ед.хр. 54. Л. 1, 2. Дело об обращении Волговерховской Преображенской женской общины в общежительный женский монастырь. 25 сентября — 25 октября 1909 года.
 - ¹² Там же. Ед.хр. 184. Л. 2. Проект устройства при монастыре трудовой коммуны. Без даты.
 - ¹³ Там же. Ед.хр. 51. Л. 7. О перемещении послушниц. 4 марта 1908 года, 19 декабря 1909 года.
 - ¹⁴ Там же. Ед.хр. 65. Л. 1. Указ из Тверской духовной консистории игуменье Вере. 30 ноября 1910 год.

- 15 Там же. Ед.хр. 115. Л. 2-3. Наряд указов. 1914 год.
- 16 Там же. Ед.хр. 139, 140. Л. 1. О возобновлении пастората.
- 17 Там же. Ед.хр. 144. Л. 1-3. Письма в монастырь. 18 марта, 3 сентября 1916 года.
- 18 ЦГИА. Ф. 799. Оп. 26. Ед.хр. 383. Л. 8. О пособии на достройку церкви в Волговерховском Святой княгини Ольги монастыре. 1912 год.
- 19 ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Ед.хр. 59. Л. 1-2. Об отводе казенных земель и угодий. 24 мая, 18 августа 1909 года; Ед.хр. 58. Подношение игуменье Вере. Февраль 1909 года; Ед.хр. 111. Л. 2. О пожертвовании императрицы Александры Федоровны плащаницы. 1913 год; Ед.хр. 183. Л. 2. Волговерховье. Ольгин монастырь. Материалы за 1925 год; Ед.хр. 76. Л. 1. Приношения настоятельнице Волго-Верховского монастыря Вере. 30 апреля 1911 года.
- 20 Там же. Ед.хр. 73. Л. 1. Пополнение монастырской библиотеки. 8 августа 1911 года; Ед.хр. 95. Л. 1. О подписке на издания. Январь 1912 года.
- 21 Там же. Ед.хр. 73. Л. 1, 2. О преобразовании Волго-Верховской школы. 23 декабря 1911 года.
- 22 Там же. Ед.хр. 121. Л. 1, 3. Отношение Осташковского отделения Тверского епархиального училищного Совета. Декабрь 1914 года.
- 23 Там же. Ед.хр. 183. Л. 2. Волго-Верховье. Ольгин монастырь. Материалы за 1925 год.
- 24 Там же. Ед.хр. 145. Л. 1. Об устройстве при школе огорода. 1916 год.
- 25 Там же. Ед.хр. 82. Л. 1-15. Тетрадь для записи пожертвований. 30 апреля 1911 года — 31 декабря 1919 года.
- 26 Там же. Ед.хр. 150, 152, 153. Об оказании помощи. 1916 год.
- 27 Там же. Ед.хр. 117. Л. 1-10. Сбор на сооружение храма. 1914 год; Ед.хр. 64. Л. 1-15. Сбор средств. 28 февраля 1910 года.
- 28 Там же. Ед.хр. 122. Л. 1, 2. Благодарность игуменье Вере. Декабрь 1914 — 2 февраль 1915 года.
- 29 Там же. Ед.хр. 183. Л. 20-25. Волго-Верховье. Ольгин монастырь. Материалы за 1925 год.
- 30 Там же. Ед.хр. 165. Л. 1, 3, 6, 10. Декрет об отделении церкви от государства. Типовой устав для трудовой монастырской коммуны. 1918 год; Ед.хр. 171. Л. 1-10. Циркуляр об отделении церкви от государства. 5 февраля 1919 года; Ед.хр. 184. Л. 1-8. Проект устройства при монастыре трудовой коммуны.
- 31 Там же. Ед.хр. 162. Л. 48 об. Расходная книга Ольгина монастыря. Август 1924 года.
- 32 Там же. Л. 38 об., 39, 39 об., 42, 43, 44, 45.

ОБ ИЗДАНИИ СМОЛЕНСКОГО НАКАЗНОГО СПИСКА.

**(СМОЛЕНСКАЯ «НАКАЗНАЯ» ГРАМОТА МИТРОПОЛИТА
МАКАРИЯ ПО РУКОПИСИ МДА № 108. ИЗ ИСТОРИИ
СТОГЛАВА. ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО К.Ф.Н.
Т.А.ИСАЧЕНКО. М., 1996)**

Изучение истории церковного собора 1551 г. и свода его постановлений — Стоглава имеет длительную историографическую традицию, связанную как с многоплановостью содержащихся в нем сведений, так и с различной, иногда прямо противоположной оценкой значения собора в историческом развитии России. Поэтому любой факт издания источников по истории Стоглава представляет огромный интерес для исследователей.

Опубликованный Т.А.Исаченко в издательстве «Археографический центр» Смоленский наказной список или «наказная» грамота известна исследователям очень давно. В начале 50-х гг. XIX в. рукопись МДА 108, в которой содержится Смоленский наказной список, была приобретена А.В.Горским и затем передана А.Е.Викторову. Последний сделал с него копию, хранящуюся сейчас в ОР РГБ Унд. 1421. В историографию он был введен в 1904 г., когда вышла статья Н.Кононова, посвященная отдельным источниковедческим аспектам изучения Стоглава¹, в частности, проблеме датировки текста Стоглава. По его мнению, наказные списки были не извлечены из Стоглава, как считало большинство исследователей, а явились для него источником. Сам же Стоглав был создан лишь через некоторое время после собора, а именно в период с декабря 1551 г. по март 1554 г.

В 80-е годы нами было предпринято источниковедческое исследование рукописной традиции Стоглава и на-

казных списков, в результате которого была подтверждена та часть концепции Н.Кононова, в которой утверждалось, что текст Стоглава Полной редакции основан, помимо других источников, и на наказных списках. В результате исследования к изданию были подготовлены тексты Стоглава по рукописи Рум. 425 и Смоленского наказного списка². Текст последнего имеется также в приложении к диссертации³.

Издание Смоленского наказного списка, подготовленное Т.А.Исаченко, ориентировано в основном на лингвистов. Фототипическое воспроизведение текста сопровождается компьютерным набором с сохранением лингвистических особенностей текста: с дополнительными графемами древнерусского алфавита, титлов, настрочных знаков и т.п., что дает возможность при исследовании учесть все, даже самые незначительные особенности списка. В издании приведены разночтения с текстом Полной редакции Стоглава и имеется словоуказатель.

Вместе с тем заявленный столь высокий лингвистический уровень точности передачи текста противоречит его реальному воплощению. Только на проверенных нами двух страницах текста компьютерного набора (с. 136-137) было обнаружено около 40 неточностей. В основном это ошибки, связанный с обозначением выносных букв, буква «ѣ» передана как «е», выносная буква в конце слова передана как строчная с «ъ», пропущены отдельные буквы или, наоборот, добавлены лишние. Более того, при передаче текста пропущен целый фрагмент Смоленского наказного списка, при этом он передан как разночтение с текстом Полной редакции Стоглава: «а о духовных дѣлех протопопы и священницы о своихъ дѣтехъ духовных да приходятъ спрашивать кийждо к своему святителю. И святители ихъ поучаютъ и наказываютъ по священнымъ правиломъ» (л. 86 об.). В разночтениях Смоленского наказного списка и Полной редакции Стоглава, в прим. 160 приводится довольно большой по объему текст Сто-

глава, который в действительности имеется и в Смоленском наказном списке и расположен ниже по тексту (см. прим. 163). На полях воспроизведенного текста в качестве примечания зачастую ошибочно указаны номера глав Стоглава, соответствующие воспроизводимому тексту Смоленского наказного списка: гл. 6 вместо 34 (с. 136-137), или номер соответствующей главы опущен: гл. 40 (с. 138), гл. 91 (с. 140), гл. 53 (с. 141) и т.д.

Издание сопровождается небольшим источниковедческим исследованием, проведенным Т.А.Исаченко, отрывком из «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова) и статьей современного историка церкви архимандрита Макария (Веретенникова).

Определяя место Смоленского наказного списка в ряду источников, связанных со Стоглавым собором, Т.А.Исаченко называет текст этого списка Краткой редакцией Стоглава (с. 8). Так этот текст условно был назван А.Викторовым в письме ректору МДА архимандриту Михаилу от 2 апреля 1876 г. о зачислении рукописи в число книг библиотеки МДА. Тем, что текст Смоленского наказного списка назван Краткой редакцией, полностью игнорируется вся историографическая традиция изучения Стоглава. Уже ко времени одного из основных исследований Стоглава Д.Стефановича сформировалось устойчивое представление об основных редакциях списков Стоглава, которое пока еще никем не пересматривалось. Самой распространенной является Полная или Обширная редакция. Ее текст был опубликован в Лондонском⁴, Казанском изданиях⁵, Н.Субботиным⁶ и переиздан во втором томе «Российского законодательства»⁷. Производными от Полной являются Краткая редакция и так называемый Макарьевский Стоглавник. Текст Краткой редакции издан Д.Е.Кожанчиковым⁸ и в разночтениях присутствует в Казанском издании. Известно 5 ее списков. По подсчетам Д.Стефановича, она имеет до 40 крупных разночтений по сравнению с Полной. В основном — это

пропуски в конце (см.: гл. 19, 26, 47, 75, 79, 100) или середине главы (см.: гл. 11, 17, 41 гл. , в 21 и в 32, 44, 49, 59), переделки текста, связанные с его сокращениями, избавлением от имеющихся в тексте Полной редакции повторов и т.д. Появление Краткой редакции относится к началу XVII в., так как в ее списках имеется ссылка на печатный служебник, первое издание которого относится к 1603 г. и в гл. 9 упоминается имя патриарха.

Был издан и текст «Макарьевского Стоглавника», существующий в 3-х списках⁹. «Правила, поставленные на соборе 1551 г. 23 февраля», изданные Н.В.Калачовым¹⁰, которые отдельные исследователи, в частности митрополит Макарий (Булгаков), считали первоначальной редакцией Стоглава в действительности представляют «переделку особого извлечения из Стоглава»¹¹ Полной редакции. Особую редакцию — старообрядческую представляет собой текст Стоглава, изданный в 1913 г.¹²

Что же касается Смоленского наказного списка, то этот памятник по своей форме и содержанию относится к числу наказных списков, которых также насчитывается несколько видов: Владимирский, Каргопольский, в Вязьму и Хлепен и т.д., а не является «одним из редких списков, сохранивших Краткую редакцию Стоглава», как заявляет автор предисловия к изданию.

Анализируя кодикологические особенности рукописи, исследовательница различает две части в публикуемом тексте: митрополичий наказной список приходскому духовенству, который обрывается на л. 90 об. и указы черному духовенству, начинающиеся со слов «...князем и бояром, и всяким мирьским судиям священническаго и иноческаго чина на суд привлачати» (л. 91) и заканчивающиеся текстом 52 главы на л. 134 словами «приидѣте благословении отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царьствие от сложения миру и прочее по евангельскому словеси. И сия до zde священству вашему написахом» (с. 12). Однако заключительные слова не являются частью

текста гл. 52. Этот текст совпадает с концовкой гл. 28. Неясно, какой все-таки текст исследовательница называет Смоленской наказной грамотой: на с. 13 сообщается о том, что «начало текста в Смоленском наказном списке отсутствует», совершенно очевидно подразумевая вторую часть списка, адресованную монастырям (л. 91-134). На с. 14, соглашаясь с существующем в историографии предположением, что в Стоглав вошли царский наказ монастырям, святительское послание к царю и наказной список к приходскому духовенству, автор заявляет, что «предположительный оригинал последнего мы имеем в рукописи МДА», тем самым подразумевая его первую часть. Вместе с тем объем публикуемого текста из рукописи МДА 108 свидетельствует о том, что Смоленская наказная грамота включает обе части, выделенные автором предисловия к изданию.

Выделение в публикуемом тексте двух частей как в содержательном, так и в кодикологическом плане Т.А.Исаченко обосновывает следующими аргументами: разные водяные знаки, различная интенсивность чернил и данные языка. При этом она подтверждает, что весь текст написан одним почерком. Важно обратить внимание также на то, что между л. 90 и 91 совершенно очевидно наличие утраты листов, так как на л. 90 об. текст смысле прерывается на полуслове «правосла...», а на л. 91 начинается не с начала гл. 53, а со слов «...князем и бояром, и всяким мирьским судиям священническаго и иноческаго чина на суд привлачати». Что касается содержательной стороны, то в тексте Смоленской наказной грамоты можно выделить не две части, а три: постановления, касающиеся приходского духовенства (л. 85-91 об.), постановления собора о святительском суде — гл. 53-69 (л. 92-117 об.) и постановления, относящиеся к жизни монастырей (л. 119-134). При чем, если между 1-й и 2-й частями наблюдается утрата ранее существовавших листов, то между 2-й и 3-й сознательно оставлен чистый лист,

впоследствии заполненный текстом статьи «Об агнецах», написанной другим почерком. Кроме того, отмеченная Т.А.Исаченко как отличительная особенность 1-ой части текста часто встречающееся написание диграфа «аг» как «ог» (отмечено 8 случаев) и в то же время по ее мнению, не являющаяся характерной для 2-й части (с. 15), не соответствует действительности. Во 2-й части на л. 119-134 таких случаев 9.

Говоря о проблеме включения текста Смоленского наказного списка в Стоглав, Т.А.Исаченко вслед за Н.Кононовым настаивает на том, что текст Стоглава был создан в период с декабря 1551 по март 1554 г., а протограф Смоленского наказного списка уже существовал к июлю 1551 г., так как к этому времени уже существовал текст грамоты митрополита Макария в Симонов монастырь, в конце которой были перечислены главы, вошедшие в том числе и в состав Смоленского наказного списка (с. 15-16). В действительности, в митрополичей грамоте в Симонов монастырь указаны номера глав, которые совпадают с номерами соответствующих глав в Стоглаве, а не со Смоленским наказным списком, в котором отсутствует вообще какая-либо нумерация глав. Следовательно, Стоглав существовал уже к июлю 1551 г.

Рассматривая вопрос о соотношении Смоленского наказного списка и Стоглава, Т.А.Исаченко ссылается на наше исследование, в частности, диссертацию. Однако приведенные ссылки не имеют ничего общего с выводами нашего исследования. Ни в одной из работ не говорится о прямой зависимости Смоленского наказного текста и Стоглава (с. 15). Более того нами было установлено, что условно названный наказной список по типу Смоленского НС1 не тождественен тексту Смоленского наказного списка (с. 15)¹³. Еще большее удивление вызывает утверждение Т.А.Исаченко, приписывающее нам вывод о том, что текст в Рум. 425 является «промежуточным звеном» в текстологической цепочке Сводная

кормчая-Стоглав-Смоленский наказной список (с. 26). Одним из основных направлений в нашем исследовании было стремление доказать, что текст по типу Смоленского наказного списка явился источником для текста Стоглава Полной редакции.

Спорным представляется утверждение Т.А.Исаченко, что оригиналом Смоленского списка является «наказная» грамота, в какой-то степени повторяющая тип Вяземско-Хлепенского списка, то есть содержащая «наказы» как приходскому духовенству, так и монастырскому». Т.А.Исаченко называет его вопреки сложившейся историографической традиции «списком Павлова» (с. 16). Если сравнить наказной список архиепископа Саввы в Вязьму и Хлепен 1552 г. и Смоленский список, то окажется, что за исключением гл. 67-69 (о святительском суде), частично гл. 6, 40, 81, в остальном содержание этих наказных списков различно. Гл. 49-52, обращенные к монастырям, не входят в состав наказного списка в Вязьму и Хлепен и вместе с главами, номера которых были перечислены в грамоте в Симонов монастырь, повторяя в том числе те главы, которые вошли в наказной список в Вязьму и Хлепен — гл. 67-69, царский вопрос 31 гл. 41, расположены в рукописи после самого наказного списка архиепископа Саввы.

Издание текста сопровождается отрывком из «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова), который помещен с тем, чтобы не давать перевод текста публикуемого памятника. Но, так как Макарий анализировал содержание текста Стоглава, а не наказного списка, то в нем рассматриваются в том числе и главы Стоглава, отсутствующие в составе Смоленского списка (гл. 74, 85, 86 и.д.).

Статья историка церкви архимандрита Макария (Веретенникова) по своей сути не является аналитической и носит оценочный характер постановлений Стоглавого собора.

Несмотря на недостатки, рассмотренное лингвистическое издание Смоленского «наказного» списка, в особенности его фототипическое воспроизведение привлечет внимание ученых и будет способствовать появлению новых исследований истории Стоглавого собора.

-
- ¹ Кононов Н. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава // Богословский вестник. № 4. 1904.
 - ² Емченко Е.Б. Стоглав: предполагаемый оригинал Полной редакции // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1990; *Ее же*. Издания Стоглава и задачи научной публикации памятника // Археографический ежегодник за 1992 г. Наука. М., 1994; *Ее же*. Происхождение текста Стоглава // Архив русской истории. М., 1995; Стоглав: происхождение и рукописная традиция XVI-XVII вв. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М., 1995; *Ее же*. Новое о Стоглаве (о результатах источниковедческого исследования рукописной традиции Стоглава XVI в. // Макарьевские чтения «Памятники древнерусской культуры». Можайск, 1994. Вып.2. С. 63-72; *Ее же*. Стоглав: исследование и текст // Гуманитарная наука в России: соровские лауреаты. М., 1996. Т. IV. С. 59-65.
 - ³ Емченко Е.Б. Стоглав: происхождение и рукописная традиция. М., 1995. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. С. 236-273.
 - ⁴ Стоглав. Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче в лето 7059. Лондон, 1860.
 - ⁵ Стоглав. Казань, 1862; Изд. 2-е — 1887; Изд. 3-е (исправленное) — 1911.
 - ⁶ Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинах. Стоглав. М., 1890.
 - ⁷ Стоглав // Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т.2. / Отв. ред. тома — А.Д.Горский. С. 241-500. В «Российском законодательстве» текст Стоглава передан по Казанскому изданию 1911 г., но с приближением к правилам современной орфографии. В 1920 г. опубликован перевод текста Казанского издания на французский язык: Le Stoglav ou les cent chapitres. Traduction, avec introduction et commentaire par E.Duchesne. Paris. 1920. В серии «Bibliothèque de l'institut Français de Petrograd». Т. V.
 - ⁸ Стоглав. СПб., 1863; Пепринт: Stoglav. Introduction by W.F.Ryan. School of Slavonic and East European Studies. University of London. Printed in Germany. 1971.
 - ⁹ Макарьевский Стоглавник // Труды Новгородской ученой архивной комиссии. Новгород, 1912. Вып. 1-2.

- ¹⁰ Правила, поставленные на соборе 1551 г. 23 февраля. Изд. Н.Калачова. // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860-1861. Кн. V. Отд. II. СПб., 1863.
- ¹¹ *Стефанович Д.* Указ.соч. С. 107.
- ¹² Стоглав. М., 1913. (Напечатан в Христианской типографии при Преображенском богадельном доме в Москве).
- ¹³ *Емченко Е.Б.* Стоглав: рукописная традиция XVI-XVII вв. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 1995. С. 119.

ТРИ СИНОДИКА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ XVI—XVII ВВ.

Синодикам, одной из наиболее многочисленных групп памятников древнерусской письменности, посвящено относительно немного специальных исследований¹.

Особенно малоисследованным остается тип синодиков-помянников, несмотря на довольно широкое их цитирование в исторической литературе и признание ценности содержащихся в них сведений уже исследователями XIX в. Источниковедческим аспектам изучения синодиков-помянников в русской историографии XIX—XX вв. посвящена работа Н.В.Левицкой². Краткая характеристика видов синодиков-помянников, их соотношения и трансформации с начала XVI по XVII в. дана С.В.Сазоновым. Этому же автору принадлежит исследование о развитии и сравнительном анализе синодических предисловий³. Методические рекомендации по описанию синодиков-помянников содержатся в статье Дергачевой И.В., посвященной типологии синодиков⁴. Подробно классификация синодиков рассмотрена в статье С.Н.Конева⁵.

Синодики Троице-Сергиева монастыря привлекали внимание многих исследователей. На них ссылались, их сведения использовались в различных работах историко-искусствоведческого характера, однако специальных исследований этих памятников практически нет.

Впервые часть троицких синодиков (11 рукописей XVI—XVII вв.) были описаны библиотекарем Троице-Сергиевой лавры иеромонахом Арсением⁶ (А.Лобовиковым) в числе других славянских рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры. Им установлены примерные датировки, сделаны примечания об особенностях струк-

туры и содержания некоторых синодиков, указаны некоторые совпадения и аналогии.

Наиболее известным, часто цитируемым и самым ранним из сохранившихся троицким синодиком является Синодик 1575 г.⁷ Задачу его изучения и публикации поставили члены Комиссии по охране памятников Троице-Сергиевой лавры. В проекте издательской программы, разработанной П.Флоренским и П.Каптеревым, Синодик 1575 г. назван, наряду с Описью 1641 г. и Вкладной книгой 1673 г., «основным текстом по истории Лавры»⁸. Текст Синодика был скопирован и подготовлен к печати Ю.А.Олсуфьевым⁹, который составил именную указатель и ряд примечаний. Издание, однако, не было осуществлено.

Предисловие к Синодику 1575 г. включено в анализ текстов в работе С.В.Сазонова об истории синодичных предисловий¹⁰. Синодик 1575 г. относится им к третьему виду синодиков — литературных сборников, состоящих из помянника и кратких объяснительных статей о необходимости поминания умерших. Его и некоторые другие троицкие синодики С.В.Сазонов упоминает в статье о видах синодика-помянника¹¹. На Синодик 1575 г. и Синодик 1660 г. (№ 814) ссылается в качестве примера И.В.Дергачева¹². С.В.Конев использует синодики Троице-Сергиева монастыря для иллюстрации «вкладного типа» синодиков. Им составлена схема соотношения троицких Синодиков № 25, 40, 41, 42, 814, 817, 818, 346. Автор, не раскрывая своей аргументации, констатирует следующее: Синодики № 40 и 818 являются списками Синодика № 25 (1575 г.); Синодик № 42, с которого списан Синодик № 817 (1659 г.) — списком Синодика № 41; с Синодика № 25 (1575) списан также Синодик № 818, списком которого, в свою очередь, стал Синодик № 814 (1660 г.)¹³. В настоящей статье приводятся наблюдения, влекущие иные выводы о соотношении Синодиков № 40, 41 и 42. В указанной статье С.В.Конева приведена невер-

ная дата создания Синодика № 346 (1738 г.), он значится как Синодик 1728 г.¹⁴

Списку Синодика 1575 г., выполненному в 1679/80 г. по приказу Богдана Матвеевича Хитрово, посвящена статья Л.М.Спириной¹⁵, в которой помимо описания рукописи, ее структуры и содержания, указаны 62 троицких синодика XVI—XIX вв. (выявленные автором в ОР РГБ и собрании Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника (СПГИХМЗ).

Известные нам синодики XVI—XIX вв., имеющие отношение в Троице-Сергиеву монастырю, находятся в собрании ОР РГБ, РГАДА и СПГИХМЗ. Настоящее сообщение посвящено трем пергаменным синодикам, хранящимся в ОР РГБ в фонде Троице-Сергиевой лавры (ф. 304/1) под № 40, 41, 42. Поскольку эти рукописи не имеют описания в литературе, кроме краткой характеристики, данной им иеромонахом Арсением¹⁶, дадим более подробное их описание.

В Синодике № 40, 33 листа, пронумерованных арабскими цифрами, створки переплета деревянные, обтянуты серым бархатом со следами украшений посередине и двумя медными застежками; размер: 29,2 x 22,5 см. Сохранность хорошая. Рукопись украшена двумя орнаментальными заставками: на л. 1 в прямоугольник с двойной рамкой вписаны одна под другой две полуокружности, обрамленные мелкими трехлистниками, пространство между ними заполнено редкими розово-голубыми цветами на золотом фоне, боковые стороны прямоугольника оформлена в виде столбиков с орнаментом из вьющегося стебля. Красочный слой сильно потерт, имеются осыпи; на л. 2 заставка в виде прямоугольника с двойной рамкой, в которой посередине вписана окружность, обрамленная мелкими трехлистниками, внутри и вне окружности на золотом фоне расположены редкие стилизованные розово-голубые цветы. Краски имеют сильные потертости и осыпи. В начале л. 1 и 2 два инициала (К и С), выполненные

красками; заглавия киноварные. Утрачены три листа между листами с номерами 3 и 5 и два листа между листами с номерами 9 и 10, листы 4 и 33 вставные, рукопись не имеет окончания. Основной текст рукописи (исключая вставные листы 4 и 33) написан двумя почерками, одним почерком — листы с 1 до середины 30, вторым почерком — листы с 30 до 32 об.

В предисловии дается самоназвание рукописи: «Сиа книга глаголемая седадик, пишут в нее имена...». Как следует из предисловия, Синодик № 40 является «вечным» или «с сельники», т.е. перечисляет лиц, пожертвовавших в монастырь села и деревни или, в качестве эквивалента, давших денежный вклад в размере 50 рублей. Их имена не подлежат вычеркиванию и поминаются «доколе благоволит бог стояти стен обители сей». По мнению С.В.Сазонова, о принадлежности к разряду «вечных» синодиков говорит и сам материал, пергамент, редко использовавшийся для рукописей конца XVI в.¹⁷ Запись имен сплошная, в строку, над большинством имен киноварью надписаны фамилии.

Текст разбит на 12 статей, нумерация которых киноварью на полях начинается со второй. В первую входит перечисление царей, великих и удельных князей, высших иерархов русской церкви, игуменов и архимандритов Троице-Сергиева монастыря. Заканчивается первая статья родом преподобного Сергия Радонежского. Деление на статьи не определяется каким-либо временным интервалом. Статьи содержат от 116 до 121 имени, кроме начальной статьи, которая значительно больше остальных — 158 имен, и статей 2 и 5, на которые приходятся утраты листов. На статьи разбит только текст, вписанный первым почерком (с 1 по 30 лист). Помимо разбивки на статьи, на полях проставлены цифры, отмечающие начало каждой новой сотни имен (с 1 по 30 лист), до 1900. Поскольку Синодик вычитывался постепенно на протяжении не-

скольких служб, статья, возможно, определяла часть текста, которая должна была вычитываться за один раз.

Вставной л. 4 потребовался, очевидно, для внесения рода царя Бориса Годунова сразу после перечисления великих княгинь и княжен. (Иного места для этой записи не нашлось бы, так как после перечисления великих князей и царей на л. 2 об. осталось для нее слишком мало места, а вставка нового листа после л. 2 вклинила бы ее в список великих княгинь, начинающийся на л. 2 об.). Запись, вероятно, относится к 1598 г. Борис Годунов уже именуется царем и великим князем, а список поминаемых родственников, начинающийся именами его родителей, заканчивается младенцем Ириной, по которой он 6 августа 1597 г. дал в Троицкий монастырь 100 руб.¹⁸ Внесение такой записи на отдельном листе в 1598 г. тем более вероятно, что Борис Годунов в год своего воцарения делает многочисленные драгоценные вклады в монастырь¹⁹.

После записи рода царя Бориса на л. 4 и 4 об. был воспроизведен текст, первоначально следовавший за списком великих княгинь и княжен: перечень митрополитов (последний Антоний) и начало поминания удельных князей (позже, не ранее 1652 г., в пространство, оставленное между этими группами поминаемых, был внесен список патриархов московских, заканчивавшийся патриархом Иосифом). Запись после рода Бориса Годунова является воспроизведением первоначальной, поскольку соответствует тексту Синодика № 42. А число имен поминаемых (5 митрополитов и 6 князей) входит в счет первой сотни имен, отмеченной на полях в основном тексте (л. 6, без них до этой пометки насчитывается 89 имен).

На вставном листе 33 и об. написан род архимандрита Троице-Сергиева монастыря Феодосия (1667–1674). Многочисленные его вклады записаны во вкладных книгах XVII в. с 1666 по 1672 г.²⁰

Рукопись № 41 насчитывает 41 лист, которые сброшюрованы в 5 тетрадей и пронумерованы арабскими циф-

рами. Между листами 18 и 19 один лист вырезан. Створки переплета деревянные, обтянуты кожей с тисненым орнаментом, скрепляются двумя медными застёжками. Размер: 29,7 x 22,8 см. Листы обрезаны, загрязнены, в верхней трети л. 30-39 сквозное буро-серое пятно, из-за которого часть текста не читается. Отсутствует начало рукописи, первые листы, содержащие предисловие и перечисление имен светских и церковных властей, и ее окончание. Первые две тетради переставлены местами (следует читать: л. 9-16 далее 1-8). Основной текст рукописи написан уставом, первые 16 листов — одним почерком, далее несколько разных, часто меняющихся почерков. Запись имен сплошная, в строку, над большинством имен киноварью надписаны фамилии, годы (с 1572 по 1666 г.) и на предшествующих листах, но при переплете были срезаны. Остатки годовых обозначений можно прочесть на л. 5-1545 г. и л. 17-1565 г. Оказались срезанными также киноварные отметки о начале статей, поэтому их количество определить невозможно. Удалось лишь установить, что начало статей в Синодике № 41 не совпадает с Синодиком № 40.

Рукопись № 42 содержит 65 пергаменных и 3 бумажных листа (л. 65-67), в начале и в конце 2 чистых бумажных листа, на л. 67 филигрань «Голова шута», тетради расшиты, листы обрезаны. Крышки переплета деревянные, обтянуты кожей с тисненым орнаментом, скреплены двумя медными застёжками, украшены: верхняя — медными «жуками» по углам (один утрачен) и посередине, нижняя — одним посередине. Размер: 25,4 x 19,8 см. Листы сильно загрязнены и потерты, закапаны воском. Листы пронумерованы арабскими цифрами, при переплете несколько листов переставлены местами; следует читать: л. 1-4, 14-15, 5-11, 13, 12-16. Не на своем месте также л. 20-25, которые, судя по схожести почерка и времени упомянутых лиц, должны следовать за л. 16.

Запись имен сплошная, в строку, над большинством имен киноварью надписаны фамилии. Годовые отметки на полях встречаются с пропусками, начиная с л. 27 об. (1581 г.) до л. 66 об. (1671 г.). При переплете, также как в Синодике № 41, оказались срезанными пометки о начале статей.

Основной текст написан уставом. Листы с 1 по 5 об. и с 7 по 16 об. — одним почерком, с 17 об. по 48 об. и с 62 об. до конца рукописи — несколько разных, часто меняющихся почерков. Листы с 49 по 62 написаны одним почерком.

Помянник XVI в. прерывается на л. 16 об. на записях, относящихся, судя по упомянутым лицам (например, кн. Борис Ушатов, скончавшийся в 1564 г. и др.), к середине 60-х гг. XVI в. С л. 17 об. помянник начинается как бы заново: киноварью выделена вступительная фраза («Помяни, Господи, представившихся рабов своих...» и т.д.), после которой следуют имена великих князей, цариц и их детей, в основном соответствующих списку имен в начале помянника (л. 2-2 об.), но доведенные в основном тексте до царя Федора Иоанновича, что позволяет датировать эти записи периодом с 1598 до 1605 г. Далее следуют имена удельных князей, выборочно, и продолжается общий помянник с лиц, скончавшихся в 80-х гг. XVI в. (например, кнг. Федора, супруга кн. Ивана Воротынского, умершая в 1586 г.). Последние записи помянника датированы 1671 г. Перечень имен прерывается текстами молитв, утренней, вечерней, прилежного моления, прощальной (л. 49-62). Перед началом молитв заставка в виде узкого прямоугольника с двойной рамкой с «процветшими» верхними углами и пышным букетом — вазоном из акантовых листьев над ним в центре. Внутреннее пространство прямоугольника заполнено центрально-симметричным орнаментом из широких акантовых листьев. Орнамент заставки выполнен очень тонко пером. Заглавие молитв написаны киноварью, первые заглавные

буквы также киноварные, удлиненного силуэта с тонкими завитками. Вероятно, учитывая сходство почерка и цвета чернил, одновременно с текстом «нового начала» помянника (л. 17 об.-18 об.) было написано вступление к синодику (л. 1), вместо утраченного первоначального.

Синодики № 40, 41 и 42 имеют общий текст, который обрывается соответственно на л. 21 об., 18 об., 16 об. Далее текст совпадает лишь в Синодиках № 40 и 41 до конца рукописи № 40 (кроме последнего вставного л. 33), что соответствует л. 28 рукописи № 41.

Вступительный текст, содержащий самоназвание и общее поминание «всех христиан», сохранился только в рукописи № 40. Исходя из идентичности дальнейшего текста с Синодиками № 41 и 42, учитывая, что весь общий текст (кроме вставного л. 4) в Синодике № 40 написан одним почерком, вероятно считать, что рукописи № 41 и 42 имели такое же вступление, как и Синодик № 40. Самоназвание относит синодики к типу относительно крупных вкладчиков. Размер вклада определен во вступлении: села, деревни или, в денежном эквиваленте, не менее 50 руб. Возможно этим объясняется небольшой объем синодика и отсутствие в нем специально выделенного «братского помянника», характерного, по наблюдению И.В.Дергачевой, для монастырских синодиков²¹. В Синодик внесены имена лишь старцев, сделавших соответствующие пожертвования. Многие из этих вкладов прослеживаются по вкладным книгам монастыря XVII в. Например, иноки Ирадион Дивов и Селивестр Холщевников дали по 50 руб. в 1570 г.²², князь-инок соборный старец Феодосий Медецкий, погребенный в монастыре в 1571 г.²³, дал 50 руб. в 1567 г.

Перечисление имен поминаемых начинается со светских властей: великих князей, царей, цариц и их детей, далее следуют высшие церковные иерархи — митрополиты, за ними удельные князья и княгини, затем перечисляются архиепископы и епископы, игумены и архимандриты

Троице-Сергиева монастыря²⁴. (эта часть текста в рукописи № 41 утрачена, но, очевидно, была аналогична тексту рукописи № 40, поскольку последующий текст рукописей практически полностью идентичен).

Последними в основном тексте названы: среди великих князей и царей — Иван Васильевич (ум. в 1584 г.); среди великих княгинь — Марфа Собакина (ум. в 1571 г.); среди митрополитов — Антоний (ум. в 1581 г.); среди епископов и архиепископов — епископ Киприан, вероятно архиепископ Полоцкий и Луцкий (пленен поляками в 1579 г.) или епископ Вологодский и Пермский (ум. после 1558 г.)²⁵, среди архимандритов Троице-Сергиева монастыря — Памва (ум. в 1575 г.). Последние имена удельных князей и княгинь не имеют пометок о принадлежности к роду.

Такой состав имен поминаемых позволяет считать, что общий для всех трех синодиков текст составлялся после смерти Ивана IV, т.е. не ранее 1584 г. Конкретизировать датировку позволяет приписка, внесенная в Синодики № 40 и 42, называющая внучку князя Владимира Старицкого королевну Евдокию²⁶ Арцинагнусовну. В рукописи № 40 на л. 6 после детей князя Владимира Старицкого перед князем иноком Варлаамом Шуйским приписана королевна Евдокия. Запись сделана по зачистке, а находившееся на этом месте первоначально имя князя Василия Микулинского (по зачистке прослеживается выносная буква «З» от сокращенного написания слова «князя», на месте которого написана часть слова «корол», остальная приписка «вну Евдокею» занимает место, соответствующее 7 буквам основного текста «Василиа») перенесено вниз листа, чернила и почерк приписок схожи с основным текстом.

В рукописи № 40 перестановка в этом месте текста более сложная и, видимо, происходила в два этапа. Первоначально, также, как в Синодике № 40, для вписания имени Евдокии было зачищено имя князя Василия Микулинского, которое перенесли вниз листа, причем чер-

нила и почерк схожи с основным текстом. После смерти матери королевы Евдокии инокини Марфы Старицкой (ум. в 1614 г.) была произведена дальнейшая зачистка: было выскоблено имя Евдокии, на ее месте вписали мать, и следующее в основном тексте имя князя инока Варлаама Шуйского, на его место перенесли имя королевы Евдокии. Князь Варлаам Шуйский оказался записанным внизу листа после князя Василия Микулинского почерком и чернилами отличными от основного текста, но идентичными тем, которыми вписаны имена Евдокии и Марфы.

Внесение в основной текст обоих синодиков приписки с именем королевы Евдокии, скончавшейся в 1589 г., позволяет говорить о составлении, по крайней мере, этой части общего текста до 1589 г. Таким образом, написание текста общего для рукописей № 40, 41 и 42 датируется между 1584 и 1589 гг.

Предположительно можно сузить рамки этого периода, если учесть, что текст Синодика № 40, написанный одним почерком, доведен до 1586 г. (на последней странице, написанной этим почерком (л. 30), упомянуты лица, скончавшиеся в 1585–1586 гг., например, Федор Юхнов, инок Герасим Дуров, княгиня Феодора, жена Ивана Воротынского, инокиня Ефросинья Головкина и др.)²⁷. Кроме того, среди митрополитов не назван Дионисий, сосланный в 1587 г. в Хутынский монастырь, где и скончался.

При сопоставлении текстов рукописей № 40, 41 и 42 обнаруживается наиболее полное совпадение между рукописями № 40 и 41, вплоть до мелких разночтений. Например: в роду Федора Рябчикова дважды повторено имя «Иоанн» (в № 40 — л. 12 об., в № 41 — л. 1), названное в Синодике № 42 один раз; инок Дуров (ум. в 1547 г.) в Синодиках № 40 и 41 назван Иринархом (соответственно, л. 13 и 1 об.), в Синодике № 42 — Илинархом; в Синодиках № 40 и 41, соответственно на л. 7 об. и 9, записаны некие Варсонофий и Мария, в № 42 (л. 4 об.) они перечислены

в обратном порядке; в Синодиках № 40 и 41, соответственно на л. 7 об. и 9, между Дмитрием Шеиным и Севастианом Кушелевым упомянут некий князь Иоанн, которого в Синодике № 42 (л. 4 об.) нет, и т.п.

Соответствие текстов рукописей № 40 и 41 выходит далеко за рамки части общей для всех трех синодиков и продолжается до конца рукописи № 40 (кроме последнего л. 33), хронологически доходя до 1598 г., на котором обрывается текст Синодика № 40. Последним упомянут игумен Николо-Угрешского монастыря Тихон, скончавшийся в 1599 г., причем имя уместилось не полностью. На этой же странице записаны имена Гурия Айгустова и младенца Андрея Годунова, погребенных в Троицком монастыре, соответственно в 1597 и 1598 гг.

Ряд приписок и исправлений по зачисткам, имеющиеся в рукописи № 41, вошли в основной текст Синодика № 40. Так, в рукописи № 41 (л. 2 об.) выскоблено имя инока Василия Шереметьева (в Синодике № 42 этот текст помещен на л. 9 и 9 об.), на месте которого вписана княгиня-инокиня Марфа Хрипунова²⁸, в рукописи № 40 (л. 14) ее имя читается в основном тексте, имени В.Шереметьева нет, на том же листе в рукописи № 41 вместо Иоанна Айгустова²⁹ вписано имя княгини Пелагеи Глинской, вошедшее в основной текст Синодика № 40 (л. 14); приписка на л. 4 рукописи № 41 имен иноков Феогноста Тормосова и Ионы Кочергина на месте Матфея и Марии из рода Калитиных³⁰ (Синодик № 42, л. 10 об.) перенесена в основной текст Синодика № 40 (л. 15 об.); в рукописи № 41 (л. 11) вместо Спиридона Айгустова (Синодик № 42, л. 6 об.) вписано имя Евдокии, жены Ивана Васильевича Шереметьева³¹, перенесенные в рукописи № 41 имена князя-инока Матфея Оболенского³² (л. 6), Малюты (Григория) Скуратова и его жены инокини Маремьяны (л. 22 об.) также вошли в основной текст Синодика № 40 (соответственно л. 17, 25 об.).

Подобные особенности текста позволяют предположить, что Синодик № 40 является списком с Синодика № 41. В свою очередь, Синодики № 41 и 42 имеют некий общий протограф.

Оговорим сразу, что этим общим протографом не является широко известный Синодик 1575 г. Правда, в рассматриваемых рукописях и Синодике 1575 г. имеются упоминания ряда одних и тех же имен. Идентичными, например, являются списки поминаний великих князей и царей (от Даниила до Ивана IV) и великих княгинь и княжен, от княгини Софьи до царевны Марии и следующей за ней царевны Феодосии, дочери царя Федора Ивановича (приписана, ум. в 1593 г.). Среди удельных князей перечислено много одних и тех же имен, однако порядок их упоминаний не совпадает. В Синодике 1575 г. (л. 11 об.) также, как в рассматриваемых синодиках, компактно сгруппированы имена членов семьи князя Андрея Старицкого, к которым приписаны королева Марфа и королева Евдокия, что аналогично приписке в Синодике № 42.

Среди остальных поминаемых в Синодике 1575 г. встречается довольно много отдельных имен, которые записаны и в Синодиках № 40, 41 и 42. Например, инокия Марфа Воронцова (л. 184 об.), Семион Клобуков (л. 135), инок Вениамин Ушаков (л. 185 об.), инок Закхей (князь Михаил Кислый, л. 187), инок Давыд Выродков (л. 206 об.), князь инок Иона Ушатый (л. 207) и др. Сохраняется хронологический порядок упоминания этих имен, при этом они оказываются в Синодике 1575 г. разделенными множеством других имен. Так, записанные подряд в Синодиках № 40, 41, 42 имена Афанасия Дмитриевича Дьякова, Василия Стародубова, инокини Юлии Зворской, Тимофея Русотина, Федора Воронцова и Князя Ивана Кубенского в Синодике 1575 г. «разбросаны» на двух страницах (л. 206 об., 207).

Подобное, как бы выборочное, по сравнению с Синодиком 1575 г., занесение имен в текст общий для Синодиков № 40, 41 и 42, возможно, определяется критериями, заявленными во вступлении к Синодику № 40: для включения в этот помянник требуется вклад сел, деревень или денежной суммы не менее 50 руб. Не случайно здесь нет имен многочисленных служебников и рядовых иноков, горожан, которые встречаются в Синодике 1575 г.³³, чьи мелкие вклады зафиксированы во вкладных книгах XVII в. Почти все имена поминаемых в Синодиках № 40, 41 и 42 имеют киноварные пометки с фамилией или принадлежностью к роду; возможно, в конце XVI в. достаточно крупный вклад обеспечивал дарителю такую своего рода привилегию.

Ни в самоназвании, ни в предисловиях Синодика 1575 г. не оговаривается размер и характер вклада, необходимые для занесения в него имен. Более того, даже подчеркивается необходимость понимать тех, чьи наследники, вопреки их распоряжению, не дали вклада в монастырь. Также в предисловии говорится, что те, кто не пишет в поминание монахов, которые, живя «нищетою духовною» не дали вклада, те «уже несте пастуси, но наймицы и мздоимцы». Синодик 1575 г., являясь вечным³⁴, не принадлежит к числу синодиков-сельников.

Обратимся к содержанию той части текста, которая является общей для всех трех синодиков. Общий для всех трех синодиков текст обрывается в Синодике № 42 (л. 17 об.) на именах вкладчиков, даты смерти которых относятся к 60-м гг. XVI в. Но, учитывая принятую нами датировку памятников (между 1584 и 1589 г.), можно предположить, что продолжение текста в Синодиках № 40 и 41 до имен, относящихся к 1586–1587 гг.³⁵, также входило в первоначальный текст, но в рукописи № 42 эти листы были утрачены. Косвенным свидетельством того, что граница первоначального текста находилась именно в этом месте, служит тот факт, что в Синодике

№ 40 с начала и до этого места (не считая вставок) текст написан одним почерком.

Всего в общем для всех трех синодиков тексте (до 1586 г.) упомянуто 1911 имен (без учета имен царей, цариц, великих и удельных князей и княгинь и церковных иерархов — 1743 имени).

Начало рассматриваемого текста помянника включает около трехсот имен, в основном, связанных с земельными вкладами первой четверти XV — первой четверти XVI в. В числе первых десяти имен записаны архимандрит московского Новоспасского монастыря, троицкий постриженник Матфей, погребенный в Троице-Сергиевом монастыре около 1450 г. и Илларион Старой, келарь Троицкого монастыря, погребенный на его территории в 1447 г.³⁶ Порядок записи имен определялся или датой смерти вкладчика, или временем вклада, следовательно отсутствует и строгая хронологическая последовательность записей. Поэтому, например, Михаил Борисович Плещеев (старец Мисаил), давший в монастырь в 1440-е гг., село Ростокино на Яузе³⁷, а в 1467—1474 гг. пустошь Волочаниновскую с двумя селищами в Переяславском уезде; Евдокия Кунчакова, давшая в 1446—1447 гг. с. Кунчаково-Хутунецкое Новоторжского уезда³⁸, записаны совсем рядом с архимандритом Матфеем и келарем Илларионом. Вассиан (Василий Борисович) Тучка-Морозов, давший в 1467—1474 гг. село Поемечье Костромского уезда³⁹, записан раньше Иоанна (Иван Александрович) Беззубцева, давшего в 1430-е гг. пустоши Перово и Ярцево во Владимирском уезде⁴⁰, Андрея (Ивановича) Шарاپова, давшего в 1432—1445 гг. село Шараповское и 9 пустошей⁴¹ Переяславского уезда и Геннадия (Ивановича) Бутурлина, троицкого старца и писца, давшего в 1428—1432 гг. село Воздвиженское Угличского уезда⁴² и т.п.

Многие имена сопровождаются киноварными пометками не о принадлежности к роду, а о вкладе, данном за поминание. Это могут быть общие слова: деревня, пус-

тошь, село и т.п. Как, например, некий Афанасий дал «деревни», Алексей — «деревню», Нестор — «селище», Порфирий, Давыд, Анна, Григорий — «осьмицу варницы с водою на верхнем колодце у Соли» и др.⁴³ В других случаях указано название вотчины, дает иногда возможность установить личность вкладчика. Захарий, давший село Федоровское — это боярин Захарий Иванович Кошкин, вклад которого в 1438 г. — село с соляным двором и варницей, как указывает М.С.Черкасова, положил начало росту троицкой вотчины в Костромском уезде⁴⁴. Упомянутая вслед за ним Мария с пометкой «в Нерехте Юрин» — это представительница семьи старинных костромских бояр Ольговых, по которой было дано в 1438 г. село Юринское, ставшее «приселком» села Федоровского⁴⁵. Упомянутые подряд Владимир с пометкой «Никольское» и Евдокия, с пометкой «[Те]лешово» — это Владимир Андреевич Зворыкин и его жена, которая после гибели мужа в Суздальском бою в 1445 г. дала в монастырь два эти села в Углическом уезде⁴⁶. Акулина, давшая село Петровское до 1450 г. в Московском уезде (в Воре), была вдовой Федора Тимофеевича Валуева⁴⁷. Матфей, давший пустошь Бармазово («да 4 селища со всеми угоды») в Переяславле Залесском, является единственным упомянутым во вкладных книгах XVII в. представителем рода Лукиных. Время этого вклада неизвестно, но, судя по месту записи имени Матвея Лукина в Синодике № 41, его можно отнести к середине — второй половине XV в.⁴⁸ Мария, над именем которой надписано сельцо Троя[к], была женой Романа Александровича Спешнева, который дал по ней это сельцо с тремя деревнями в Кашинском уезде в 1526—1527 гг.⁴⁹

Крайне редки случаи, когда над именем надписаны и фамилия, и вклад. Например: над именем Иоанн⁵⁰ надпись: «Плещеев дал село Дмитровское»; над именами инока Васиана и Фотинии — «Тучковы, село»⁵¹, над именем инока Ионы: «Антонов, дал двор на Москве»⁵².

Иногда возникают сомнения по поводу киноварных надписей, означают ли они фамилию, или название вотчины. Так записанные рядом (между ними только одно имя) имена Иоанна и инокини Феогнии⁵³ имеют одинаковые надписи: «Иовле[во]». Однако вкладчики с фамилией Ивлевых или Иевлевых (Иовлевых) не встречаются ни во вкладных книгах XVII в., ни в Кормовой книге 1592 г., ни в опубликованном актовом материале. В то же время во вкладных книгах за 1546—1547 гг. записан вклад Настасьи, жены Ивана Андреевича Кутузова по мужу — вотчина в Московском уезде: деревни Никулино, Косково и починок Иевлев⁵⁴, а за 1521—1522 гг. записан вклад старицы Феогнии, жены Ивана Ощерина, которая дала по своему мужу, по сыну Ивану и по себе «в замосковских волостях Корзенева и в Шерснкс ссло Иевлево» с 16 деревнями⁵⁵. В перечневой выписи о селах и деревнях Троице-Сергиева монастыря в Радонеже в волости Воре и Корзенева (1503—1504 — 1540-е гг.) упоминается среди троицких вотчин «село Иевле Ивана Иванова сына Ощерина»⁵⁶. Вероятно предположить, что упомянутые Иоанн и инокиня Феогния являются представителями рода Ощериных, поскольку время этого вклада ближе ко времени вкладов лиц, записанных на тех же листах синодиков (20—30 гг. XVI в.).

Учитывая место записи имен в сельнике, можно, с известной степенью уверенности идентифицировать некоторых лиц, вписанных без каких-либо помет. Так, среди первых тридцати имен упомянуты подряд Варсонофий и Мария, которые могут быть идентифицированы с радонежским боярином Василием Борисовичем Копниным (в иночестве Варсонофий), скончавшимся около 1449 г., и его женой Марией, по завещанию которой около 1479 г. монастырь получил «Свечинские деревни» у Соли Галицкой и село Карамзинское (Марьино Копнинское) в Радонежском уезде⁵⁷. Перед Варсонофием и Марией упомянут

Назарий, это может быть «чернец Назар», давший в монастырь в 30–40-е гг. XV в. варницу у Соли Галицкой⁵⁸.

Значение Синодика № 40 для подтверждения фактов земельных приобретений Троице-Сергиева монастыря отмечено М.С.Черкасовой. Это особенно ценно в случаях, когда первоначальных документов на земельные владения до нас не дошло⁵⁹.

М.С.Черкасова приводит также подтверждения на вклады князя В.С.Стародубского (село Дубешня), дьяка Д.К.Мамырева (село Поникарово), князя Д.Д.Хромого (село Подчортково)⁶⁰. Отметим еще несколько фактов. Известный по Копийной книге № 530⁶¹ вклад по Ивану Васильевичу Плещееву села Дмитровское в Звенигородском уезде подтверждается приведенной нами выше записью его имени с помсткой о вкладе⁶², упомянутая выше Бармазова пустошь Переяславского уезда, записанная во вкладных книгах XVII в. как вклад Матвея Лукина (без указания даты вклада)⁶³, также не упоминается за монастырем в других документах, но зафиксирована в тексте рассматриваемых синодиков.

В синодиках дважды упомянуто Лавровское (Лаврово) первый раз — над именем некоей Ксении⁶⁴, вклад которой (судя по соседним записям) относится, вероятно, к 1440–1450-м гг.; второй — ниже по тексту над именем некоего Никиты⁶⁵. Документов на эти приобретения монастыря пока не обнаружено. Деревня Лаврово волости Воря Московского уезда упомянута среди владений Троицкого монастыря в Перечневой книге о селах и деревнях, составленной по писцовым книгам 1503–1504 гг. и дополненной данными до 1540-х гг. включительно⁶⁶. Во вкладных книгах XVII в. за 1545–1546 гг. записан вклад Федора Никитича сына Лавровского село Лаврово с 7 деревнями в Новоторжском уезде⁶⁷. Можно предположить, что в Перечневой выписи упоминается земля, данная Ксенией, а во вкладных книгах — вотчина, данная по Никите Лавровскому.

Неизвестны пока документы на приобретение деревни Пилигино, записанной над именем Владимира, и деревни (?) Каданово, надписанной над именем Василия⁶⁸.

Преобладание в начале помянника имен, связанных с земельными вкладами, наличие большого числа киноварных пометок, называющих вклад, которые, в свою очередь, часто являются единственными идентификационными признаками для установления личности вкладчика, а также порядок записи имен не только по дате смерти, но и по времени вклада, то есть запись имени вкладчика еще при жизни, позволяет назвать эту часть синодика сельником. Запись вкладчиков при жизни восходит к имевшему место в древности делению помянников на собственно синодики (содержавшие только имена усопших) и «вседневное поминание» (включавшее две «стороны»: поминание «за здравие» живых и «за упокой» мертвых), которое к началу XVII в., по утверждению С.В.Сазонова, стало анахронизмом, а эти виды помянников стали отождествляться⁶⁹. В связи с этим добавим к высказанному, что в рассматриваемых синодиках есть случаи записи имени вкладчика, вместо имен лиц, по душам которых дается вклад. Например, в связи с вкладом села Фаустовского (Московского уезда) записано имя Анастасии, хотя Анастасия Саларева дала около 1435–1449 гг. это село и село Козловское «на поминок по своем свекоре Окуле, да по своем муже по Степане»⁷⁰. Вероятно наличие записей имен вкладчиков при их жизни и «смешанную» хронологию включения имен (по дате смерти или дате вклада) можно считать признаком, характерным для синодиков-сельников.

Вкладчики, имена которых записаны после 40-х гг. XVI в. (из тех, о ком удалось найти сведения) связаны, в основном, с денежными вкладами в монастырь. Исчезают пометки о земельных вкладах⁷¹, не обнаруживается также записей имен при жизни вкладчика. Например, Фома Иванович Белевцов дал 50 руб. в 1570 г. за право

«по смерти» быть погребенным в монастыре и записанным в «синодики с сельники». В Синодике № 40 его имя находится среди имен, относящихся к 1573 г.⁷², то есть, несмотря на вклад в 1570 г., записан в синодик он был по дате смерти. В то же время имя в синодик заносилось не раньше, чем в монастырь поступала вся установленная сумма полностью. Так было в случае с Иваном Зачесломским: по нему его брат Иван дал 25 руб. еще в 1543 г., но имя его было записано в синодик только после внесения его братом второй половины суммы в 1547 г., таким образом, его имя оказалось среди тех, кто скончался в 1547 г.⁷³ Эта тенденция проявляется постепенно, и трудно провести очевидную границу, когда синодик-сельник из помянника вкладчиков, давших в монастырь вотчины и прочую недвижимость или, как эквивалент, не менее пятидесяти рублей, превращается почти исключительно в помянник лиц, сделавших денежные вклады.

Согласно данным вкладных книг XVII в., монастырь получил с начала XVI в. до конца 40-х гг. — около 290 вкладов по 50 руб. и более, с середины XVI в. до конца 80-х гг. — около 520 вкладов на общую сумму соответственно около 24000 руб. и около 34000 руб. Имена большинства вкладчиков, записанных во вкладных книгах, упоминаются в Синодиках № 40, 41 и 42. Следует, конечно, учитывать возможную неполноту обоих видов источников, не являющихся в полном смысле слова учетными документами. Тем не менее, сумма денежных вкладов, зафиксированная во вкладных книгах, близка к той, которая получается, исходя из количества имен, записанных в синодиках⁷⁴: около 65000 руб.

В XVII в. Синодики № 41 и 42 велись уже независимо друг от друга. Хотя такая независимость не была и не могла быть полной, поскольку причины большинства записей были одни и те же — вклады в Троице-Сергиев монастырь, поскольку практики вкладов в сами соборы (кроме церковной утвари и икон) в монастыре, очевидно,

не было⁷⁵. Не удивительно, что в обеих рукописях встречается множество одних и тех же имен под одними и теми же датами. Например, под 1617 г. записан род Угрина Дорогина и род старца Иоасафа Пестрикова⁷⁶, под 1611 г. — патриарх Гермоген и род старца Авраамия Палицына⁷⁷. Причем, приведенные выше пары имен записаны в обоих синодиках в непосредственной близости друг от друга, что подтверждает одновременность их записи в оба помянника.

В то же время только в рукописи № 42 под 1613 г. есть запись рода княгини-инокини Софьи Галицкой, а под 1610 г. рода князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского⁷⁸. В Синодике № 41 также отсутствуют имеющиеся в Синодике № 42 общие поминания: под 1634 г. записано 14 монастырских слуг и 10 человек несших за них воинскую повинность («за слуг люди»), которые «померли в Дорогобуже»⁷⁹; под 1619 г. записано 38 человек «побитых от бозбожнныя литвы» (видимо, во время похода королевича Владислава)⁸⁰.

Синодиком-сельников в Троице-Сергиевом монастыре существовало несколько, однако о более ранних, чем Синодики № 40, 41 и 42 сохранились лишь косвенные свидетельства.

В предисловии ко Вкладной книге XVII в. среди вкладчиков, чьи имена вносятся в сельники, называются лица, которые «давали по своих душах вкладу варницы и колодязи соляные, и дворы в городах, и места дворовые, и хлеб, и деньги по пятидесяти рублев»⁸¹. Согласно Вкладной книге 1673 г., сельники читались в алтаре, на обеднях, на литиях, после заутрени и после вечерни ежедневно, а также на кормовых панихидах⁸². Имена «боголюбцев», дававших более мелкие вклады хлебом и деньгами, и лошадьми, и платьем, и всякою рухлядью⁸³ на сумму десять рублей и меньше заносились в литейные или подстенные синодики⁸⁴ и в «большую книгу»⁸⁵. Запись в них, хотя и обеспечивала, как и запись в синоди-

ки-сельники, «вечное поминание», однако означала меньшую частоту поминовений. Во вкладных книгах указанием на запись в синодики сопровождается 258 вкладных записей XVI—XVII вв., а указанием на запись в «синодики с сельники» — только 57. Даже с учетом того, что далеко не всегда во вкладных книгах оговаривалась запись в синодики-сельники (размер вклада подразумевал это как само собой разумеющееся), такое соотношение записей в «синодики с сельники» и другие синодики позволяет думать, что синодиков-сельников было меньше, они были менее объемными и содержали записи за продолжительный период времени. За вклады вотчин и более крупных сумм денег (более 500 руб.) полагалось, помимо записи в синодики-сельники, еще и занесение в кормовые книги⁸⁶.

В предисловии к Кормовой книге 1592 г. уточняется, что эти 500 руб. составляют деньги, пожертвованные за запись в синодики и сельники десяти имен, «что христороубцы дали по 50 рублей... вечнаго ради поминовенья»⁸⁷. При этом, надо отметить, что Кормовая книга 1592 г. и Синодики № 40, 41 и 42 часто называют разное количество и состав имен, поминаемых за один и тот же вклад. Например, по Кормовой книге 1592 г. за вклад села Дубешни полагался «корм меньшей» по трем князьям Стародубским, Семионе, Иване и Василии, а в синодики с пометкой об этом вкладе записан лишь один князь Василий⁸⁸, за вклад села Ростокино, согласно Кормовой книге 1592 г., следовал «корм меньшей» по Борису, Соломее, Андрее, Петре, Тимофее, Василие, Анне, Даниле, двум Михаилам, двум Федорам и Домникее из рода Плещеевых, в синодиках упоминается лишь Мисаил⁸⁹.

Во вкладных книгах XVII в. есть ссылки на недошедший до нас «старый сельник», который был одним из источников составления этих книг⁹⁰. При записи о вкладе старицы Ефросиньи Овиновой купленных по ее приказу Ефстафием Головкиным у Афанасия и Семена На-

гих в Московском уезде сельца Городца, деревни Наумово, двух мельниц и Бегунова луга имеется приписка: «а писана та вотчина в старом сельнике и кормят с нее корм»⁹¹. Последняя запись в перечне вкладов рода Тучковых гласит: «По Михаиле Васильевиче Тучкове написано в старом сельнике — дано вкладу в Ростовском уезде село Деболы»⁹². Вкладная запись за 1568 г. о трехстах рублях, данных князем Иваном Дмитриевичем Бельским по своей жене Марфе, имеет приписку: «выписано из старого сельника»⁹³. Запись о вкладах старца Ефстафия Головкина заканчивается фразой: «Старца ж Еустафьева вкладу написано в сельнике 800 рублей»⁹⁴.

Составители вкладных книг явно имели в виду один хорошо им известный памятник, созданный, вероятно, до 1568 г. Это не был Синодик 1575 г. — таких записей в нем нет. Эти вклады не отмечены в рассматриваемых нами синодиках 80-х гг. XVI в., хотя имена самих вкладчиков в них упомянуты⁹⁵, да и вряд ли в период составления Вкладной книги 1638 г. к ним было применимо определение «старый», поскольку они находились в активном пользовании.

Кроме приведенных ссылок на «старый сельник» во вкладных книгах имеется одиннадцать записей, относящихся к 40–70-м гг. XVI в., в которых отмечено занесение имени вкладчика в «синодики с сельники». Из названных в них двенадцати имен восемь упомянуты в Синодиках № 40, 41 и 42: Дарья Чулкова (1547 г.), Ксения, жена Одинца (1547 г.), Михаил Васильевич Тучков (1549 г.), княгиня старица Марфа Оболенская (1558 г.), Борис (инок Боголеп) и инока Агрипина, родители слуги Величка (1567 г.), Фома Иванович Белевцов (1570 г.)⁹⁶, Ульяна лекарица (1571 г.). Для ответа на вопрос, упоминается ли в этих одиннадцати записях вкладных книг все тот же «старый сельник», или имеются ввиду какие-то другие синодики-сельники, предшественники Синодиков № 40, 41 и 42, не имеется достаточно данных. Однако

вполне вероятно, что «старый сельник» послужил источником для составления текста, общего для рассматриваемых синодиков. Возможно также допустить, что в приведенных девяти случаях во вкладных книгах подразумеваются сами Синодики № 40, 41 и 42; тем более, что почти все имена вкладчиков, вклады которых приходятся на более позднее время (90-е гг. XVI в. — 60-е гг. XVII в.) и имеют во вкладных книгах приписку о занесении в «синодики с сельники», обнаруживаются в текстах этих трех синодиков⁹⁷. Характерна также сама формулировка этих дополнений: «синодики с сельники» упоминаются во множественном числе или употребляется словосочетание «во все синодики с сельники». Интересно практически единственное исключение: имя погребенного в 1634 г. в монастыре Игнатия Андреевича Уварова «написали в вечный синодик с сельники», примечательно здесь то, что и за погребение, и за поминание его жена Смирена Александровна дочь Языкова дала «платно отлаз золотой» всего за 30 руб.⁹⁸ Других случаев нарушения таксы в 50 руб. за запись в синодики-сельники во вкладных книгах не отмечено, то есть здесь не может идти речь о ее снижении к середине XVII в. Например, в 1652 г. для занесения имен князя Григория Петровича (в иночестве Герасима) Барятинского и его жены княгини Анны во «все синодики» (значит, в том числе и в «синодики с сельники») потребовался вклад 50 руб. денег и серебрянного золоченого кубка ценой в 50 руб.⁹⁹ Для сравнения: за написание в два синодика не сельника (видимо литейный и подстенный), в 1635 г. Алексею Григорьевичу Сурмину достаточно было дать по душе своего брата Спиридона лишь 5 руб.¹⁰⁰

Свидетельство вкладных книг об одновременном бытовании в монастыре нескольких синодиков-сельников является еще одним подтверждением того, что Синодики № 40, 41 и 42 не сменили один другой, а использовались в один и тот же период. Этот факт можно объяснить су-

ществовавшей практикой ведения синодика в каждом соборе монастыря. Сохранились, например, два синодика середины XVII в.: Синодик церкви Сошествия Святого Духа 1660 г. и Синодик Успенского собора ключаря Мартина Исаевича 1658 г., отличные как друг от друга, так и от рассматриваемых нами синодиков и по структуре, и по содержанию¹⁰¹.

Полагаем, что в 80-е гг. XVI в. были созданы три списка с более раннего синодика-сельника для трех соборов, существовавших тогда на территории монастыря: Троицкого, Успенского и Духовной церкви. Причем Синодик № 40 был списан не непосредственно с более раннего памятника, а (судя по полной аналогии текста) с Синодика № 41 и, следовательно, создавался несколько позже Синодиков № 42 и 41. Синодик № 40 внешне резко отличается от двух других: он украшен двумя орнаментальными заставками на золотом фоне, заглавные буквы и статьи выделены киноварью, почерк крупный красивый, слова расположены на строке свободно со значительными промежутками, в нем практически нет исправлений. Такой «парадный» вид вполне мог быть у нового синодика, созданного для нового самого большого в монастыре Успенского собора, освященного в 1585 г. Не случайно именно в этот красивый Синодик центрального собора монастыря был позже вставлен лист с записью рода царя Бориса Годунова. Возможно Синодик № 40 так и остался впоследствии «парадным» синодиком, который использовался гораздо реже Синодиков № 41 и 42, чем и объясняется его очень хорошая, в отличие от них, сохранность. Можно также предположить, что для нового Успенского собора было создано два Синодика: № 41 — для каждодневного пользования и № 40 — «парадный», использовавшийся в торжественных случаях. Этот вариант тем более вероятен, поскольку объясняет, почему идентичный текст в Синодиках № 40 и 41 выходит за рамки установленной нами границы первоначального текста (до имен, относя-

щихся к 1585—1586 гг.) и продолжается до конца рукописи № 40 (обрывающейся на именах, относящихся к 1599 г.).

В XVII в. Синодики № 42 и 41 активно пополнялись, но велись независимо друг от друга. Правда, в их записях имеется много «параллелей» — одних и тех же имен, вписанных под одними и теми же датами. Объяснение этому можно найти во вкладных книгах, где содержится множество записей, фиксирующих занесение одного имени за один вклад во «все синодики с сельники».

-
- 1 *Историографию по общим вопросам изучения синодиков см.: Понырко Н.В. Синодики// Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. 1988. С.339-344; Дергачева И.В. Типология синодиков в русской письменности XV-XVII вв.// Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. III. Ч. II. 1990. С. 246-270.*
 - 2 *Левецкая Н.В. Синодики-помянники в русской историографии XIX-XX вв.(источниковедческие аспекты)// История и культура Ростовской земли. Ростов, 1993. С. 112-118.*
 - 3 *Сазонов С.В. О видах синодика-помянника // История и культура Ростовской земли. Ростов, 1993. С. 110-112; Он же. К ранней истории синодичных предисловий // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 8-28.*
 - 4 *Дергачева И.В. Указ. ст. С. 257-261.*
 - 5 *Конев С.В. Синодикология. Часть I: классификация источников// Историческая генеалогия. № 1. Екатеринбург, 1993. С. 7-15.*
 - 6 *Арсений(Лобовиков) и Иларий(Москвитин). Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкие Сергиевы Лавры. М., 1878-1879. № 40, 41, 42, 43, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819.*
 - 7 *ОР РГБ. Ф. 304/III. Собр. Ризницы Лавры. № 25.*
 - 8 *См.: Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV-XVI вв. М., 1996. С. 24.*
 - 9 *ОР РГБ. Ф 173. Дополн. собр. МДА. № 226.*
 - 10 *Сазонов С.В. К ранней истории...*
 - 11 *Сазонов С.В. О видах синодика-помянника. С. 111.*
 - 12 *Дергачева И.В. Указ. соч. С. 259-260.*
 - 13 *См. Конев С.В. Указ. соч. С. 13. Синодики № 817, 818, 346 хранятся в ОР РГБ. Ф. 304. № 817, 818; Ф. 304/II. № 346.*
 - 14 *Наблюдения автора о Синодиках № 814, 818 и 346 см.: Николаева С.В. Кормовая книга 1647 г. в комплексе поминальных книг Троице-Сергиева монастыря XVII в. // Материалы конференции*

- «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России» (в печати).
- 15 *Спирина Л.М.* Синодик 1679/80 г. из собрания Сергиево-Посадского музея. Научный архив СПГИХМЗ. № 1227. 1994. (В печати).
 - 16 *Арсений(Лобовиков).* Указ. соч. № 40, 41, 42.
 - 17 *Сазонов С.В.* О видах... С. 111.
 - 18 Вкладная книга 1673 г. Л. 56. Вкладные книги Троице-Сергиева монастыря 1639 г. и 1673 г. хранятся в рукописном собрании СПГИХМЗ (№ 5559/5560 и 288). Здесь и далее ссылки приводятся по изданию: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. (С указанием листов подлинника).
 - 19 Вкладная книга 1673 г. Л. 55.
 - 20 Там же. Л. 706 об.-708.
 - 21 *Дергачева И.В.* Указ. соч. С. 257.
 - 22 Вкладная книга 1673 г. Л. 333, 802.
 - 23 Вкладная книга 1673 г. Л. 156; *Леонид.* Список погребенных в Троице-Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880. С. 334.
 - 24 Порядок отличный от указанного И.В.Дергачевой в качестве типичного: церковные иерархи (патриархи, митрополиты, епископы, игумены), светские власти (великие и удельные князья), боярские рода и прочие. См.: *Дергачева И.В.* Указ. ст. С. 259. В 1571 г. митрополит Антоний дал в монастырь 50 руб. См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 70.
 - 25 Епископ Вологодский и Пермский Киприан дал в монастырь в 1550 г. 50 руб. См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 94. Всего в основном тексте в начале Синодиков № 40 и 42 упоминается 22 епископа и архиепископа. О 10-ти их вкладах в монастырь есть записи во вкладных книгах.
 - 26 По королевне Евдокии Арцимагнусовне в 1589 г. царь Федор Иванович прислал в монастырь 500 руб. См.: Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря // Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. С приложениями архимандрита Леонида. ЧОИДР. 1879. Кн. 2. С. 55.
 - 27 Надгробные плиты Ф.Ф.Юхнова и Е.Головкиной хранятся в собрании СПГИХМЗ (№ 908 арх. 14025; № 570 арх. 10922). Г.Дуров, Ф.Воротынская и Е.Головкина. См.: *Леонид.* Списки погребенных... № 3849, 562.
 - 28 Старец Вассиан Шереметьев дал в монастырь 50 руб. в 1543 г. См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 271. Княгиня Мария Хрипунова дала в монастырь 50 руб. в 1559 г. См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 297. Хотя рассматриваемые синодики и относятся к разряду вечных, из которых имена не вычеркиваются, но и в них, очевидно, делались исключения.
 - 29 По Ивану Айгустову было дано в 1547-1549 гг. 50 руб. См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 229.
 - 30 По Матвею и Марии Калитиным их сын Зиновий дал в 1551/1552 г. село Гаврилово на р. Ямнице в Московском уезде (Вкладная книга 1673 г. Л. 364 об.).

- 31 По Спиридону Айгустову дано в монастырь в 1558 г. 50 руб. (Вкладная книга 1673 г. Л. 229). По Евдокии Шереметьевой дано в монастырь 50 руб. в 1567 г. (Там же. Л. 271). Вклад дал ее муж Иван Васильевич, который в 1548 г. дал 50 руб. по своей матери Евпраксии и брату Григорию, упомянутом в Синодниках № 40 (л. 17 об.), № 41 (л. 17), № 42 (л. 6 об.).
- 32 Во вкладных книгах записан вклад князя Матвея Оболенского — икона «Федор Стратилат» в серебряном окладе. Год вклада не указан. См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 187. Он же в 1556 г. дал 50 руб. по князю Федору Пененскому-Оболенскому, который упомянут там же в Синодниках № 40, 41 и 42, и по своей сестре иноке Александре тоже 50 руб. в 1558 г. См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 364.
- 33 Например: инок Антоний «с подолу», рыболов Василий (л. 186), Филофей и Никон «с подолу» (л. 187) и т.п., а также множество лиц, перечисленных без фамилий и прозвищ.
- 34 В предисловии к Синодику 1575 г. сказано: «Их же имена написана суть в книгах сих: доколе мир вселенный стоит и церкви святыя».
- 35 Синодик № 40. Л. 30 об.; № 41. Л. 26 об.
- 36 Леонид. Список погребенных... С. 69, 70.
- 37 Синодик № 40. Л. 7 об.; АСЭИ-І. № 286, 370; Черкасова М.С. Указ. соч. С. 79, 94.
- 38 Синодик № 40. Л. 12; АСЭИ-І. № 186; Черкасова М.С. Указ. соч. С. 79.
- 39 Синодик № 41. Л. 9 об.; АСЭИ-І. № 374; Черкасова М.С. Указ. соч. С. 94.
- 40 Синодик № 40. Л. 8; № 41. Л. 10 об.; АСЭИ-І. № 96, 333; Черкасова М.С. Указ. соч. С. 78.
- 41 Синодик № 40. Л. 10 об.; № 41. Л. 13 об.; АСЭИ-І. № 81; Вкладная книга 1673 г. Л. 564 об.; Черкасова М.С. Указ. соч. С. 80.
- 42 Синодик № 40. Л. 8 об.; № 41. Л. 11; АСЭИ-І. № 63; Вкладная книга 1673 г. Л. 411; Черкасова М.С. Указ. соч. С. 84.
- 43 Синодик № 40. Л. 8; № 41. Л. 10, 10 об.
- 44 Синодик № 41. Л. 9 об.; АСЭИ-І. № 130; Черкасова М.С. Указ. соч. С. 78. Этот вклад не указан во Вкладных книгах 1639 и 1673 гг., но записан в Кормовой книге 1592 г. (С. 39-40). Здесь и далее ссылки приводятся по изданию: Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. С приложениями архимандрита Леонида. ЧОИДР. 1879. Кн. 2. Оригинал Кормовой книги 1592 г. хранится: ОР РГБ. Ф. 304/1. № 821.
- 45 Синодик № 41. Л. 9 об.; АСЭИ-І. № 131; Черкасова М.С. Указ. соч. С. 78.
- 46 Синодик № 41. Л. 9 об.; АСЭИ-І. № 208; Черкасова М.С. Указ. соч. С. 78.
- 47 Синодик № 41. Л. 9 об.; АСЭИ-І. № 882; Черкасова М.С. Указ. соч. С. 79.
- 48 Синодик № 41. Л. 10; Вкладная книга 1673 г. Л. 566.

- 49 Синодик № 40. Л. 9 об.; № 41. Л. 12 об.; АРГ. № 283; Вкладная книга 1673 г. Л. 298; *Черкасова М.С.* Указ. соч. С. 106.
- 50 Синодик № 40. Л. 10; № 41. Л. 13. В Кормовой книге 1592 г. за вклад этого села полагался «корм средний» по душам представителей рода Плещеевых (С. 43).
- 51 Синодик № 40. Л. 9 об.; № 41. Л. 13.
- 52 Синодик № 40. Л. 11. Антоновы — старинный московский купеческий род. См.: АСЭИ-І. № 630.
- 53 Синодик № 40. Л. 10; № 41. Л. 13.
- 54 Вкладная книга 1673 г. Л. 206.
- 55 Там же. Л. 529.
- 56 АСЭИ-І. № 649.
- 57 Синодик № 40. Л. 7 об.; № 42. Л. 4 об.; АСЭИ-І. № 457; *Черкасова М.С.* Указ. соч. С. 94.
- 58 Синодик № 40. Л. 7 об.; № 42. Л. 4 об.; АСЭИ-І. № 149.
- 59 *Черкасова М.С.* Указ. соч. С. 54.
- 60 Синодик № 40. Л. 5 об., 9, 11; *Черкасова М.С.* Указ. соч. С. 54. В Синодике № 40 (Л. 11) при имени князя Д. Хромого нет названия села, о котором упоминает М.С.Черкасова.
- 61 *Черкасова М.С.* Указ. соч. С. 107.
- 62 Синодик № 40. Л. 10; № 41. Л. 13.
- 63 Есть разъездная грамота троицкой земле Хупанской с землей великого князя Бармазовской в Кистемском стане Переяславского уезда, датированная 1462-1484 гг. См.: АСЭИ-І. № 330. Возможно Бармазова пустошь, данная до 1462 г.. отошла от троицкой вотчины при этом разделе.
- 64 Синодик № 41. Л. 10.
- 65 Там же. Л. 10 об.
- 66 АСЭИ-І. № 649.
- 67 Вкладная книга 1673 г. Л. 604 об.
- 68 Синодик № 41. Л. 10, 10 об. Деревня Каланово Ростовского уезда упоминается в меновой грамоте дьяка ростовского архиепископа Тихона, Василия Яковлевича Михайлова и Д.Ф. и Г.Д.Русиных (1489-1503 гг.). См.: АСЭИ-І. № 542.
- 69 См.: *Сазонов С.В.* О видах синодика-помянника. С. 111.
- 70 Синодик № 40. Л. 8; № 41. Л. 10 об.; АСЭИ-І. № 127.
- 71 В то же время есть пример записи о денежном вкладе: над именем священноинока Досифея (ок. 1571 г.) написано: «дал двести рублей». См.: Синодик № 40. Л. 25.
- 72 Синодик № 40. Л. 25 об.; Вкладная книга 1673 г. Л. 961 об.
- 73 Синодик № 40. Л. 13; Вкладная книга 1673 г. Л. 336. Аналогичные ситуации возникли с записью имен Ивана Петровича Зубова и старца Ионы Белкина. См.: Синодик № 40. Л. 24 об.; Вкладная книга 1673 г. Л. 480 об., 802 об.
- 74 Очевидна относительность этой суммы, так как мы исходим из вклада 50 руб., не учитывая неизвестные нам более крупные суммы и исключая лишь известные нам имена, связанные с земельными пожертвованиями.
- 75 См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря 1673 г.
- 76 Синодик № 41. Л. 30; № 42. Л. 34.

- 77 Там же. № 41. Л. 29; № 42. Л. 32.
- 78 Там же. № 42. Л. 32 об., 31 об.
- 79 Там же. Л. 41 об.
- 80 Там же. Л. 34 об. Среди погибших выделены те, кто был «побит на монастырских службах», в том числе иноки Сергей Языков, Филарет уставщик, игуменя Воскресенского монастыря Маремьяна.
- 81 Вкладная книга 1673 г. Л. 19.
- 82 Там же.
- 83 Там же.
- 84 Например, князь Семен Никитич Гагарин в 1618 г. дал коня ценой в 30 руб., за что был пострижен и «по смерти» занесен в литейный и подстенный синодики. См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 539 об. По Евдокии, жене Дружины Неелова в 1636 г. были даны золотой перстень и летник на сумму 10 руб., за что она была записана «в 2 синодика». См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 623.
- 85 Неизвестно, что такое «большая книга». Можно предположить, что под этим названием имеется ввиду Синодик 1575 г., если учесть не только его объем, но и упомянутое в нем число имен лиц невысокого происхождения, а также множество имен без идентификационных помет. В одной из вкладных записей «большая книга» отождествляется с синодиком: в 1633 г. по Михаилу Чернову его отец Любим Клементьевич дал коня ценой в 4 руб., за что Михаил был погребен в Троице-Сергиевом монастыре, а «имя его написали в сенатик в большую книгу». См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 506 об. Еще один пример небольшого вклада за запись в «большую книгу»: по Ивану Скрыпицину и его жене кн. Феоктисте их сын Бова дал жемчужное ожерелье и серьги яхонтовые, за что их имена записали в «литею и в большую книгу». См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 320 об.
- 86 См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 19. В XVII в. «такса» значительно понизилась: для записи в кормовые книги стало достаточно вклада в 100 руб. Например, митрополит ростовский и ярославский Варлаам в 1634 г. за запись своего имени дал 100 руб., а в 1629 г. за два имени своих родителей тоже лишь 100 руб. См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 87.
- 87 Кормовая книга 1592 г. С. 36. Прим. № 41.
- 88 Там же. С. 44; Синодик № 40. Л. 5 об.
- 89 Кормовая книга 1592 г. С. 44; Синодик № 40. Л. 10.
- 90 Идея о том, что древнейшие монастырские синодики являлись прообразами вкладных и кормовых книг, высказана Н.А.Казаковой. См.: *Казакова Н.А.* К изучению вкладных книг// *Рукописное наследие Древней Руси.* Сб. в честь 60-летия В.И.Малышева. Л., 1972. С. 260-267.
- 91 Вкладная книга 1673 г. Л. 127.
- 92 Там же. Л. 193. У М.С.Черкасовой этот вклад датирован 1549 г. См.: *Черкасова М.С.* Указ. соч. С. 126.
- 93 Вкладная книга 1673 г. Л. 317.
- 94 Там же. Л. 502.

- ⁹⁵ Синодик № 40. Л. 5, 11 об.
- ⁹⁶ Там же. Л. 13, 11 об., 15, 22 об., 25.
- ⁹⁷ Например, Василий Иверснев, государев человек, по которому было дано 80 руб. в 1595 г. (См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 507 об.; Синодик № 40. Л. 32), Яков Васильевич Милюков, давший в 1596 г. «по себе» 3-х коней на сумму 35 руб. и 15 руб. денег (См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 510; Синодик № 40. Л. 32), старец Иона Головкин, давший в 1596 г. 50 руб. (См.: Вкладная книга 1673 г. Л. 502 об.; Синодик № 40. Л. 32) и другие. Всего 42 имен.
- ⁹⁸ Вкладная книга 1673 г. Л. 620 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 62

**ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
И ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЕ УСТРОЙСТВО
ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ.**

**(Данные по Псковскому уезду.
80-е годы XVI — 30-е годы XVII в.)**

Предмет исследования — церковно-приходское устройство Псковского уезда: установление количества погостов и действующих храмов, а также определение численности сельского духовенства на 1630/31 г. Псковский уезд, разделенный на засады и занимавший более трети территории Псковской земли, вместе с городской площадью составлял исторически сложившееся единое пространство («во Пскове в засадах»). Основными источниками послужили: 1. Подлинная писцовая книга № 355: Описание Пскова и его пригородов писцами Григорием Ивановичем Мещаниновым-Морозовым и Иваном Васильевичем Дровниным 1585—1587 гг. — Сборник МАМЮ. М., 1913. Т. 5. 2. Сыскное (или обыскное) дело Разрядного приказа о злоупотреблениях властью псковских воевод кн. Д.П.Пожарского и его товарища кн. Д.Г.Гагарина — РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 1-275. Проводился сыск в Пскове и уезде вновь назначенными воеводами кн. Н.М.Мезецким и П.М.Юшковым в течение восьми месяцев с декабря 1630 по июль 1631 г. Руководил делопроизводством дьяк Разрядного приказа Евстафий Кувшинов. Состав документации включает обыскные речи представителей всех сословий населения Пскова и уезда. Архивное дело было опубликовано в 1870 г. в Чтёниях имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете: документы подготовлены к печати О.М.Бодянским. В публикации отсутствуют археографическое описание, полистная нумерация, ком-

ментарий. Текст передан по грамматическим и синтаксическим правилам XIX в. Перечень обыскных речей с указанием года, месяца, числа (в тех случаях, когда число в документе поставлено) дан в Предисловии к публикации.

В материалах сыска 1630/31 г. группы околгородных крестьян присутствуют на равных основаниях со служилыми людьми, посадскими сотнями и городским духовенством. От имени крестьян составлено около половины (20 и 47) обыскных речей: четыре от дворцовых волостей и групп дворцовых сел (не объединенных в волости), одна — от псковского яма, 15 — от церковных крестьян, дворы которых находились на земле городских и сельских храмов¹.

Методика исследования заключается в синтезе демографических, статистических сведений и признаков делового письма: это обыскные речи, в них именные списки и выходные данные свидетельствующих, в роли которых выступали грамотные священнослужители, реже церковные дьячки, а неграмотными — крестьяне. В деловом письме Псковского уезда конца XVI — первой трети XVII в. признаками гражданственного обозначения уездного жителя, независимо от его социального положения, служили имя собственное, фамилия (имя семьи) по родовой традиции и указание названия местожительства. Проблемой территориального устройства Псковской земли XVI—XVII вв. занимался в начале XX в. Н.С.Суворов². Его наблюдения над писцовыми книгами не утратили научного значения. Проблемы касается Н.Н.Масленникова в обобщающих трудах по истории крестьянства Северо-Запада России³.

Псковская земля, как и все Российское государство, имела поуездное территориальное устройство⁴, в то же время сохраняла и традиционное деление на губы⁵, хотя в конце XVI в. появляются дворцовые села и волости⁶, соответствовавшие уже общегосударственному волостному делению, заменившему в XVIII в. губское. Из всех уездов Псковской земли⁷, только Псковский имел заса-

ды, начинавшиеся от городских концов⁸. Поскольку в обыскных речах от дворцовых сел, псковского яма и церковных крестьян с сельскими священниками называются засады, можно заключить, что политический сыск проходил в пределах Псковского уезда.

В конце XVI — первой трети XVII в. в Псковском уезде находилось семь засад: Бельская на Запсковской стороне; Завелицкая простиралась от Завеличья; пять засад Заклинская, Мелетовская, Демяницкая (Деманицкая), Рожницкая и Прудская брали начало от крепостных сооружений Окольного города⁹. Засады, как и другие уезды Псковской земли делились на губы¹⁰. Главное селение¹¹, где стояли храм, при нем кладбище, а также дворы церковного притча и крестьян, называлось погостом¹². Названия погоста и губы совпадают: Колпинский погост или погост Колпино — Колпинская губа; погост Камно — Каменская губа; погост Колбежицы — Колбежицкая губа и т.д.¹³ Названия (одинарные) губ произошли не от имени храма, а от наименования главного селения, в котором первоначально не было церкви. Упоминается только один погост с двойным (бинарным) названием — Никольский в Устье, заимствованным от церкви и главного селения.

Погосты служили религиозными центрами губ в тех случаях, когда совпадала территория прихода и губы¹⁴. Подобное совпадение Н.С.Суворов считал общим правилом для всей Псковской земли, но при этом указывал и на исключения, обратив внимание не непогостские храмы в некоторых селах: в Бельской засаде — остров Талавск (Талабск) на Псковском озере, дворцовые села Кусва и Подлужье, монастырское сельцо Ивашково Крутое. Проблемой взаимосвязи губского и церковно-приходского устройства Н.С.Суворов специально не занимался, но сделал интересное наблюдение: количество погостских и непогостских церквей представляло меньшую величину по сравнению с числом губ в Псковском

уезде. Автор не воспользовался статистикой, выдвинутые объяснения отличаются декларативностью; по его словам, две губы могли составлять один приход; для многих губ «без сомнения погостскими или приходскими церквями служили некоторые городские церкви»; в некоторых губах роль погоста мог выполнять монастырь¹⁵.

Роль погоста в поземельных отношениях, мирском самоуправлении и приходских делах на Псковской земле не изучена. В писцовой книге 1585–1587 гг. называются церковные старосты из крестьян, они же старосты и на погостах: «Преображенья Спасова Колпинского погоста староста», «старосты... Талавского острова»; «Николы Чюдотворца Смолинские губы... старосты церковные», «ловят николские старосты из Смолина на церковное строение»; «Рождства Пречитые Новоуситовской губы старосте... на церковное строение»¹⁶. В сыскной документации 1630/31 г. упоминаются церковные старосты из посадских людей от городских храмов, на землях которых находились дворы церковных крестьян¹⁷.

Дворцовые крестьяне представлены в виде групп дворцовых сел и волостей в разных засадах. Старосты выбирались крестьянами от нескольких дворцовых сел и от каждой волости по губам в засадах. В двух случаях старосты представляли по две губы Никольскую в Устье-Каменскую и Пецкую-Корельскую в Завелицкой засаде. Волостные старосты со свидетелями названы от Прудской, Мелётовской, Деманицкой засад наряду со старостами дворцовых сел от Бельской и Завелицкой засад. Различия в наименованиях старост — «дворцовых сел старосты» и «волостные старосты» — показывают незавершенность процесса волостного строения в Бельской и Завелицкой засадах, с одной стороны и сложившееся волостное устройство в Прудской, Мелетовской и Демяницкой, с другой¹⁸. В Бельской засаде на погосте Кривовичи назван «... Кривовицкие губы государевых дворцовых сел староста»¹⁹, стало быть, дворцовые села находились в Криво-

вицкой губе Бельской засады. Старосты групп дворцовых сел в Никольской в Устье и Каменской, Пецкой и Корельской с Смолинской, Колбежицкой, Новоуситовской представляли на Никольском погосте со свидетелями крестьян Завелицкой засады²⁰. Никольский погост в Устье и Камно считались «центральными» погостами в Завелицкой засаде²¹.

На погосте Пруды собирались волостные старосты со свидетелями от Прудской засады: Прудской, Рюхи, Русской, Чирской, Стремутской, Староуситовской (Колбежицкие приданцы), Староуситовской, Погостицкой губ; Мелетовской засады Виделебской губы волостной староста с двумя крестьянами; Демяницкой засады Оклюдицкой губы волостной староста с крестьянами-свидетелями²². Погост Пруды — «центральный» в Прудской засаде²³, к нему примыкали территории близлежащих губ Мелетовской и Демяницкой засад. Для составления обыскных речей из Пскова выезжала группа лиц на погосты Кривовичи, Пруды и Никольский в Устье дважды²⁴. Сюда же собирали для свидетельствования показаний безграмотных крестьян и сельских священников.

Таким образом, дворцовые крестьяне были расселены главным образом в Прудской засаде: губах Прудской, Рюха, Русской, Чирской, Стремутской Староуситовской (Колбежицкие приданцы), Староуситовской, Погостицкой; Завелицкой засаде: губах Никольской в Устье, Каменской, Пецкой, Корельской, Смолинской, Колбежицкой, Новоуситовской. Островки дворцовых сел находились также в Бельской засаде Кривовицкой губе; Мелетовской засаде — Виделебской губе; Деманицкой — Оклюдицкой губе. Сведений о дворцовых селах в Рожницкой и Заклинской не обнаружено. По наблюдению Н.Н.Масленниковой над писцовыми книгами XVII в., дворцовый земельный фонд в Псковском уезде образован был в пяти (названия не указаны) из семи засад, «... дворцовые деревни были сосредоточены вокруг само-

го Пскова и его пригородов оборонного значения – Изборска, Гдова, Опочки»²⁵.

Обыкновенные речи от церковных крестьян составлялись на погостах Верхолины, Белая (Бельская засада); Выбута, Печки, Камно, Колбежицы, Кочанова и Тайлова слободы (Завелицкая засада); Демяницы (Демяницкая засада); Виделебье (Мелетовская засада); Погостище, Рюха (Прудская засада); Верхний Мост (Рожницкая засада). Церковных крестьян не было в Заклинской засаде, а также в Муравейской губе Завелицкой и Староуситовской губе Прудской засады. Показания давали николевские крестьяне со священником на Талавском острове, который не являлся собственно погостом. Два документа, один от Торошинского Заполя Бельской засады ямских крестьян во главе со старостой, другой от церковных крестьян Мелетовской засады составлены предположительно в Пскове, так как они свидетельствованы священниками городских храмов Образа Спаса Нерукотворного на Запсковье и Николая Святителя «з Гребли»²⁶.

Массовость сыска в уезде характеризуется как пространственным охватом территории, так и количеством свидетельствовавших лиц от крестьян и священнослужителей. Наряду с использованными источниками, ценные данные о Псковском уезде, расселении крестьян, численности крестьянского двора и церковном землевладении содержатся в трудах Н.Н.Масленниковой, Т.И.Осминского, Л.М.Марасиновой. Нашей задачей является, во-первых, определение соотношения между числом губ и действующих храмов на погостах и в непогостских селах. Без ее решения невозможно обнаружить каких-либо признаков жизнедеятельности церковных приходов. Во-вторых, необходимо хотя бы приблизительно определить состав и численность сельского приходского духовенства.

Краткий перечень погостов с указанием названий погостских и непогостских церквей в псковских засадах был опубликован в 1906 г. Н.С.Суворовым. По писцовой

книге 1585—1587 гг. автор попытался вычислить количество церковной земли. Данные о жизнедеятельности погостов им не приводятся. Более того, автор по-видимому считал все погостские церкви действующими, их запустение он относил к самому концу XVII в.²⁷ В нашем распоряжении имеются источники, свидетельствующие о том, что после осады Пскова Стефаном Баторием в 1581 г. многие из храмов в засадах запустели²⁸. Необходим критический подход к сведениям писцовой книги 1585—1587 гг., так как в ней, как выяснено Н.Н.Масленниковой, в качестве «старого письма» встречаются данные о землевладении и землепользовании 50-х гг. XVI в.²⁹

Все это заставило заново составить Перечень погостов и приходских церквей Псковского уезда с целью обнаружить какие-либо признаки жизнедеятельности погостов. Базой послужил более широкий комплекс источников, включающий сведения писцовых книг, массовых обысков 1630/31 г. и других документальных материалов.

Перечень погостов и приходских церквей Псковского уезда 1585—1631 гг.

ЗАВЕЛИЦКАЯ ЗАСАДА

1. Каменская губа

1. Георгия, на погосте Камно («Егорья святого с Камны»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг., 31 мая 1631 г. был священник Пимен Микитин³⁰.

2*. Мины, в дворцовом селе Кусва («Мины Великомученика что в Кусве»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.³¹

3*. Богородицы иконы Владимирской, в сельце Ивашкове Крутом («Пречистые Богородицы Владимирския»)³².

* Звездочкой отмечены в Перечне церкви, расположенные в непогостских селах. Названия засад выделены заглавными буквами. Римскими цифрами дается нумерация губ внутри засад; арабскими — сплошная

II. Николоуситская (Николская в Устьях) губа

4. Николая Святителя, на погосте Устье («Николы Чюдотворца... из Устеи с Великой реки»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.; 31 мая 1631 г. был священник Иван Иванов³³.

III. Корельская (Корелская) губа

5. Ильи Пророка, на погосте Корлы («Ильи Пророка... в Корлах на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.; 31 мая 1631 г. был священник Карп Самойлов³⁴.

IV. Пецкая (Петцкая) губа

6. Георгия, на погосте Печки («Егорья святого что в Печках на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.; 31 мая 1631 г. был священник Елисей Федоров³⁵.

7*. Николая Святителя, в дворцовом селе Подлужье («Николы Чюдотворца что в селе Подлужье»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.³⁶

V. Кулейская губа

8. Ильи Пророка, на погосте Кулье («Ильи Пророка с погоста с Кульи»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг. В июле 1631 г. был священник Иосиф (Осип) Миронов³⁷.

VI. Колпинская губа

9. Спаса Преображения, на погосте Колпино («Преображенья Спасова Колпинского погоста»); упом. в писцовой

нумерация погостских и непогостских церквей. Порядок перечисления засад и губ соответствует писцовой книге 1585–1587 гг. Названия погостов и приходских церквей в терминологии XIX в., в кавычках — по источнику. Фамилии священников, а также необходимые данные о дворовладении церквей приводятся по именованным спискам и перечням рукоприкладств в обысках. В квадратных скобках утраты текста, восстановленного по формуляру либо в виде отточия. В ссылках на Перечень указывается название засады, римской цифрой — соответствующая губа, арабской — порядковый номер приходской церкви или номер сноски. Принятые сокращения: упом. — упоминается; кн. — книга; ПЛ — Псковская летопись; сб. — сборник; док. — документ.

кн. 1585—1587 гг.; в июле 1631 г. был священник Иван Иванов³⁸.

VII. Таиловская губа

10. Николая Святителя, на погосте Таилово («Никола Чюдотворца что в Таиловской губе на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; в июле 1631 г. был священник Сергей³⁹.

VIII. Бельская губа Кочанова слобода

11. Николая Святителя, на погосте Кочанова слобода («Никола Чюдотворца з Бую что в Кочанове слободе»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; священника не было. В обыскных речах 14 июня 1631 г. трое николевских крестьян показали: «А попа де в Кочанове слободе нет»⁴⁰.

IX. Муравейская губа

12. Ильи Пророка на погосте Муравеины («Ильи Пророка что в Муравеине»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; в июле 1631 г. был священник Федор Григорьев⁴¹.

X. Смолинская губа

13. Николая Святителя, на погосте Смолины («Никола Чюдотворца Смолинской губы с погоста»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; 31 мая 1631 г. был священник Петр Петров⁴².

XI. Новоуситовская губа

14. Богородицы Рождества, на погосте Новая Уситва («Рождества Пречистыя з Жюкова бору из-за Великой реки Новые Уситвы»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; 31 мая 1631 г. был священник Данила Федоров⁴³.

XII. Колбежицкая засада

15. Богородицы Покрова, на погосте Колбежицы («Покрова святей Богородицы что на погосте в Колбежи-

цах»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; 31 мая 1631 г. был священник Семен Иванов⁴⁴.

XIII. Выбутская (Выбутцкая) губа

16. Ильи Пророка, на погосте Выбута («Ильи Пророка что на погосте на Выбуте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; в июле 1631 г. был священник Семен Афанасьев⁴⁵.

БЕЛЬСКАЯ ЗАСАДА

I. Кривовицкая губа

17. Ильи Пророка, на погосте Кривовичи («Ильи Пророка что в Кривовицкой губе на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; в апреле 1631 г. был священник Василий⁴⁶.

18*. Николая Святителя, на острове Талабск («Талавске»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; в июле 1631 г. был священник Иван Юрьев⁴⁷.

II. Торошинская губа

19. Ильи Пророка, на погосте Торошино («Ильи Пророка что в Торошине на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; в июле 1631 г. был священник Алексей Иванов⁴⁸.

III. Бельская губа

20. Рождества Христова, на погосте Белая («Рождества Христова что на Белой на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; в июле 1631 г. был священник Иван Аверкиев⁴⁹.

IV. Верхолинская губа

21. Ильи Пророка, на погосте Верхолины («Ильи Пророка что в Верхолине на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; 7 июля 1631 г. был священник Семен Петров⁵⁰.

ЗАКЛИНСКАЯ ЗАСАДА

I. Заклинская губа

22. Богородицы Покрова, на погосте Заклинье («Покрова Пречистые Богородицы что в Заклинье на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; в июле 1631 г. был священник Харитон Михеев⁵¹.

II. Псколянская (Псковлянская) губа

23. Николая Святителя, на погосте («Николая Чюдотворца что в Заклинском засаде во Псковлянской губе на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.⁵²

III. Моложанская (Моложенская) губа

24. Димитрия Солунского, на погосте («Дмитрея святого из Моложанские губы с погоста»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.⁵³

IV. Жеглицкая-Полицкая (Жеглитцкая-Политцкая) губа

25. Георгия, на погосте Полицы, или Палицы («Егорья Христова мученика з Жеглитцкие и с Политцкие губы с погоста»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; в июле 1631 г. был священник Яков Осипов⁵⁴.

ДЕМЯНИЦКАЯ (ДЕМАНИЦКАЯ) ЗАСАДА

I. Теблевицкая (Теблевитцкая) губа⁵⁵

II. Сумская губа

26. Ильи Пророка, на погосте Сумска («Ильи Пророка что в Сумской губе»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.⁵⁶

III. Виделебская (Виделевская) губа

27. Николы Святителя, на погосте Виделебье («Николы Чюдотворца что в Виделебской губе на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг. 14 мая 1631 г. были священники Алексей и его сын Иван Алексеев⁵⁷.

IV. Демяницкая (Деманитцкая) губа

28. Ильи Пророка, на погосте Демяницы («Ильи Пророка что в Деманицах на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.; в июне 1631 г. был священник Емельян Тихонов⁵⁸.

V. Рюха (Руха) губа⁵⁹

см. погост Рюха с церковью Георгия в Прудской засаде (II, 34, сн. 65).

VI. Невадицкая (Невадитцкая) губа⁶⁰

см. Невадицкую губу Мелетовской засады (VI, сн. 86).

VII. Оклюдицкая (Оклюдитцкая) губа

29. Рождества Христова, на погосте Оклюдицы («Рождества Христова что в Оклюдицах на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.⁶¹

VIII. Русская (Русецкая) губа⁶²

см. погост Русски с церковью Козмы и Дамиана в Прудской засаде (III, 35; сн. 66).

IX. Знахлицкая губа

30. Богородицы Покрова, на погосте Знахлицы («Покрова святыя Богородицы что в Знахлицах»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.⁶³

ПРУДСКАЯ ЗАСАДА

I. Прудская (Прудцкая) губа

31. Николая Святителя, на погосте Пруды («Николаы Чюдотворца что в Прудах на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.; 14 мая 1631 г. был священник Евтихий Климентьев⁶⁴.

II. Рюха (Руха) губа

32. Георгия, на погосте Рюха («Егорья святого что в Рюхе на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; 14 мая 1631 г. был священник Киприан Митрофанов⁶⁵.

III. Русская (Русецкая) губа

33. Козмы и Дамиана, на погосте Русски («Козмы и Дамьяна что в Русках в Прудской засаде»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; 14 мая 1631 г. был священник Евтихий⁶⁶.

IV. Добровицкая (Добровитцкая) губа

34. Ильи Пророка, на погосте Добрывитки («Ильи святого что в Добровицах»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; 14 мая 1631 г. был священник Фрол Семенов⁶⁷.

V. Погостицкая (Погоститцкая) губа

35. Богородицы Покрова, на Погостище («Покрова святей Богородицы с Погостищ»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; 14 мая 1631 г. был священник Архип⁶⁸.

VI. Залежанская (Залеженская) губа⁶⁹

VII. Выбутская (Выбутцкая) губа⁷⁰

см. погост Выбута с церковью Ильи Пророка Завелицкой засады (XIII, 15, сн. 45).

VIII. Староуситовская (Уситовская старая) губа

36. Богородицы Рождества, на погосте Старая Уситва («Староуситовского погоста Рожества Пречистые Богородицы»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; 14 мая 1631 г. был священник Федор Григорьев⁷¹.

IX. Чирская губа

37. Рождества Христова, на погосте Чирски («Рожества Христова что в Чирсках на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; в июле 1631 г. был священник Василий Тимофеев⁷².

Х. Стремуцкая (Стремуцкая) губа

38. Рождества Христова, на погосте Стремуты («Рождества Христова что в Стремуцкой губе на Стремуте на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; 14 мая 1631 г. был священник Василий⁷³.

РОЖНИЦКАЯ ЗАСАДА

I. Рожницкая (Рожницкая) губа

39. Михаила Архангела, на погосте Рожницы («Михаила Архангела что в Рожницкой губе»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.⁷⁴

II. Верхомостская (Верхомоская) губа

40. Николая Святителя, на погосте Верхний Мост («Николаы Чюдотворца что в Рожницкой засаде на Верхнем мосту»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.; в июле 1631 г. был священник Назарий Степанов⁷⁵.

III. Наволоцкая (Наволотцкая) губа

41. Спаса Преображения, на погосте Наволок («Преображения Спасова что в Наволотцкой губе»); упом. в писцовой кн. 1585—1587 гг.⁷⁶

IV. Воронцовская четверть⁷⁷

V. Прудская (Прудцкая) губа⁷⁸

см. погост Пруды с церковью Николая Святителя Прудской засады (I, 33, сн. 64).

VI. Знахлицкая (Знахлитцкая) губа⁷⁹

см. погост Знахлицы с церковью Богородицы Покрова Демяницкой засады (IX, 32, сн. 63).

VII. Славковская губа

42. Богородицы Успения, на погосте Славковичи («Успенья Пречистые Богородицы что в Славковичах»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.⁸⁰

МЕЛЕТОВСКАЯ ЗАСАДА

I. Мелетовская губа

43. Богородицы Успения, на погосте Мелетово («Успения Пречистые что в Мелетове на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.; был священник Павел Ефимьев⁸¹.

II. Зряковская губа

44. Георгия, на погосте Зряковичи («Егорья святого что в Зряковичах на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.⁸²

III. Каменская губа

45. Николая Святителя, на погосте («Николы Чюдотворца что в Каменской губе на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.⁸³

IV. Виделебская (Виделибская) губа

см. погост Виделебье с церковью Николая Святителя Виделебской губы Демяницкой засады (III, 28, сн. 57)⁸⁴.

V. Полонская губа

46. Ильи Пророка, на погосте Полонск («Ильи Пророка что в Полонской губе на погосте»); упом. в писцовой кн. 1585–1587 гг.⁸⁵

VI. Невадицкая (Невадитцкая) губа⁸⁶

см. Невадицкую губу Демяницкой засады (VI, сн. 60).

По сводным данным Перечня в Псковском уезде в 1585–1587 гг. на 53 губы (Завелицкая засада – 13, Бельская – 4,

Заклинская — 4, Демяницкая — 9, Прудская — 10, Рожницкая — 7, Мелетовская — 6) приходилось 42 погоста:

ЗАВЕЛИЦКАЯ ЗАСАДА

1. Камно, I, I.
2. Устье, II, 4.
3. Корлы, III, 5.
4. Печки, IV, 6.
5. Кулье, V, 8.
6. Колпино, VI, 9.
7. Таилово, VII, 10.
8. Кочанова Слобода, VIII, 11.
9. Муравеино, IX, 12.
10. Смолины, X, 13.
11. Новая Уситва, XI, 14.
12. Колбежицы, XII, 15.
13. Выбута, XIII, 16.

БЕЛЬСКАЯ ЗАСАДА

14. Кривовичи, I, 17.
15. Торошино, II, 19.
16. Белая, III, 21.
17. Верхолины, IV, 22.

ЗАКЛИНСКАЯ ЗАСАДА

18. Заклинье, I, 23.
19. Погост в Псколянской губе, II, 24.
20. Погост в Моложанской губе, III, 25.
21. Полицы, IV, 26.

ДЕМЯНИЦКАЯ ЗАСАДА

22. Сумска, II, 27.
23. Виделебье, III, 28.
24. Демяницы, IV, 29.
25. Оклюдицы, VII, 30.
26. Знахлицы, IX, 32.

ПРУДСКАЯ ЗАСАДА

27. Пруды, I, 33.
28. Рюха, II, 34.
29. Русски, III, 35.
30. Добровитки, IV, 36.
31. Погостище, V, 37.
32. Старая Уситва, VIII, 38.
33. Чирски, IX, 39.
34. Стремуты, X, 40.

РОЖНИЦКАЯ ЗАСАДА

35. Рожницы, I, 41.
36. Верхний Мост, II, 42.
37. Наволок, III, 43.
38. Славковичи, VIII, 44.

МЕЛЕТОВСКАЯ ЗАСАДА

39. Мелетово, I, 45.
40. Зряковичи, II, 47.
41. Погост в Каменной губе, III, 48.
42. Полонск, V, 49.

В пяти губах не было погостов: двух Невадицких в Демяницкой и Мелетовской засадах (VI, сн. 60; VI, сн. 86); Теблевицкой губе Демяницкой засады (I, сн. 55); Залежанской губе Прудской засады (VI, сн. 69) и Воронцовской четверти Рожницкой засады (IV, сн. 77)⁸⁷. Названия погостов не установлены в Псколянской и Каменной губах Заклинской и Мелетовской засадах (II, 24; III, 48)⁸⁸; даны предположительно в Моложанской, Сумской, Наволоцкой губах в Заклинской, Демяницкой и Рожницкой засадах (III, 25; II, 27; III, 43)⁸⁹; точно определены в Рожницкой и Полонской губах Рожницкой и Мелетовской засадах (I, 41; V, 49)⁹⁰. Собранные количественные сведения служат доказательством того, что названия погостов и соответствующих им губ

совпадают⁹¹. Исключение представляют лишь два выше-названных погоста без названия в Псколянской и Каменской губах, а также Кочанова слобода — погост в Бельской губе Завелицкой засады (VIII, 11).

Шесть погостов из 42 служили центрами приходов одноименных губ в разных засадах: погост Выбута объединял Выбуцкие губы в Завелицкой и Прудской засадах (XIII, 16; VIII, сн. 70). Погост Виделебье — центр прихода Виделебских губ в Демяницкой и Мелетовской засадах (III, 28; IV, сн. 84). Погосты Рюха и Русски Прудской засады (II, 34; III, 35) соединяли одноименные губы Демяницкой засады (V, сн. 75; VIII, сн. 62). Погост Пруды — центр прихода Прудской губы в Прудской засаде (I, 33) и губы с таким же названием в Рожницкой (V, сн. 78). Погост Знахлицы объединял Знахлицкие губы в Демяницкой и Рожницкой засадах (IX, 32; VI, сн. 79)⁹². В одноименных губах разных засад не всегда погосты являлись общими, или соединенными⁹³. В Каменской губе Завелицкой засады (I, 1) на погосте Камно — церковь св. Георгия; в одноименной губе Мелетовской засады (III, 48) на погосте — церковь Николая Святителя. В Бельской губе Завелицкой засады (III, 11) в Кочанской слободе — церковь Николая Святителя; с таким же названием губе Бельской засады (III, 21) на погосте Белая — церковь Рождества Христова. Данные о погостах, собранные в писцовой книге 1585—1587 г. и других источниках (свидетельства псковских летописей, списки грамот XIV—XV вв.), относим к 30-м гг. XVII в., поскольку в Псковском уезде сохранялось губское деление и связанное с ним церковно-приходское устройство. Сыскные документы содержат сведения о 35 погостах из 42⁹⁴.

В декабре-июле 1630/31 г. на некоторых погостах стояли недействующими храмы («без пения»), но за ними сохранялась земля с крестьянскими дворами. В показаниях троих церковных крестьян Кочановой слободы записано: «А попа де в Кочанове слободе нет». Не назван

священник с погоста Оклюдицы Демяницкой засады (VIII, 30), хотя в Оклюдицкой губе находились дворцовые села и дворы церковных крестьян⁹⁵. На погостах Зряковичи и Полонск не обнаружено присутствие священника: показания церковных крестьян от Зряковской и Полонской губ свидетельствовал священник Павел с погоста Мелетово Мелетовской засады (I, 45; II, 47; V, 49). В именном списке обыскных речей от Мелетовской засады названы четверо крестьян: их дворы находились на земле Ильинской церкви в Полонске и Георгиевской — в Зряковичах⁹⁶. Священники Харитон и Яков с погостов Заклинье и Полицы дали показания за священника Дмитриевской церкви в Моложанской губе на погосте Заклинской засады (I, 23; III, 25; IV, 26).

Анализ сыскных материалов дает основание сделать заключение: на пяти из 35 погостов не было священнослужителей⁹⁷, тогда как в городских приходских храмах нередко числилось по два священника. Представляет исключение погост Виделебье Демяницкой засады (III, 28), где служили два священника, отец с сыном. О родственных связях сельских священников, как и причастности их к соборной организации псковского духовенства данных не имеется. В сельских приходских храмах в отличие от городских не называются дьяконы, помощники священников в богослужении⁹⁸. Церковные дьячки в качестве составителей обыскных речей присутствуют на трех погостах: Никольском в Устье, Белая и Верхолины Завелицкой и Бельской засад (II, 4; III, 21; IV, 65). Дьячки могли быть, конечно, и на других погостах, но вряд ли они владели искусством составления деловых бумаг. В XVII в. не во всех уездных приходских церквях находились дьячки (они же псалмопевцы, чтецы). Так, в документах костромского сыска 1666 г. сохранилась сказка, составленная сельским священником Тимофеем, под текстом припись: «Сказку писал поп Тимофей своею рукою по великой нужде, что дьячка нет»⁹⁹.

Наряду с центральными погостами, а также погостами, соединявшими в разных засадах одноименные губы, действовали погосты, включавшие в свои приходы не только территорию собственной губы, но и селения соседних губ. К их числу относился погост Печки Завелицкой засады (IV, 6), в его приход входила территория с дворами церковных крестьян в Чирской и Стремужкой губах Прудской засады (IX, 39; X, 40). Покровская церковь на Погостице служила приходской для Погостицкой губы Прудской засады (V, 37) и дворцовой волости Оклодицкой губы Демяницкой засады (VIII, 30). Георгиевская церковь на погосте Рюха соединяла Рюху губу и территорию с дворами церковных крестьян Русской губы Прудской засады (II, 34; III, 35). Погост Старая Уситва имел в своем приходе дворцовую волость в Колбежицкой губе Завелицкой засады (XII, 15). Ильинская церковь на погосте Демяницы служила приходской для жителей Демяницкой губы и церковных крестьян Оклодинской губы Демяницкой засады (IV, 29; VII, 30)¹⁰⁰. Древний погост Мелетово объединял Успенским приходом селения Мелетовской, Зряковской и Полонской губ Мелетовской засады (I, 45; II, 47; V, 49).

Если в конце XVI в. (писцовая кн. 1585—1587 гг.) достаточно четко прослеживается совпадение территории губы и церковного прихода¹⁰¹, то в 30-х гг. XVII в. (сыскные материалы) в связи с волостным устройством Псковской земли происходит укрупнение одних погостов и упадок других¹⁰². Такие погосты как Никольский в Устье и Камно в Завелицкой засаде, Пруды — Прудской становятся центрами общегосударственного волостного устройства¹⁰³, оставаясь в то же время главными селениями в губах. Значимость погостов определялась их оборонной ролью для государства и непосредственно по отношению к Пскову¹⁰⁴, а также наличием в приходах дворцовых волостей и государевых сел (селец, деревень), представлявших наиболее ценный земельный фонд Дворца¹⁰⁵.

В Перечне названы три непогостских села с церквями (сведений о священниках не имеется), приходы которых были локализованы внутри губ: дворцовое село Кусва с церковью св. Мины, монастырское сельцо Ивашково Крутое с церковью Владимирской иконы Богородицы в Каменской губе; дворцовое село Подлужье с церковью Николая Святителя в Пецкой губе Завелицкой засады (I, 2; IV, 7; I, 18)¹⁰⁶. Исад на острове Талавском в Кривицкой губе Бельской засады (I, 18) относился к непогостским селениям, однако он приравнялся, по-видимому, к погостам: от его церковных крестьян во главе с никольским священником были составлены обыскные речи. Трое городских священников (Перечень, 20, сн. 63; 31, сн. 78; 46, сн. 100) подписались под обыскными речами: один (церковь Образа Спаса Нерукотворного) — за ямских крестьян, двое — за церковных крестьян, дворы которых находились на земле храмов св. Варлаама Хутынского «с Площади» и Николая Святителя «з Гребли» в Пскове.

Итак, 35 священников по Перечню свидетельствовали собственноручно рукоприкладствами 20 обыскных речей крестьян, среди них 32 сельских («волостные попы» — по сыскным документам) от 30 погостских и одной непогостской церковей; трое — городских («псковские попы») от приходских церковей Пскова («государевых ружных храмов»).

¹ Отсутствуют обыскные речи от монастырских и помещичьих крестьян.

² Суворов Н.С. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. // ЖМНП. 1905, дек. С. 249 и след.

³ Масленишкова Н.Н. Псковская земля// Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Север. Псков: Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. С. 89; Она же. Сельское население и расселение на Псковской земле// Аграрная история Северо-Запада России XVII в.: Население, землевладение, землепользование/ Рук. авт. коллект. А.Л.Шапира. Л., 1989. С. 37.

⁴ См.: Евгений, митрополит [Болховитинов]. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Киев,

1831. Ч. I. С. 28; *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; *Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение. С. 250-252. Н.Н.Масленникова относит деление на уезды Псковской земли к XV в. (*Масленникова Н.Н.* Псковская земля// Аграрная история Северо-Запада России XVI в. С. 89).
- 5 Евгений Болховитинов считал, что деление на губы древнейшее, заимствованное у северных народов, когда территория разделялась «по рекам для лучшего разграничения и для удобнейшего сообщения» (*Евгений, митрополит [Болховитинов].* История княжества Псковского. Ч. I. С. 27). А.С.Лаппо-Данилевский называл деление на губы «следами прежней самобытности древнерусских земель» (*А.С.Лаппо-Данилевский.* Указ. соч. С. 88). Н.С.Суворов отметил: «Следует думать, что деление Псковской области на губы создано в эпоху, предшествовавшую присоединению Пскова к территории Московского государства» (*Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение. С. 252). Такого же мнения придерживается Н.Н.Масленникова (*Масленникова Н.Н.* Псковская земля//Аграрная история Северо-Запада России XVI в. С. 89).
- 6 Дворцовые деревни и села упоминаются в писцовой книге 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. М., 1913. Т. 5. С. 122, 131-132). И.И.Василев называет в XIX в. волостями прежние губы, например, Прудская волость, Колпинская волость и т.д. (*Василев И.И.* Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков, 1882. С. 138, 251 и след.). Н.Н.Масленникова подметила редкое употребление термина «волость» в псковских писцовых книгах XVI в. (*Масленникова Н.Н.* Псковская земля// Аграрная история... С. 89). Формирование дворцового земельного фонда с волостным устройством Псковской земли автор относит к концу XVI-XVII вв. (*Масленникова Н.Н.* Землевладение на Псковской земле// Аграрная история Северо-Запада России XVII в. С. 97).
- 7 В конце XVI в. на Псковской земле было 15 уездов, после окончания польской интервенции по Деулинскому перемирию к Речи Посполитой отошли Себежской и Красногородский уезды; последний возвращен России в 1667 г., Себежский – в конце XVII в. (*Масленникова Н.Н.* Сельское население и расселение на Псковской земле// Аграрная история... С. 29).
- 8 Евгений Болховитинов считал засады образованием более поздним, чем губы (*Евгений, митрополит [Болховитинов].* История княжества Псковского. Ч. I. С. 28). Н.С.Суворов отождествлял слово «засада» с «осадой» означающей «заселение местности посаженными на ней людьми», по его наблюдению, «ни один из псковских пригородов не имел засад, а напротив все засады имели своим центром самый Псков» (*Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение. С. 249). Н.Н.Масленникова присоединяется к этой точке зрения (*Масленникова Н.Н.* Псковская земля// Аграрная история Северо-Запада России XVI в. С. 89).

- 9 В писцовой книге 1585-1587 гг. перечислены все засады и губы на Псковской земле (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 138-210). Из семи засад Псковского уезда только Завелицкая выходила к «Немецкому» рубежу, ее защищал Изборский уезд. (Масленникова Н.Н. Псковская земля//Аграрная история Северо-Запада России XVI в. С. 89).
- 10 По данным Н.С.Суворова и Н.Н.Масленниковой, на Псковской земле в 80-е гг. XVI в. была 151 губа (Суворов Н.С. Псковское церковное землевладение. С. 254; Масленникова Н.Н. Указ. соч. С. 89).
- 11 Определение «главное селение» употребил К.А.Неволин, изучавший территориальное устройство Новгородской земли в XVI в. (Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских XVI в. с приложением карты//Зап. имп. Русского географического общества. СПб., 1853. Кн. 8, С. 91 и след.); И.И.Василев использовал выражение «усадьба» (Василев И.И. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда. С. 1-3).
- 12 Термин «погост» древнего происхождения. Евгений Болховитинов полагал его заимствованным в дохристианские времена у греков или римлян, значило то же, что у них Pagus, то есть замок или крепость на возвышении с округою (Евгений, митрополит [Болховитинов]. История княжества Псковского. С. 27). К.А.Неволин считал погост древненовгородского происхождения (Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских... //Зап. имп. Русского географического общества. Кн. 8, С. 91). Определение погоста XVI в. как центра имеется у Лаппо-Данилевского: «Погост был не только религиозным центром, но и центром мирского самоуправления. Церкви и церковные трапезы служили местом сходов разных чинов людей для всяких земских и мирских дел» (Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 86). Более конкретизированное определение псковского погоста в сравнении с новгородским имеется у Н.С.Суворова: «Погостом называется не округ (так в Новгородской земле. - В.Р.), а место, где стоял храм с дворами церковных людей, отсюда однако не следует заключать, что это место всегда и непременно замыкалось тесными пределами» (Суворов Н.С. Псковское церковное землевладение. С. 263). Собственно речь идет о том, что к погосту относились пустоши, реже деревни, принадлежавшие разным землевладельцам. С этим нельзя не согласиться. В писцовой книге 1585-1587 гг. перечисляются пустоши, относившиеся к погостам (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 142 и след.). Определение погоста, данное Н.С.Суворовым, принято в лит. (Масленникова Н.Н. Землепользование на Псковской земле// Аграрная история Северо-Запада России XVII в. С. 157).
- 13 См. ниже Перечень погостов и приходских церквей в Псковском уезде. Погосты со старинными названиями сохранялись на Псковской земле в XIX в. (Василев И.И. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда. С. 141 и след.).
- 14 На тесную связь территориального и церковно-приходского устройства земель и жителей новгородских пятин обратил внима-

- ние К.А.Неволин, считавший ее свойственной многим древним и новым народам (*Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI в//Зап. имп. Русского географического общества. Кн. 8. С. 87; см. также: *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. С. 245-264).
- 15 *Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение//ЖМНП. 1905, дек. С. 254-255, 262-264.
- 16 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 78, 114, 122.
- 17 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 114; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 79.
- 18 Волостное строение Псковского уезда происходило на базе формирования дворцового земельного фонда (*Масленникова Н.Н.* Землевладение на Псковской земле// Аграрная история... XVIIв. С. 98). В 30-е гг. XVII в. как свидетельствуют документы, процесс еще не был завершен.
- 19 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 109-113; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 79.
- 20 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 117-118.
- 21 Выражение «центральный погост» встречается у М.И.Семевского применительно к XIX в. (*Семевский М.И.* Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г.// Грамотей: Прибавленис. СПб., 1864. С. 11). Наше предположение о главных или центральных погостах основывается на том, что именно с Николюситской губы начинается перечень губ, в которых жили дворцовые крестьяне. В то же самое время перечень рукоприкладств сельских священников Завелицкой засады открывается подписью священника с погоста Камно.
- 22 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264, Л. 103-104; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 72-76.
- 23 Положение о том, что погост Пруды был главным, или «центральным» в Прудской засаде основывается на следующем: перечень губ, где жили дворцовые крестьяне, начинается с Прудской губы; перечень рукоприкладств священников Прудской засады открывается подписью священника с погоста Пруды.
- 24 От дворцовых сел Завелицкой засады обыскные речи составлены дважды — первый документ датирован 31 мая 1631 г., на нем подписи семерых приходских священников разных погостов; второй — без даты, по-видимому, составлен по заказу (близок к обыскным речам от псковских землевладельцев), имеет только одну подпись священника с Никольского погоста в Устьях (РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 114-119, 120-125; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 79-86).
- 25 *Масленникова Н.Н.* Землевладение на Псковской земле// Аграрная история Северо-Запада России XVII в. С. 97, 102.
- 26 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 258-259, 106-109, 227-230, 231-234; ЧОИДР. 1870. Там же. С. 170-173, 153-155, 156-158.
- 27 *Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв.// ЖМНП. 1906, апрель. С. 399-404. Впервые перечень

погостов был составлен К.А.Неволиным в середине XIX в., см. «Подробный каталог погостов, расположенных по пятинам с приурочением главного селения каждого погоста к определенной местности и с назначением определенных границ для каждой пятины» (*Неволин К.А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. с приложением карты// Зап. имп. Русского географического общества. СПб., 1853. Кн. 8. С. 118-236). В начале XX в. М.М.Богословским был составлен перечень: «Погосты, станы и волости Поморского края в XVII в.» (*Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. Приложения. С. 1-63).

- 28 Имеем в виду грамоту царя Федора Ивановича от 1 октября 1585 г., в ней извещается: «... во псковских пригородах и в засадах божии церкви стоят пусты и без пения, а попы де и диаконы от литовских людей побиты» (*Евгений, митрополит [Болховитинов].* История княжества Псковского. Ч. 2. С. 100-101).
- 29 *Масленникова Н.Н.* Псковская земля// Аграрная история Северо-Запада России XVI в. С. 87.
- 30 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 114 об., 217 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 83, 147, 150; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 136, 138, 139, 442. Священник Пимин свидетельствовал показания как дворцовых, так и церковных крестьян. Дворы крестьян на земле церквей: два – Георгия с погоста Камно; один – Богородицы Успения в Завеличье, один – Варлаама Хутынского, один – Петра и Павла «З Бую», один – Михаила и Гавриила Архангелов, два – Николая Святителя «со Усохи». Церковь Георгия с Камня упом. в псковских грамотах XIV-XV вв. (*Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV-XV вв. М., 1966. С. 60, 68). Погост Камно имел оборонное значение, расположен на пути в ливонские города (Пл. Вып. 2. С. 21, 81, 95; Сб. МАМЮ. М., 1914. Т. 6. С. 136).
- 31 В писцовой кн. 1585-1587 гг. дворцовое село Кусва записано за псковским дьяком Иваном Андреевым (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 131-133, 138, 139; *Масленникова Н.Н.* Псковская земля//Аграрная история Северо-Запада России XVI в. С. 100-101). В 1623/24 г. в селе Кусва «место церковное», в конце 20-х гг. XVII в. церковь Мины восстановлена и приписана к Троицкому дому (*Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв.// ЖМНП. 1905, дек. С. 258-259). Село Кусва не упом. в сыскных документах 1630/31 г. В XIX в. на погосте Кусва – церковь Мины, каменная. (*Василев И.И.* Словарь. С. 156).
- 32 В писцовой кн. 1585-1587 гг. Ивашково Крутое записано за Яковом Петровым сыном Скрыбиным (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 138). Сельцо не упом. в сыскных док. 1630/31 г. Н.С.Суворов называет Ивашково Крутое монастырским по писцовой кн. 20-х гг. XVII в. (ЖМНП. 1905, дек. С. 256-258). В XIX в. Ивашково Крутое – деревня без церкви (*Василев И.И.* Словарь. С. 138).
- 33 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 118 об., 222 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 83, 147, 150; Сб. МАМЮ. Т. 5.

- С. 119, 144, 316, 317. Священник Иван оставил на сыскных док. подписи за дворцовых и церковных крестьян. Никольский погост имел оборонное значение (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 49 и след.). В XIX в. на погосте Устье — церковь Николая Святителя, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 328).
- 34 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 114 об., 219 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 83, 147, 150; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 140, 443. Священник Карп вторично подписывался под обыскными речами шестерых церковных крестьян. Дворы крестьян, на земле: один — церкви Ильи Пророка с погоста Корлы, два — церкви Богоявления в Запсковье, один — церкви Покрова Богородицы, один — церкви Спаса Всемилоственного в Среднем городе. Погост имел оборонное значение, расположен на пути в ливонские города (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 136). В XIX в. на погосте Корлы — церковь Ильи Пророка, каменная, при ней приходское училище (*Василев И.И.* Словарь. С. 141).
- 35 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 115 об., 212 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 83, 141, 144; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 141, 143, 119, 443. Священник Елисей вторично свидетельствовал показания 8-х церковных крестьян. Дворы крестьян на земле в Пецкой губе: два — церкви Гсоргия на погосте Печки, один — церкви Ильи Пророка на погосте Корлы, один — церкви Ильи Пророка на погосте Кулье; в Чирской губе: один — церкви Георгия «с Болота»; в Стремужкой губе: три — церкви Михаила Архангела из Среднего города. Погост Печки — центр прихода, куда входили селения церковных крестьян в Чирской и Стремужкой губах Прудской засады (IX, 39; X, 40). В ПЛ 3-й под 1438 г. упом. «церковь Георгия в Печки» (ПЛ. Т. 2. С. 223). С 1629 г. погост Печки — центр волости (ПЛ. Т. 2. С. 281); расположен на пути в ливонские города, имел оборонное значение (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 136). В XIX в. на погосте — церковь Георгия, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 228).
- 36 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 142; *Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. С. 257. Село Подлужье не упом. в сыскных док. 1630/31 г.
- 37 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 244, 244 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 165, 167; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 143, 144, 443. Расположенный на пути в ливонские города, погост имел оборонное значение (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 136). В XIX в. на погосте Кулье — церковь Ильи Пророка, деревянная (*Василев И.И.* Словарь. С. 156).
- 38 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 245 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 165, 167; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 112, 124, 145, 146, 443. Колпинская церковь («на Колпиной реце противу церкви») упом. в ПЛ 3-й под 1463 г. (ПЛ. Т. 2. С. 152). В писцовой кн. 1585-1587 гг. назван «Преображенья Спасова Колпинского погоста староста Юшко Иванов» (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 113). Погост имел оборонное значение: в нем находился заставный голова со стрельцами (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 24). В XIX в. на

- погосте Колпино — церковь Преображения, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 138).
- ³⁹ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 249 об., 250 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 168, 170; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 146, 147, 148, 442. «Таилов погост» упом. в ПЛ 1-й под 1519 г. (ПЛ. Т. 1. С. 101); с 1680 г. — центр Таиловской волости (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 185). В XIX в. на погосте Таилово — церковь Николая Святителя, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 310).
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 260-262; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 178-179; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 122, 148; церковь Николая Святителя, по-видимому, разорена была литовскими людьми (ПЛ. Т. 2. С. 282; *Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. С. 255). Обычные речи церковных крестьян Качановой слободы подписаны землевладельцем Петром Елагиним. Погост Качанова слобода не упом. в Словаре И.И.Василева XIX в.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 258 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 173, 176; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 148, 149, 151. В ПЛ 3-й (Строевский список) под 1563 г. называется в числе других волостей «Муравеино», захваченная литовскими людьми (ПЛ. Т. 2. С. 243). Термин «волость» обозначает, по-видимому, Муравеинскую губу, так как в Завелицкой засаде в начале 30-х гг. XVII в. еще не было волостного деления (см. сн. 29). Погост Муравеино не упом. в Словаре И.И.Василева.
- ⁴² РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 115 об., 259 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 83, 173, 176; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 149, 150. Священник Петр вторично свидетельствовал показания двоих церковных крестьян. Дворы крестьян на земле: церкви Богородицы Покрова в Колбежицах и церкви Михаила Архангела в Среднем городе. В писцовой кн. 1585-1587 гг. называются «старосты церковные», занимавшиеся рыболовством «на церковное строение» (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 123, 132). Погост Смолины с церковью Николая Святителя упом. в грамотах XIV-XV вв. (списки с грамот XVII в. опубл.: *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV-XV вв. С. 56, 57, 109, 116). В XIX в. на погосте Смолины — церковь Николая Святителя, каменная, при ней приходское училище с учителем священником (*Василев И.И.* Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда. С. 295; *Семевский М.И.* Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. С. 70).
- ⁴³ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 119 об., 258 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 83, 173, 176; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 150, 151, 190. Священник вторично свидетельствовал показания четверых церковных крестьян. Дворы крестьян на земле: один — церкви Воздвижения, два — церкви Георгия «с Болота», один — церкви Власия «с Площади» в Пскове. В писцовой кн. 1585-1587 гг. назван «Рождества Пречистыя Новоуситовские губы староста» Трофим Пантелеев (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 123). В ПЛ 3-й (Строевский список) под 1470 г. упом. деревянная «церковь в Ушитке... Святеи Богородици» (ПЛ. Т. 2. С. 171). С 1629 г.

- «Уситва» — волостной центр (ПЛ. Т. 2. С. 281). Погост Новая Уситва не упом. в Словаре И.И.Василева.
- 44 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 116 об., 256 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 83, 173, 176; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 150, 151, 153. Священник Семен вторично свидетельствовал четверых церковных крестьян. Дворы крестьян на земле: один — церкви Богородицы Успения в Завеличье, один — церкви «из Бродов», один — церкви Николая Святителя «с Усохи», один — церкви Василия Великого «с Горки» в Пскове. В обыскных речах дворцовых крестьян от Прудской засады называются поименно крестьяне во главе с волостным старостой. Колбежицы упом. в ПЛ 1-й под 1501 г. (ПЛ. Т. 1. С. 86). В церкви Покрова Богородицы XV в. хранились документы на владение землей (*Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV-XV вв. С. 64, 116). В XIX в. на погосте Колбежицы — церковь Богородицы Покрова, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 137).
- 45 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 206 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 138, 141; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 153-154, 187-188. Дворы крестьян на земле: два — церкви Ильи Пророка с погоста Выбута, один — церкви Георгия «со Возвоза», один — церкви Михаила Архангела в Пскове. Погост Выбута на реке Великой имел оборонное значение (ПЛ. Т. 2. С. 60 и след.). По писцовой кн. 1585-1587 гг. погост Выбута — центр прихода Выбуцкой губы Завелицкой засады и одноименной в Прудской (IV. 86); *Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. С. 250, 255. В конце XVII в. — Выбуцкая волость (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 186). В XIX в. на погосте Выбута — церковь Ильи Пророка, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 56).
- 46 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 108 об., 109 об., 112 об., 113 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 79; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 151, 155, 158, 164. В Бельской засаде дворцовые села и деревни находились, вероятно, только в Кривовицкой губе, так как в обыскных речах говорится: «... вси Белские засады Кривовицкие губы государевы дворцовые крестьяне»; «... государевы дворцовые крестьяне всея Белские засады» (РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 110, 113). В ПЛ 1-й под 1529 г. извещается: «... згоре церковь вся деревянная в Кривовичах святы Пророк Илья» (ПЛ. Т. 1. С. 105). *Н.С.Суворов* приводит сведения из писцовой кн. конца 20-х гг. XVII в. о том, что псковские помещики (владения которых были в Красногородском и Себежском уездах) получили земли в Бельской засаде (*Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. С. 241, 247). В XIX в. на погосте Кривовичи — церковь Ильи Пророка, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 148).
- 47 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 227 об., 230 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 153, 155; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 86. С 1629 г. Талабск — центр волости (ПЛ. Т. 2. С. 281). В XIX в. на острове Талабском — Александровский посад с церковью Николая Святителя, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 10).

- 48 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 240 об., 241 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 161-162, 164; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 157, 158, 159, 444. Дворы крестьян на земле: один — церкви Ильи Пророка с погоста Торошино, один — церкви Воскресения Христова «с Домантовы стены», один — церкви Козмы и Дамиана «с Примостья» в Пскове. В XIX в. на погосте Торошино — церковь Ильи Пророка, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 319).
- 49 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 239 об. — 240 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 162, 164; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 159, 161. Дворы крестьян на земле: один — церкви Рождества Христова «с Домантовы стены», два — церкви Богоявления в Запсковье. В Бельской губе не было дворцовых крестьян. Погост Белая не упом. в Словаре И.И.Василева.
- 50 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 205 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 135, 138; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 162, 163, 444. Дворы крестьян на земле: два — церкви Козмы и Дамиана, один — церкви Богоявления в Запсковье, один — церкви Георгия «с Болота», один — церкви Петра и Павла «с Бую» в Пскове. В Верхолинской губе не было дворцовых сел (*Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. С. 247). С 1682 г. упом. Верхолинская волость (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 188). В XIX в. на погосте Верхолины — церковь Ильи Пророка, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 49).
- 51 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 242 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 162, 164; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 165, 166. Погост Заклинье не упом. в Словаре И.И.Василева.
- 52 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 161, 166, 168. Священник церкви Николая Святителя не называется в сыскных док. 1630/31 гг. Название погоста не установлено; не упом. в Словаре И.И.Василева.
- 53 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 167. Священник церкви Димитрия Солунского не упом. в сыскных док. 1630/31 гг. Название погоста не установлено; в XIX в. упом. исад Моложво и Моложба без церкви (*Василев И.И.* Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда. С. 122, 194).
- 54 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 241 об., 242 об., 243 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 162, 164; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 167, 168. В XIX в. на погосте Полицы (Палицы) — церковь Георгия, деревянная (*Василев И.И.* Словарь. С. 215-216).
- 55 Теблевицкая губа (без погоста) Демяницкой засады называется в писцовой кн. 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 170). В сыскных док. 1630/31 гг. не упом. По наблюдению Н.С.Суворова над писцовым материалом, «... из описания Теблевицкой губы Демяницкой засады... не видно, чтобы какое-либо количество земли числилось за местною погостскою церковью» (ЖМНП. 1905, дек. С. 255-256). Погост в Теблевицкой губе не упом. в Словаре И.И.Василева.
- 56 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 171. Погост в Сумской губе не упом. в сыскных док. 1630/31 гг., его название предположительное: в XIX в. деревня Сумска (*Василев И.И.* Словарь. С. 308).

- 57 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 108 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 76; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 171, 173, 207. По писцовой кн. 1585-1587 гг. погост Виделебье называется в Демяницкой засаде. В Виделебской губе Демяницкой засады не было дворцовых сел. Погост Виделебье — центр прихода двух одноименных губ в Демяницкой и Мелетовской засадах (Суворов Н.С. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. С. 255). В XIX в. на погосте Виделибской волости — церковь Николая Святителя, каменная, при ней приходское училище с учителем священником (Василев И.И. Словарь. С. 50; Семевский М.И. Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. С. 70).
- 58 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 235 об., 236 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 159, 161; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 173, 174, 200. Дворы крестьян на земле в Демяницкой засаде Оклюдицкой губе: два — церкви Михаила Архангела в Среднем городе; в Рожницкой засаде: три — церкви Ильи пророка «со Взвоза» в Пскове. Демяничи (Демяници) упом. в ПЛ 3-й под 1408 г. (ПЛ. Т. 2. С. 116). В XIX в. на погосте Демяници — церковь Ильи пророка, каменная (Василев И.И. Словарь. С. 79).
- 59 Рюха губа (без погоста) Демяницкой засады называется в писцовой кн. 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 175). Погост Рюха в Рюхе губе Прудской засады (II. 34) — центр прихода для одноименной губы в Демяницкой засаде (Суворов Н.С. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. С. 255).
- 60 Невадичья губа (без погоста) Демяницкой засады называется в писцовой кн. 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 176). В ПЛ 3-й под 1435 г. упом. селение Невадичи (ПЛ. Т. 2. С. 130). Н.С.Суворов высказал предположение, что для Невадичских губ, не имевших погостов в Мелетовской (VI. 104) и Демяницкой засадах, приходскими церквями могли служить монастырские храмы (ЖМНП. 1905, дек. С. 263).
- 61 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 176, 177. Священник церкви Рождества Христова в Оклюдицах не называется в сыскных док. 1630/31 гг. За дворцовых крестьян Оклюдицкой губы подписался Прудской засады (V, 37) священник церкви Богородицы Покрова Архип (РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 104 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 76). За четверых церковных крестьян Оклюдицкой губы (их дворы на земле церкви Михаила Архангела и церкви Спаса Всемилостивого в Пскове) подписались ильинский священник Емельян с погоста Демяници Демяницкой засады (IV. 29, сн. 74) и вышеназванный священник Архип. В XIX в. на погосте Оклюдицы — церковь Рождества Христова, каменная (Василев И.И. Словарь. С. 208).
- 62 Русская губа (без погоста) Демяницкой засады называется в писцовой кн. 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 179, 183). Погост Русски в Прудской засаде (III. 25) — центр прихода Русской губы этой же засады и одноименной в Демяницкой (Суворов Н.С. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. С. 255).

- 63 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 179, 180, 189, 198-199. Погост Знахлицы — центр прихода Знахлицкой губы Демяницкой засады и одноименной губы в Рожницкой засаде (VI. сн. 79); Суворов Н.С. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. С. 255. Погост не упом. в сыскных док. 1630/31 г. В XIX в. на погосте церковь Богородицы Покрова, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 115).
- 64 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 103 об., 206 об.; ЧОИДР. Кн. I. Отд. V. С. 76, 138, 141; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 181, 196, 198. Священник Евтихий свидетельствовал показания дворцовых и троих церковных крестьян. Дворы крестьян на земле: два — церкви Николая Святителя с погоста Пруды, один — храма Василия Великого «з Горки» в Пскове. Погост Пруды с церковью упом. в ПЛ 3-й под 1490 г. (ПЛ. Т. 2. С. 224); имел оборонное значение (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 59, 60, 69, 71). Погост — центр прихода Прудской губы Прудской засады и одноименной губы в Рожницкой (V. Сн. 95). В XIX в. на погосте — церковь Николая Святителя, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 252).
- 65 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 104 об., 223 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 76, 150, 153; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 173, 175, 182, 183. Священник Киприан свидетельствовал показания дворцовых и церковных крестьян. Дворы крестьян в Рюхе губе: два на земле церкви Рождества Христова с погоста Чирски Прудской засады (IX. 39), два — церкви Воскресения с Полонища, один — церкви Михаила Архангела в Среднем городе, один — церкви Богоявления изо Кстовы»; в Русской губе: два — церкви Козмы и Дамиана с погоста Русски Прудской же засады (III. 35). Рюха — центр прихода Рюхи губы Прудской засады и одноименной губы Демяницкой (V. Сн. 58); *Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение... С. 255). В XIX в. на погосте Рюха — церковь Георгия, деревянная (*Василев И.И.* Словарь. С. 280).
- 66 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 104 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 76; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 179, 183, 184, 199. Погост Русски — центр прихода Русской губы Прудской засады и одноименной губы Демяницкой засады (V. Сн. 79); *Суворов Н.С.* Указ. сѣч. С. 255). Погост с церковью упом. в грамоте XIV-XV вв. (*Мар'ясинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV-XV вв. С. 58). В XIX в. на погосте Русски — церковь Козмы и Дамиана, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 278).
- 67 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 103 об., 258 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 76, 173, 176; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 181, 184, 199, 445. Священник Фрол поставил под обыскными речами подпись за церковного крестьянина, его двор на земле церкви Василия Великого «с Горки» в Пскове. В XIX в. на погосте Добрывитки Прудской волости — церковь Ильи Пророка, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 81).
- 68 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 104 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 181, 185, 186, 190, 445. Священник Архип оставил на сыскных док. 1630/31 г. подписи за дворовых и цер-

ковных крестьян. Дворы церковных крестьян на земле: один — церкви Богородицы Покрова в Погостище, два — церкви Спаса Всемилостивого в Среднем городе. Погостище не упом. в Словаре И.И.Василева.

- 69 Залежанская (Залеженская) губа (без погоста) Прудской засады называется в писцовой кн. 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 186, 187); не упом. в сыскных док. 1630/31 г. и Словаре И.И.Василева.
- 70 Выбуцкая губа (без погоста) Прудской засады называется в писцовой кн. 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 187, 188). В сыскных док. 1630/31 гг. не упом. Погост Выбута — центр прихода Выбуцкой губы Завелицкой засады (XIII. 16) и одноименной губы Прудской (*Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение в XVI и XVII вв. С. 250, 255).
- 71 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 104 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 76, 170, 172, 173; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 151, 190, 192, 326. Приход церкви Богородицы Рождества объединял селения дворцовых сел не только собственно Староуситовской губы, но и несколько деревень Колбежецкой («Колбежицкие приданцы») Завелицкой засады (XII. 15, сн. 44). В ПЛ 3-й (Строевский список) под 1470 г. называется «Ушитва» с церковью «Святеи Богородици» (ПЛ. Т. 2. С. 171). С 1629 г. Уситва — центр волости (ПЛ. Т. 2. С. 281). Погост Старая Уситва не упом. в Словаре И.И.Василева.
- 72 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 210 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 141, 144; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 183, 190, 191, 446. За 8-х церковных крестьян из Пецкой, Стремущкой и Чирской губ священник Василий свидетельствовал вместе с геогриевским священником с погоста Печки Завелицкой засады (IV. 6). В ПЛ 1-й (Тихоновский список) под 1420 г. упом. село Чирски с церковью (ПЛ. Т. I. С. 34). В XIX в. на погосте Чирски — церковь Рождества Христова, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 305).
- 73 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 104 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 76; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 176, 192. Стремущкой губы церковные крестьяне, за которых подписался Пецкой губы Завелицкой засады (IV. 6) священник Елисей, входили в приход церкви Георгия на погосте Печки. Стремуты не упом. в Словаре И.И.Василева.
- 74 Ст. МАМЮ. Т. 5. С. 193, 194, 445. Погост Рожницы с церковью не упом. в сыскных док. 1630/31 г. В XIX в. на погосте Рожницы — церковь Михаила Архангела, деревянная (*Василев И.И.* Словарь. С. 276).
- 75 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 238 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 159, 161; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 174, 194, 196, 198. Дворы крестьян на земле церкви Георгия «со Взвоза» в Пскове. В XIX в. на погосте Верхний Мост церковь Николая Святителя, каменная, при ней приходское училище с учителем из дьячков (*Василев И.И.* Словарь. С. 48; *Семевский М.И.* Гра-

- мотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. С. 78).
- 76 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 196, 197. Погост с церковью не упом. в сыскных док. 1630/31 г. Название погоста предположительное: в XIX в. деревня Наволок без церкви (*Василев И.И.* Словарь. С. 199).
- 77 Воронцовская четверть (без погоста) Рожницкой засады упом. в писцовой кн. 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 197). Нет в сыскных док. 1630/31 г.
- 78 Прудская губа (без погоста) Рожницкой засады называется в писцовой кн. 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 117). Погост Пруды с церковью Николая Святителя – центр прихода Прудской губы Прудской засады (I. 33) и одноименной губы в Рожницкой.
- 79 Знахлицкая губа Рожницкой засады называется в писцовой кн. 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 198, 199). Погост Знахлицы – центр прихода Знахлицкой губы Демянницкой засады (IX. 32) и одноименной губы в Рожницкой; не упом. в сыскных док. 1630/31 г.
- 80 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 199, 200; в сыскных док. 1630/31 г. погост с церковью не упом. В середине XVII в. погост действующий: в док. назван «успенский дьячок» Агафонька Федоров (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 109). В XIX в. на погосте Славковичи – церковь Успения Богородицы, каменная (*Василев И.И.* Словарь. С. 291-292).
- 81 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 234 об.; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 156, 158; Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 201, 203, 207. Дворы крестьян на земле в Мелетовской губе: два – церкви Богородицы Успения на погосте Мелетово; один – церкви Варлаама Хутынского, один – церкви Николая Святителя «со Усохи»; в Зряковской губе: три – церкви Георгия на погосте Зряковичи, один – церкви Богоявления «изо Кстовы»; в Полонской губе: один – церкви Ильи Пророка на погосте Полонск, два – церкви Николая Святителя «со Усохи», один – церкви Михаила Архангела в Среднем городе. Таким образом, шесть дворов от сельских церквей и столько же от городских храмов. В ПЛ 1-й под 1461/62 г. говорится о сооружении каменной церкви в Мелетове (ПЛ. Т. 1. С. 61, 63); в ПЛ 3-й под 1465 г. сообщается о росписи храма фресками (ПЛ. Т. 2. С. 160). Погост Мелетово – «центральный» в Мелетовской засаде, в его приход входили селения церковных крестьян в Зряковской и Полонской губах. В XIX в. на погосте церковь Успения Богородицы, каменная, при ней приходское училище (*Василев И.И.* Словарь. С. 187-188).
- 82 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 203, 204, 205, 208. В сыскных док. 1630/31 г. священник церкви Георгия с погоста Зряковичи не упом. Село Зряковичи с церковью (название не указано) упом. в ПЛ 1-й под 1455 г. (ПЛ. Т. 1. С. 52). Погост, действующий в 30-е гг. XVIII в. (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 294). В XIX в. на погосте Зряковичи – две церкви Георгия, каменная и деревянная (*Василев И.И.* Словарь. С. 116).

- 83 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 205, 446. Название погоста не установлено. В Каменской губе Завелицкой засады (I. 1) на погосте Камно — церковь Георгия. Погост не упом. в сыскных док. 1630/31 г.
- 84 Виделебская губа (без погоста) Мелетовской засады называется в писцовой кн. 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 173, 206). Погост Виделебье — центр прихода одноименных губ в Демянницкой засаде (III. 28) и Мелетовской, где в XVII в. находились дворцовые села, объединенные в волость (РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 102-103, 248). В именном списке обыскных речей священник Иван Алексеев с погоста Виделебье именуется «Мелетовские засады николской поп из Веделебья».
- 85 Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 203, 209, 446. В сыскных док. 1630/31 г. священник церкви Ильи Пророка не называется. За четверых церковных крестьян Полонской губы подписались успенский священник с погоста Мелетово Мелетовской засады (I. 45) и священник церкви Николая Святителя «с Гребли» Ждан Иванов. В XIX в. на погосте Полонск — церковь Ильи Пророка, каменная, при ней приходское училище с учителем священником (*Василев И.И.* Словарь. С. 245; *Семевский М.И.* Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. С. 78).
- 86 Невадицкая губа (без погоста) Мелетовской засады называется в писцовой кн. 1585-1587 гг. (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 209), одноименная губа в Демянницкой засаде (VI. Сн. 76).
- 87 Н.С.Суворов указал на отсутствие погостов в двух Невадицких и Теблевицкой губах (ЖМНП. 1905, дек. С. 255-256).
- 88 Погостские селения в Псколянской и Каменской губах не обнаружены по Словарю И.И.Василева.
- 89 В XIX в. упом. посад Моложво, деревни Моложба, Сумска, Наволак, без храмов (*Василев И.И.* Словарь. С. 122, 194, 199, 308).
- 90 Погост Рожницы и Полонск действовали в XIX в. (*Василев И.И.* Словарь. С. 276, 245).
- 91 В XIX в. «живущие» погосты сохранили по Словарю И.И.Василева свои древние названия.
- 92 Н.С.Суворов указал, что погост Выбута, Рюха, Русски, Виделебье — общие, или соединенные для одноименных губ в разных засадах (ЖМНП. 1905, дек. С. 255).
- 93 Точно установлено, что погост Выбута в Завелицкой засаде; Рюха, Русски и Пруды — Прудской. В то же время неясно, куда относился погост Знахлицы, соединявший одноименные губы в Демянницкой и Рожницкой засадах. Погост Виделебье значился по писцовой кн. 1585-1587 гг. в Демянницкой засаде (III. 28); в сыскных док. 1630/31 г. — Мелетовской (IV. Сн. 84). Признаками соединенных погостов служили не только одинаковые названия губ в разных засадах, имя храма, но и земля к нему приписанная.
- 94 О семи погостах Сумска, Знахлицы, Рожницы, Наволок, Славковичи, погостах в Псколянской и Каменской губах нет данных в сыскных док. 1630/31 г. Однако это не означает, что погосты были недействующими: на территории их приходов, по-

- видимому, не было дворцовых сел и дворов церковных крестьян. Погосты Знахлицы, Рожницы, Славковичи были действующими в XIX в. (*Василев И.И.* Словарь. С. 115, 276, 291-292).
- 95 За дворцовых крестьян свидетельствовал священник Архип с Погостища Прудской засады (V. 37); за церковных – священник Емельян с погоста Демяницы Демяницкой засады (IV. 29) и упомянутый священник Архип.
- 96 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Д. 264. Л. 111; ЧОИДР. 1870. Кн. I. Отд. V. С. 222.
- 97 Н.С.Суворов считал причинами бездействия храмов на погостах их запустение после смуты, разорение неприятелем и т.д. (ЖМНП. 1905, дек. С. 255). По нашим наблюдениям, в сельской местности недоставало священнослужителей.
- 98 Дьяконы не называются в костромской сыскальной документации 1666 г. (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Д. 576. Л. 220-252). Штатная единица дьякона отсутствовала в сельских приходских церквях в Пскове в XIX в. (*Василев И.И.* Словарь. С. 126 и след.).
- 99 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Д. 576. Л. 277.
- 100 Наши сведения о взаимодействии губского и церковно-приходского деления ограничены материалами сыска 1630/31 г.; скудными сведениями писцовой кн. 1585-1587 гг. В действительности погост Демяницы как центральный мог служить религиозным центром всей Демяницкой засады.
- 101 Этот факт отмечен Н.С.Суворовым (ЖМНП. 1905, дек. С. 290).
- 102 По нашим наблюдениям, к большим погостам относились Печки, Рюха, Погостище, Виделебье, которые не были центральными в засадах. Приходили в упадок Кочанова слобода, погосты в Псколянской и Моложанской губах Заклинской засады, Каменской, Мелетовской и другие.
- 103 Процесс общегосударственного волостного устройства в нач. 30-х гг. XVII в. не был завершен: в Прудской существовало волостное деление, в Завелицкой – группы дворцовых сел, которые не названы в сысчных документах волостями.
- 104 Оборонное значение имели погосты в Завелицкой засаде, через территорию которой проходил торговый путь на Литву, Польшу, ливонские города (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 111; Перечень. Завелицкая засада, I-VI).
- 105 Н.С.Суворов указал на то, что лучшие земли Дворца оберегались, их не давали в раздачу служилым людям (ЖМНП. 1905, дек. С. 251). Н.Н.Масленникова отметила оборонное значение дворцовых земель, сконцентрированных вокруг Пскова (*Масленникова Н.Н.* Землевладение на Псковской земле// Аграрная история Северо-Запада России XVII в. С. 17).
- 106 В Завелицкой засаде, выходящей к «Немецкому рубежу», православных храмов, погостских и непогостских было больше, чем в других засадах: 16 из 45 (см. Перечень). См. погост Рюха с церковью.

МИТРОПОЛИТ ИННОКЕНТИЙ (ВЕНИАМИНОВ) И ИГУМЕНΙΑ МИТРОФАНЯ.

(По новым архивным документам)

Мать Митрофания (в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен) (1825–1898) — одиозное имя в русской церковной истории XIX в. — по своему рождению и воспитанию принадлежала к кругам высшей дворянской аристократии. Она была дочерью барона Григория Владимировича Розена, любимца Павла I и героя войны 1812 г., главнокомандующего в Кавказской войне. После смерти Г.В.Розена его семья пользовалась милостью императора Николая I. Поэтому неслучайно уже в 1842 г. юная Прасковья стала фрейлиной императрицы Александры Федоровны. В юности она любила верховую езду, много рисовала (по признаниям современников, игуменья обладала несомненным талантом в живописи и многие ее работы украсили храмы тех обителей, в которых она побывала). Впоследствии Митрофания чуть ли не главной причиной своих гонений называла ненависть именно к ее аристократическому происхождению.

Поворотным событием в судьбе Прасковии стали встречи и беседы в 1848 г. с митрополитом московским Филаретом (Дроздовым). Под его влиянием она бросила театры, балы, манежи и прочие радости светской жизни и начала всерьез изучать искусство иконописания. Так, в короткие сроки ею было написано более двадцати больших и малых икон. Ее изображения на темы Апокалипсиса разместились в залах главного Архиерейского подворья в Москве. В 1849 г. началась и активная благотворительная деятельность будущей игумении. В ходе поездки по монастырям епархии, выполняя поручение Филарета, она отыскивала бедных в подвалах и на чердаках и

направляла о них духовным властям письма с целью оказания им помощи.

В дальнейшем Прасковья Григорьевна избрала путь монашества. С 1852 г. она — послушница в московском женском Алексеевском монастыре. В 1861 г. сам Филарет совершил над ней обряд пострижения в монашество. И в том же году мать Митрофания была назначена митрополитом Филаретом игуменией Владычного монастыря в Серпухове. Под ее началом оказалось 210 сестер. В Серпухове на местные средства ею были построены каменная часовня с книжной лавкой при монастыре, новые дома семинарии и духовного правления¹.

Пользуясь покровительством митрополита Филарета, императрицы Марии Александровны и великой княгини Александры Петровны, Митрофания развернула также широкую деятельность по организации в стране *общин сестер милосердия*, став крупнейшим деятелем благотворительного движения эпохи «Великих реформ». Ее одаренность и энергия не оспаривались и недоброжелателями.

«Дело было поставлено с широким размахом,» — пишет современный исследователь П.Н.Зырянов, — «Оно поглощало не только те средства, которые могли выделить на него «высочайшие» особы, не только личное состояние самой Митрофании, но и субсидии, которые удавалось выбить из государственной казны — и все равно денег не хватало. Нужны были частные пожертвования. Главной их сборщицей стала «серпуховская» игуменья. Желая привлечь жертвователей, Митрофания афишировала свои знакомства и связи в высших слоях общества и с «сильными мира сего». Появляясь в Петербурге, она нередко останавливалась в Николаевском дворце... разъезжала по городу в карете с придворным лакеем»².

По воспоминаниям А.Ф.Кони, «...Наружность Митрофании была... совершенно ординарной. Ни ее высокая грузная фигура, ни крупные черты ее лица, с пухлыми щеками, обрамленные монашеским убором, не представ-

ляли ничего, останавливающего на себе внимание; но в серо-голубых, на выкате глазах ее под сдвинутыми бровями светились большой ум и решительность»³.

Новый митрополит московский и коломенский Иннокентий (Вениаминов), заступивший на кафедру умершего в 1867 г. митрополита Филарета также горячо поддерживал все благотворительные начинания Митрофании. Всего через два месяца после вступления Иннокентия в сан Митрополита игуменья Митрофания основала новую общину.

Указом Св.Синода 26 июля 1868 г. (протокол Синода 17 июля за № 1394) на имя Иннокентия был вызван донесением Митрофании императрице от 3 июля о необходимости учреждения *общины сестер милосердия в зданиях упраздненного Макарьева Желотоводского монастыря в Нижнем Новгороде*. При общине предполагалось открыть школу и больницу. Митрофания сообщала, что на учреждение общины московские купцы, торгующие на нижегородской ярмарке, уже готовы пожертвовать 31500 рублей серебром и еще 5 тысяч на ее первоначальное обзаведение. По повелению Александра II монастырь был осмотрен членом Синода И.В.Рождественским, который нашел здания монастыря удобными для размещения общины. Поэтому Синод обязал Иннокентия отобрать отзыв у купца Дьякова, как у главного из торгующих на ярмарке москвичей, пожертвуют ли они действительно эту сумму⁴. Видимо, ответ был положителен, так как Указом Синода на имя Иннокентия от 9 августа предписывалось учредить эту общину⁵.

20 сентября 1868 г. митрополит Иннокентий первый раз посетил возглавляемый игуменьей Митрофанией Серпухов Владычный женский монастырь (основан в 1360 г. митрополитом Моковским св. Алексием) по ее же приглашению. Там Иннокентий совершил освящение храма и литургию⁶.

А 12 ноября 1868 г. Митрофания писала викарию митрополита, епископу дмитровскому Леониду, об учреждении, по воле императрицы новой *Общины сестер милосердия в Пскове* под своим же началом. Сообщала, что община будет открыта и освящена 14 ноября 1868 г., на что и просила молитв Леонида. «*И передайте ту же просьбу от меня Высокопреосвященному Митрополиту*», — добавляла Митрофания, — «*прошу Его и Ваших святительских молитв и благословение на начало этого нового дела*»⁷.

Игуменья Митрофания поддерживала контакты со святителем Иннокентием и во время своих поездок в Петербург для встреч с высокими особами, куда митрополит приезжал для присутствия в Св.Синоде. Так, епископ Леонид записал в дневнике 5 марта 1871 г.: «*Вчера с игуменьей Митрофанией послал в Спб. 4 письма митрополиту и жду ответа*»⁸.

По протекции Иннокентия, Митрофания получала и новые должности в Москве. 7 марта 1871 г. она была назначена председателем московского дамского комитета общества попечения о раненых и больных воинах⁹.

Святитель вынужден был считаться с мнением влиятельной игуменьи при важнейших *назначениях на должности настоятельниц московских женских монастырей*. Некоторых он просто не решался назначить, не спросив ее одобрения. Так, он писал 23 января 1871 г. епископу Леониду: «*Что же касается до назначения на место Страстнойской монахини, или еще полумонахини, то я не понял отзыва о ней игуменнии Митрофании — что она хочет сказать изъявлением своего удовольствия: желает ли она поместить ее в Покровскую общину или уступает ее нам для Страстного монастыря? Но я бы желал, чтобы она поступила на последнюю вакансию; а в Псков игуменья М(итрофания) найдет другую*»¹⁰. (Автограф). 30 марта 1871 г. в другом письме Леониду он писал: «*Вопрос о пре-*

емнице богородической игуменни остается еще нерешенным, ибо Митрофани еще нет здесь...»¹¹ (Автограф).

Но главным и самым известным делом Митрофании за годы митрополичьего служения святителя Иннокентия было открытие ею при непосредственном участии Митрополита *Владычне-Покровской общины сестер милосердия в Москве*.

История создания Общины развивалась следующим образом. 16 июля 1869 г. секретарь императрицы Мориц уведомил Иннокентия о желании государыни основать в Москве Владычне-Покровскую общину сестер милосердия и предложении использовать для этой цели *бывший Покровский дворец с прилегающей к нему Покровской церковью*. 29 июля секретарь Владыки Ренский ответил Морицу, что митрополит препятствий к созданию такой общины не находит¹².

Митрополит Иннокентий сделал и важное денежное вспоможение для устройства будущей общины. Своей резолюцией от 18 октября 1869 г. он разрешил Митрофании взять взаимобразно из церковных сумм 1500 рублей¹³. Митрофания в письме к обер-прокурору Д.А.Толстому от 24 марта 1870 г. сообщила о своем намерении учредить общину и сослалась на благословение Иннокентия и сочувствие императрицы, через которую уже послала ходатайство о Высочайшем утверждении общины. Она просила ускорить дело рассмотрения вопроса об учреждении Общины в Синоде¹⁴. Синод издал два указа, касающихся будущей общины. В первом из них — от 18 апреля — решено было ходатайствовать об этом у государя от имени Синода. Во втором — от 6 мая — ссылаясь на полученное *21 апреля* соизволение императора на учреждение общины, Синод распорядился о представлении на его рассмотрение проекта Устава общины¹⁵.

Проект Устава общины вырабатывался под пристальным наблюдением митрополита Иннокентия. 14 января 1871 г. он сообщал в донесении Синоду о необходимых

перестройках и исправлениях в здании бывшего Покровского дворца, предназначенного для размещения Общины и препроводил проект Устава. При более позднем донесении Синоду от 23 ноября 1871 г. митрополит Иннокентий возвращал уже исправленный проект Устава общины, согласно сделанным в Синоде замечаниям 16 (Подписи — автографы). *22 декабря 1871 г. Устав общины был утвержден Синодом и на первой же своей странице был подписан всеми членами Синода, в том числе и митрополитом Иннокентием.*

По Уставу, Община состояла под началом московского архиерея (в нашем случае — митрополита Иннокентия). Ее задачами были: призрение бедных девиц, вдов без состояния, попечение о бедных больных, утешение скорбящих, вскармливание и воспитание детей бедных священноцерковнослужителей, бесприютных младенцев. Примечательно, что, по Уставу, *община была открыта для людей всех христианских вероисповеданий, всех возрастов и сословий*, что подчеркивало демократический характер деятельности Общины. Специальным пунктом предусматривалось и приготовление сестер милосердия для помощи раненым воинам на случай войны 17 (Подпись Иннокентия на л. 108 — автограф). *26 апреля 1872* было также Высочайше утверждено и новое *«Положение о правах и преимуществах Владычне-Покровской общины сестер милосердия»*, которое сообщало этому патронируемому государством благотворительному учреждению привилегированный характер, давало самые широкие права в финансовой и хозяйственной деятельности, но вместе с тем община фактически выводилась из-под какого-либо государственного или церковного контроля, что и привело к негативным последствиям в будущем¹⁸.

Одной из главных помощниц Митрофании в деле устройства и управления новой Общины была ее подруга игумения Страстного монастыря Валерия. В записи дневника февраля 1871 г. епископ Леонид характеризовал

ее: «тщедушна и слаба силами, 12 лет страдает...» И отмечал, что Владычье-Покровская община – их общее предприятие, где Митрофания является предводительницей, а Валерия и Александра Николаевна Стрекалова ее помощницами. «Они (Валерия и Митрофания – И.К.) подали друг другу руки и требовали архиерейского благословения»¹⁹.

7 июня 1872 г. Митрофания в письме известила Иннокентия о том, что все работы к открытию общины почти закончены и все необходимые приготовления сделаны²⁰. 23 июня она писала епископу Леониду, надеясь и на его участие в церемонии открытия Общины: «Надеюсь еще, что Вы не откажете мне в утешении видеть Вас у себя в общине при торжественном освящении храма и открытии общины. Если возможно, успеете Владыко святой и приезжайте завтра, – *Его Высокопреосвященство благословил меня Вам писать и просить Вас о том. Он сказал, что если Вашему Преосвященству угодно будет принять мою просьбу, тогда он будет освящать храм 25, в воскресенье, в сослужении Вашем и Преосвященного Игнатия в Покровском соборе, после чего последует открытие общины. Ваше Преосвященство, прошу, не откажите и утешьте приездом Вашим искренне преданную Вам*»²¹.

25 июня 1872 г. в исторический день открытия общины митрополит Иннокентий возложил на ее учредительницу и начальницу игумению Митрофанию и на ее помощницу монахиню Зинаиду Высочайше утвержденные для сестер милосердия Московской общины бронзовые кресты с изображением с одной стороны распятого Христа, а с другой евангельского изречения: «*Иго бо Мое благо и бремя мое легко есть*»²². Освящался и храм в Покровской общине самим митрополитом в сослужении викарного епископа Игнатия.

26 июня 1872 г. Иннокентием и присутствовавшими при богослужении московским генерал-губернатором В.А.Долгоруковым, обер-прокурором Д.А.Толстым и игуменией

Митрофанией была направлена общая телеграмма императрице Марии Александровне в Ливадию: «*Ныне последовало открытие Владычье-покровской общины сестер милосердия во всех ее отделах, все готово для исполнения благих желаний Вашего Величества.*

Митрополит Иннокентий.

Московский генерал-губернатор князь Долгоруков.

Обер-прокурор Св. Синода граф Толстой.

Игуменья Митрофания»²³.

Мария Александровна ответила телеграммой на имя митрополита Иннокентия: «*Радуюсь совершившемуся освящению благого учреждения, искренне благодарю за известие. Поручаю себя молитвам Вашим и прошу передать мою признательность подписавшим вместе с Вами известительную телеграмму»²⁴.*

Под попечением митрополита Иннокентия Община пользовалась самыми широкими правами. 10 июля он дал Митрофании разрешение в случае надобности умножать доверенности по ведению дел как по взысканию, так по другим делам Общины²⁵. Так, неволью святитель открывал дорогу злоупотреблениям.

Направляемая энергичной игуменьей община быстро начала свою деятельность. Так, Митрофания уже на бланке Владычней общины сестер милосердия, состоящей под Высочайшим покровительством императрицы, сообщала Анне Алексеевне Гончаровой 4 сентября 1872 г. о принятии двух сирот Евдокии и Василисы Лобановых в виде первых кандидаток в школу общины и обещала известить о времени открытия вакансий²⁶.

Но кто бы мог тогда подумать что столь казалось бы многообещающее начинание принесет московским епархиальным властям всего лишь в недалеком будущем столько огорчений!

В 1873—1874 гг. общественное мнение России было шокировано громким и небывалым процессом игуменнии Митрофании — духовного лица, обвиняемого в созна-

тельном и грубом нарушении законов, в подлогах и мошенничестве.

Можно подумать, что Митрофания, при добрых намерениях, стала жертвой собственной непрактичности, излишней доверчивости, безграмотности в юридических вопросах. Но так ли уж невиновна была Митрофания? Еще в 1860—1870-х гг. духовные лица неоднократно упрекали обласканную властью игуменью в нечистоплотности в финансовых делах, одним из проявлений которой было невозвращение долгов, невыполнение принятых на себя обязательств.

Яркое свидетельство подобного рода — хранящееся в архиве донесение архимандрита Иосифо-Волоколамского монастыря Гедеона митрополиту Иннокентию от 12 апреля 1871 г. Гедеон писал об огромном долге монастырю, числящемся за Митрофанией еще с начала 1860-х гг. и составившем не много — не мало 30 250 рублей серебром. Гедеон напомнил, что первый раз он донес об этом Владыке в 1868 г. Резолюция архипастыря тогда была: *«Рапор- тующему поручается напомнить игуменье об уплате долга»*. Увы, такая формулировка игуменью ни к чему не обязывала! Она ответила Гедеону, что постарается. А на деле «не обращает внимания на те благодеяния, которые ей оказал монастырь по устройству в Москве подворья Девичьего монастыря». В заключение Гедеон просил Иннокентия дозволить Волоколамскому монастырю получать доходы с указанного подворья: «иного другого способа не могу найти к получению долга с игумении Митрофании»²⁷.

В 1872 г. Митрофания не раз жаловалась Леониду на претензии к ней муромского епископа Иакова по финансовым делам, обвиняя последнего в том, что он с 1863 г. в нее «кидает грязью». Не оставался в долгу и епископ Иаков, прося и у Леонида и у Иннокентия каким-то образом воздействовать на игуменью, чтобы она вернула одолженные деньги. Увы, просьбы подобного рода были обречены на неуспех²⁸.

Иннокентий безусловно доверял Митрофании. В 10 графе ведомости о Митрофании (своеобразного «послужного списка») в ответ на вопрос: «каких качеств игуменья Митрофания и способна ли к послушанию» рукою Иннокентия было написано: *«очень хороших и к послушанию способна»*²⁹. А по словам биографа святителя И.П.Барсукова, «Владыка Иннокентий глубоко уважал Митрофанию за обширный ум и за ее продуманную святую идею относительно устройства в Москве Покровской общины сестер милосердия и по своей необычайной доброте вполне доверял ей во всем и даже давал ей ради сего святого дела из собственных своих средств большие денежные субсидии. Но игуменья Митрофания, к несчастью, вследствие разных причин не могла оправдать то доверие, которое питал владыка к ней, что очень огорчило его»³⁰.

Любопытно, что сама Митрофания все же не считала Иннокентия своим надежным защитником, несмотря на явное расположение к ней преемника Филарета *«Со смертью в бозе почившего митрополита Филарета не имею более защитника на земле, — писала она 23 июня 1872 г., — приходится одной, надеясь на его предстательство, бороться против целого сонма врагов»*³¹.

Некоторые современники полагали, что Митрофания попросту использовала доверие к ней митрополита Иннокентия для прикрытия каких-то своих неблагоприятных дел. Так, еще *до начала судебного преследования* недоброжелательно оценивал личность игуменьи Митрофании известный православный публицист редактор газеты «Современные известия» Н.П.Гиляров-Платонов в письме своему другу К.П.Победоносцеву от 6 декабря 1872 г.: *«Мать Митрофания — ужасная женщина. На моем журналистском поприще мне пришлось с нсю встретиться прежде всего по делу о деньгах, завещанных одним купцом на церковные училища и выманенных ею через митрополита Иннокентия»*³². Возможно, точка зрения Гилярова не была единичной и за матерью Митрофанией дей-

ствительно шла дурная слава. Вспомним ее собственное утверждение о «целом сонме врагов»! Гилярова же Митрофания называла «собирателем грязных сплетен»³³.

В начале 1873 г. купец Лебедев обратился в петербургскую прокуратуру с жалобой на игумению, после чего началось следствие. Митрофания обвинялась в подделке векселей на сумму 300 тыс. рублей.

Сама ответчица считала свое дело совершенно правым, оправданным и перед Богом и перед людьми. По ее мнению, не важно было то, *как* (законно или незаконно) наживались средства, а важно было то, на *что* они шли. Показательны в этом смысле строки из письма ее епископу Леониду от 6 января 1873 г., написанного по «горячим следам» — сразу после возбуждения дела:

«Ваше Преосвященство,

Милостивый Государь и Архипастырь! Сегодня первое со-
вещание судей по моему делу в 4-м часу. Сейчас узнала о том, веруя в святые молитвы Ваши. Прошу Вас, Владыко святой, вздохните перед Богом в этом часу. Да вложит им Праведный Судия Христос мысль смелую и правую для решения... *дела правого в пользу сирот и больных, а не в торжество врага и его последователей.* Завтра вечером часов в пять позвольте мне приехать к Вашему Преосвященству. Надеюсь, в эти часы будете одни...»³⁴.

Но благоволение к Митрофании и влиятельного Викария и самого митрополита не спасло ее от дальнейших невзгод. 20 марта 1873 г. она была арестована, и первое время ареста жила в келии своей Владычне-Покровской общины под надзором полиции.

В месяцы начала процесса над Митрофанией свт. Иннокентий находился в Петербурге для присутствования в Св. Синоде. Епископ Леонид уведомил митрополита о возбуждении дела телеграммой, отправленной между 22 и 24 марта 1873 г.: «Петербург. Высокопреосвященному Митрополиту Московскому... Задержание объявлено. Допрос снят при депутате. Комиссия открыта

для действия. Донесу после обстоятельств о действиях Комиссии. Леонид, епископ Дмитровский»³⁵.

Подробности же процесса Леонид сообщил в письме свт. Иннокентию от 24 марта 1873 г.: *«Вседствии резолюции Вашего Высокопреосвященства на прошении судебного следователя объявил игумении Митрофании ее домашний арест и распорядился заведование имуществом передать казначею на все время сего ареста. Сделано же мною распоряжение о том, чтобы заведование ею общиною приостановить, так как мне донес словесно архимандрит Григорий, что Митрофания в черте общины совершенно свободна»*. В письме Леонид сослался на отношение к нему следователя от 23 марта о недостаточности произведенного домашнего ареста М. и необходимости ареста настоящего. Судебные власти требовали также на время проведения следствия отстранения Митрофании от дел обители, но на это, указывал Леонид, должна последовать воля Императрицы, которая Митрофанию на эту должность назначала. Леонид проинформировал Святителя и о первых показаниях Митрофании, отрицавшей возводимые на нее обвинения. В завершение письма Леонид просил Иннокентия дать *«определенные приказания»* по этому делу, передав ему телеграфом резолюцию *«в ожидании точной и подробной инструкции, которая предотвратила бы от меня опасность к противлению власти и сопротивлению требованиям судебного ведомства»*³⁶.

То, как исполнялись первые распоряжения святителя по этому непростому и деликатному делу, видно из последующих отношений Леонида митрополиту Иннокентию. 21 марта 1873 г. он известил, что член Консистории Златоустовский архимандрит Григорий объявил Митрофании о том, что им составлена Комиссия о доходах и средствах Владычье-Покровской общины. Игуменья в ответ на это обещала предоставить Комиссии все документы и разъяснения, какие потребуются³⁷. 29 марта 1873 г. Леонид сообщил, что во исполнение воли Инно-

кентия им самим составлена *Комиссия для расчитывания домов и средств к содержанию Владычне-Покровской общины сестер милосердия*, в которую вошли четыре члена Попечительства о бедных духовного звания: Николо-Угрешского архимандрит Пимен, протоиерей Василий Сперанский, священники Павел Соколов и Василий Антушев. Леонид обещал представлять дела Комиссии на благоусмотрение Иннокентия³⁸.

Увы, вскоре стали обнаруживаться серьезные долги общины, которые ложились тяжким бременем на московское епархиальное начальство. 29 марта 1873 г. Леонид писал Иннокентию о взятых Митрофанией 6 тысяч из Златоустовского монастыря, чтобы превратить их в залог³⁹. 3 апреля он же известил о том, что долгов Покровской общины осталось 50000 рублей⁴⁰.

А к концу года подсчеты показывали, что долги общины достигли колоссальных размеров. Так-то «праведная» игумения «подставила» своих благодетелей! Александр II, на помощь которого возлагались надежды, не пожелал заплатить долги общины, о чем имеется запись Леонида в дневнике от 9 декабря 1873 г.: «Только проводил после литургии гостей, как приехал ко мне Владыка проститься. Я встретил его внизу и проводил до кареты. *Надежда на покрытие долгов общины получить от императора 100000 несбыточна*, Владыка и сам сомневается, чтобы 35 тысяч, данные им Покровской...(неразб.)...⁴¹.

Но вернемся к ходу процесса. Как свидетельница, к допросам привлекалась и верная подруга Митрофании игумения Страстного монастыря Валерия. Она жаловалась на здоровье просила Иннокентия через Леонида 3 апреля 1873 г. разрешить ей остаться в Владычне-Покровской общине до выздоровления⁴².

11 апреля Митрофания была по вызову следователя перевезена в Санкт-Петербург, где содержалась под домашним арестом в гостинице «Москва», одолеваемая развившимися от потрясений последних месяцев не-

рвными недомоганиями и болезнями. Иннокентий не оставлял в беде свою бывшую игумению. Божоявленскому архимандриту Никодиму он писал 12 апреля 1873 г.: «На основании § 24 Высочайше утвержденных прав и преимуществ Московской Покровской общины сестер милосердия имееете Вы быть депутатом по делу, производимому судебным следователем 13 участка г. С-Петербурга, касающемуся начальницы и учредительницы вышеозначенной Общины игумении Митрофании, и о последующем с засвидетельствованною копию с производимого вышеозначенного следствия мне донести»⁴³. По воспоминаниям Митрофании, Иннокентий прислал к ней тогда своего келейника с просфорою. «Просфору взяли, а келейника не допустили»⁴⁴. Трудно доверять этим словам мемуариста, ибо условия содержания Митрофании еще не были такими строгими...

Дело Митрофании велось также Московской духовной консисторией 14-16, 18, 21-30 мая 1873 г и насчитывало 216 листов⁴⁵. Ознакомление с документами этого дела показывает, что оно рассматривалось односторонне и с четко заданной целью — добиться если не оправдания, то значительного смягчения участи игумении Митрофании. В предварительной справке в апологетических тонах давалась биография игумении до ареста. Все обличительные показания свидетелей, уличающие Митрофанию, голословно отвергались как клеветнические или недобросовестно истолкованные следователем. Резюме же составленного в июне определения Консистории было весьма строгим и определенным: «1) Игумению Митрофанию, за непредоставлением точных и ясных документов и улик к обвинению ее в подделке или участию в подделке векселей немедленно из-под ареста освободить. 2) Напротив того, виновных, которые по неосновательным обвинениям производили следствие о подделке векселей от имущества Лебедева, подвергли игумению Митрофанию преследованию и аресту, а чрез то тяжкому поруганию и

бесчестию, подвергнуть ответственности по законам...»
Викарий митрополита епископ Дмитровский Леонид предложил дополнить второй пункт определения Консistorии словами: «если того пожелает игумения Митрофания, ибо монашествующим свойственно не искать мщени обидевшим». С этой поправкой определение Консistorии было 12 июня 1873 г. утверждено митрополитом Иннокентием: «Исполнить согласно с мнением Преосвященного»⁴⁶.

О завершении рассмотрения дела Консistorией Леонид в июле 1873 г. уведомил курировавшего тогда следствие по делу Митрофании знаменитого юриста, прокурора Петербургского окружного суда А.Ф.Кони: «Милостивый Государь, Александр Федорович! На отношении Вашего Превосходительства от 5-го сего июля долгом поставляю ответствовать, что дело игумении Митрофании, произведенное в Московской Духовной Консistorии, рассмотрено епархиальным начальством, и Высокопреосвященным Иннокентием, митрополитом Московским, утверждено определение Консistorии. 11 числа сего июля ответ Консistorии, с прописанием определения, будет сообщен г-ну Прокурору Московского окружного суда немедленно»⁴⁷.

По воспоминаниям московского земского деятеля эпохи «Великих реформ» Е.И.Козлининой, «епархиальное начальство игумении находило выставляемые против нее улики недостаточными и наотрез отказалось санкционировать предание ее суду. Тогда гражданские власти решились обойтись без этой санкции. Предание ее суду состоялось, и следствие повелось энергично и необычно сурово»⁴⁸.

Между тем, игумения Митрофания не прекращала попыток добиться у епархиального начальства действенной помощи ее незавидному положению, Так, 18 октября от ее имени митрополиту Иннокентию был доставлен пакет неизвестного нам содержания⁴⁹.

Зимой условия содержания Митрофании резко ухудшились. Симпатизировавший Митрофании и слабо разбиравшийся в перипетиях ее процесса Андрей Николаевич Муравьев спрашивал Леонида в письме от 11 декабря 1873 г.: «Сейчас прочел в газетах, что игумению Митрофанию поместили в каземат Суцевской части. *И как же никто из духовных властей не поднимет голоса в ее защиту?*»⁵⁰

В начале февраля 1874 г. Митрофания обратилась к митрополиту Иннокентию с отчаянным письмом, где описывала все ужасы своего нового положения и молила святителя о помощи: «Высокопреосвященному Митрополиту Московскому. С разрешения прокурора суда всенижайше доношу: следствие кончено, объявлено мне дело Консistorии, просила прокурора суда освободить. Ответил: на основании § 24 и § 41 зависит от Палаты. Туда ранее месяца не поступит. Причина задержания — пресечение способов уклонится от суда.

На основании 1021 ст. освободить следует. *Не откажите поручиться.* Болезни серьезно развиваются, движение ноги все более затруднено, постоянно лежу приливы крови повторяются, силы ослабели. При деле прилагаю свидетельство медицинское от 1 февраля, свидетельствующее о невозможности помочь при заключении. Был приглашен доктор Рахманов, подтвердил мнение местного врача. Нравственно изнемогла от десятимесячного лишения храма, поддержки духовника, сообщения (так в тексте — И.К.) св. Тайн. Пока закон того требовал, покорялась. Теперь прошу правосудия, милости, скорейшей помощи. Болезнь, усилившись, может кончиться внезапной смертью в тюремной камере. Прошу Архипастырского благословения и скорейшего содействия Вашего Высокопреосвященства. Всенижайшая послушница Игуменья Митрофания»⁵¹.

Иннокентий переправил письмо Митрофании епископу Леониду с припиской от 9 февраля 1874 г.: «Преосвященный Владыко! Если можете, то помогите несчастной

от Вашего лица или от Консистории. Если нельзя, то возвратите мне сию бумагу обратно. Иннокентий, Митрополит Московский»⁵². (Писарская копия).

Ответ Леонида Иннокентию от 13 февраля 1874 г. выражал недвусмысленный отказ в возможном содействии епархиального начальства к смягчению участи Митрофании.

«Я думаю и говорил с следователем, занимающимся сим делом», — писал Леонид, — «и остаюсь в недоумении, чтобы сделать. Средство, предложенное в телеграмме, не одобряется. Над делом, доведенном до громадных размеров, Консистория трудится и к 3 недели поста надеется вчерне приготовить. С сожалением, что я до сего дня не имею чести успокоить своего Архипастыря и труда ему даю по сему для многих трудному делу, возвращаю бумагу, как предписано Вашим Высокопреосвященством»⁵³.

В этом обмене записками примечательно то обстоятельство, что митрополит Иннокентий отказался от самостоятельного вмешательства в дело игумении, то есть не стал отправлять ходатайств в высокие инстанции, на что и надеялась Митрофания, а переложил решение проблемы на своего викария, чтобы тот, по возможности, помог от своего лица или от Консистории. Видимо, уже тогда у святителя возникли серьезные сомнения в честности игумении, и он, по выражению Муравьева, не «возвысил голоса» в ее защиту. К тому же, становилось ясным, что власть имущие от Митрофании отступились. И Леонид после наведения справок и разговора со следователем понял — сделать что-либо для смягчения участи игумении епархиальное начальство не сможет.

«Дело Митрофании» поставило московское епархиальное начальство и самого владыку Иннокентия в неприятное и унижительное положение. Помимо висящего страшного долга Общины, то и дело приходилось оправдываться на «посыпавшиеся» вдруг претензии как духовных, так и светских властей.

Так, обер-прокурор Св. Синода Д.А.Толстой потребовал у свт. Иннокентия объяснений, почему и после своего официального устранения от дел Владычне-Покровской общины в марте 1873 г. игуменья Митрофания продолжала выдавать доверенности и заниматься делами общины. Святитель ответил Толстому 7 марта 1874 г.: *«Игуменья Митрофания была (и в настоящее время считается) учредительницею и настоятельницею Покровской общины в Москве. Епархиальное начальство, побуждаемое чрезвычайными обстоятельствами, устранило ее 23 марта 1873 г. от управления только текущими делами общины, как начальницу оной, а не как учредительницу, на что оно не имело и не могло иметь никакого права, ибо Митрофания учредительницей назначена была Ее Величеством. И потому игуменья Митрофания, как лицо, облеченное доверием Ее Величества на устройство общины, по мнению нашему, имела полное право и после 23 марта не только давать доверенности кому бы то ни было, но и не прекращать своих действий по делам, касающимся устройства общины, по крайней мере до того времени, когда последовала Высочайшая Ее Императорского Величества воля (в августе или сентябре) об устранении ею игумении Митрофании от управления означенной общиною»⁵⁴.*

10 марта 1874 г. на имя митрополита Иннокентия вышел грозный указ Св. Синода по делу Митрофании, в котором Владыка и его приближенные обвинялись в том, что до сих пор ничего не сделали для защиты интересов Серпуховского Владычного монастыря и Владычне-Покровской общины в Москве, а поверенный Врубель, который при попустительстве московского духовного начальства начал было заниматься этим делом, оказывается, вовсе не имел на это права. Гнев синодалов вызвал и открывшийся факт тайной переписки находящейся в заключении Митрофании с игуменией Страстного монастыря Валерией. В Указе Синода говорилось и о *недавно обнаруженных подписках и поправках в приходно-расчетных*

книгах монастыря и общины, состоявших в ведении опальной игумении. (Обнаруженные факты явной фальсификации, конечно, опровергали прежнее утвержденное Иннокентием мнение Московской Духовной Консistorии о полной невинности Митрофании.). Указ Синода предписывал Иннокентию: 1) немедленно назначить поверенного для защиты интересов Владычне-Покровской общины, 2) запретить переписку Валерии с Митрофанией, 3) завести дело о подписках и поправках. Резолюция Иннокентия на указе Синода была: *«11 марта. По первому Д. Консistorии немедленно сделать распоряжение, по второму дать знать кому следует, по третьему представляю Преосвященному Дмитровскому сделать распоряжение. И. М. Московский»*⁵⁵.

Поверенным по делам Общины указом Консistorии 13 марта был назначен член Попечительства о бедных духовного звания священник Крестовоздвиженской на Вражке церкви Василий Антушев⁵⁶.

Ко всем неприятностям, связанным со скандальным делом, прибавилось и обвинение со стороны судебных властей в задержке у себя Консistorией документов следствия. При отношении товарища Обер-прокурора Ю. В. Толстого митрополиту Иннокентию от 14 марта 1874 г. была препровождена копия представления Прокурора московского окружного суда от 5 марта о немедленном возвращении дела игумении Митрофании, находящегося уже второй месяц на рассмотрение Консistorии. Резолюция Иннокентия на письме: *«14 марта. В Д. Консistorию»*⁵⁷. (Автограф).

21 марта свт. Иннокентий ответил Ю. В. Толстому письмом следующего содержания: *«На отношение Вашего Превосходительства от 14 сего марта за № 82 честь имею ответить, что дело по обвинению игумении Митрофании в подделке векселей от разных лиц и злоупотребления по опеке над почетной гражданкой Медынцевою, присланное в Московскую Духовную Консistorию при отношении Прокурора Московского Окружного Суда 22 января и 4 фев-*

раля, 9 сего марта возвращены Прокурору Московского Ок-
ружного Суда... по его требованию, а 12 сего числа марта
сообщено Прокурору и заключение Епархиального начальства,
составленное 9 марта по означенному делу...»⁵⁸. (Копия).

5 октября 1874 г. состоялось долгожданное открытие
суда над Митрофанией. «Вся Москва рвалась в суд.» Это
было невиданное доселе в России событие — впервые су-
дили духовное лицо гражданским судом и по уголовному
делу! Пускали по билетам — было более 100 человек.
Гражданские истцы — Ф.Н.Плевако и М.Ф.Громницкий.
Председатель суда — П.А.Дейер. Судьи — Е.Р.Ранк и ми-
ровой судья Щепкин. «Епископ Григорий, со слов митропо-
лита Иннокентия, свидетельствовал о том, что игуменья
вместе с Медынцевой была у владыки и обе они ему говори-
ли, что хлопочут о примирении Медынцевой с семьею, за
что Медынцева обещала пожертвовать Покровской общине
свой дом, и что владыка дал им на это доброе дело свое
благословение», — вспоминала Е.И.Козлинина⁵⁹ (Прас-
ковья Ильинична Медынцева написала для Митрофании
подложные векселя задним числом за хлопоты по ее опеке
на сумму 300 тысяч. Донос Медынцевой о подложных
векселях и вымогательстве игуменнии играл важную роль в
процессе. — И.К.), — «А по указу Св. Синода в московских
церквях ежедневно слушались молебны о даровании игу-
меннии Митрофании силы перенести ниспосланное испы-
тание... Но голос церкви не проникал через толстые стены
судебного здания. Там раздавались голоса иных проповед-
ников страшно бичевавших служителей церкви за их ли-
цемерие и стремление к наживе»⁶⁰.

Приговор Митрофании был суровым: ее признали ви-
новной, лишили сана и всех наград и сослали на 14 лет —
на три года в Енисейскую губернию и 11 лет в другие
губернии. Но заступничество покровителей привело к
смягчению участи игуменнии — ссылке вместо Севера на
Кавказ в Ставропольский Иоанно-Мариинский женский
монастырь, где она жила с 1877 по 1879 г. (Из письма

сына Святителя протоиерея Гавриила Вениаминова Леониду 22 апреля 1876 г. из Петербурга: «Как слышно, скоро должно решиться дело игумении Митрофании — поселением в какой-то монастырь на Невиде (?)»⁶¹. Умерла Митрофания в 1898 г. в Москве и похоронена в созданной ею Московской Покровской общине⁶².

Конечно, приговор по «делу Митрофании» был серьезным ударом по репутации митрополита Иннокентия — прежде главного покровителя Митрофании (и без того упавшей в глазах ряда представителей духовного и светского общества после того, как Святитель не смог настоять на своих позициях по важным для судеб Церкви вопросам: соборам, сокращению приходов и проч.). Настроения эти выразил архиепископ казанский Антоний в письме епископу Леониду от 10 ноября 1874 г.: «Увы! Дело Митрофании кончилось — и нам прискорбно! Припадаю, меня изумляет то, как это ей давалось так много простора предаваться непомерным занятиям своим? *Ведь это не могло не делаться хотя бы с ведома, разрешения, и благословения епархиального начальства...* Как же все это давалось ей, не усматривалось, что такая игра в коммерческие и биржевые сделки и неприлична, и неблагочестива, и предосудительна, если где, то особенно в нашей церковной области, и наконец, опасна? *Думаю, что почивший Архипастырь Московский не допустил бы до этого...* Много в этом деле прискорбного, а может быть, и не к чести и не к пользе имеющего обратиться для церкви. Но довольно и назидательно. Пусть увидит церковный мир, что верно слово Господне: *нельзя двум господам работать. Нельзя церкви наши обратить в биржу и фабрики...*». «Как вы выпутаетесь из долгов, оставшихся после Митрофании?» — интересовался Антоний. Он высказался также против заведения церковных заводов в Московской епархии, рассматривая дело Митрофании, как *предостережение* против подобного рода вредных для Церкви затей⁶³. Как видим, и среди иерархов Церкви тех лет раздавались голоса

против применения принципа «цель оправдывает средства» в святом деле.

Дело о долгах Владычье-Покровской общины не было закрыто и после осуждения Митрофании. В декабре 1874 г. губернский секретарь И.И.Озерецковский уведомил митрополита Иннокентия о затруднениях, которые встретились при определении суммы этих долгов: «... я, по приезде в Москву виделся с членом по хозяйственной части... Николаем Алексеевым и, между прочим, Алексеев на мой вопрос отвечал, что книги отданы им матери Митрофании, которые и находятся у нее в месте заключения, а при втором свидании, что книги эти находятся у него, которые он не иначе может представить как по требованию суда и по приказанию матери Митрофании. Причину такой передачи не объяснил и потому я советовал бы написать матери Митрофании, чтобы представила Вам книги, если они действительно у ней находятся или бы написали Алексееву, чтобы он все книги по постройке Покровской общины представил Вам или куда Вы укажете. По книгам этим, как Алексеев объяснил положительно можно судить, какой документ правильный и какой нет. *Ныне нет никакой возможности определить сумму долгов матери Митрофании.* При чем не лишним считаю уведомить Вас, что адвокат от Покровской общины в свое время в суд не является, а от этого дело о долгах Митрофании судом решается заочно, а от этого могут быть присуждены такие взыскания, которые не подлежат удовлетворению...»⁶⁴.

Иннокентий в записке епископу Леониду на этом письме рассказал о предложенном ему Озерецковским выходе из этой непростой ситуации: *«Полагаю не излишним о сих сведениях поставить в известность, кого следует, а именно: Комиссию об уплате долгов общины, и если не Консисторию, то секретарей оной. Этот господин Озерецковский являлся ко мне с предложением услуг — выкупить все документы*

долговые за 150-т, но с тысячи. Чтобы за это было заплачено ему за труды по «10» — серебром»⁶⁵. (Автограф).

Мы не знаем, воспользовалось ли епархиальное начальство услугами Озерецковского. С января 1875 г. им начнет обсуждаться вопрос о возможной передаче общины из-под ведения епархиального начальства в ведение светского. Таким способом можно было сбыть «с плеч долой» непосильную обузу. Так, Леонид 23 января 1875 г. предложил Иннокентию в ответ на запрос московского генерал-губернатора о судьбе общины «дать такой отзыв, что епархиальное начальство находит совершенно неудобным иметь общину в своем заведовании; но как поступить с этим имуществом, которое может иметь общественное значение, зависит вовсе не от Епархиального начальства, а от Высочайшей воли»⁶⁶. (Автограф). Святитель ответил Леониду 25 января, настаивая на необходимости аргументировать такой ответ епархиального начальства: «Что епархиальное начальство находит совершенно неудобным иметь в своем заведовании общину — это свершено верно. Но так выразиться недостаточно. Но нужно объяснение, почему именно оно считает неудобным. Я этого и требую от Консистории. — Но она хотя и сказала нечто, но слишком обще — и неудовлетворительно. И потому прикажите ей изложить причины неудобства. Последнее как можно. Я же сообщу о них Г.Обер-прокурору в своем мнении. И.М.Московский. Янв. 25 д.»⁶⁷. (Автограф).

Но из-за медлительности светской и церковной бюрократии дело о подведомственности Владычне-Покровской общины еще целый год лежало без движения. 7 января 1876 г. Иннокентий известил Леонида из Петербурга о своем разговоре 4 января с обер-прокурором Д.А.Толстым, в котором, в частности, обсуждался вопрос о том, до каких пор московским епархиальным властям придется выдавать деньги на содержание Владычне-Покровской общины. Толстой предложил тогда обратиться к Московской Городской Думе с просьбой взять Общину на свое попечение.

Это и поручил Иннокентий сделать Леониду — написать на имя управляющего Думой Ладыженского и попросить, чтобы Дума дала четкий ответ «да» или «нет». Свт. Иннокентий предложил и попросить генерал-губернатора В.А.Долгорукова повторить свое предложение Думе взять общину в свое заведование⁶⁸. (Подпись-автограф).

Мы завершим наш рассказ о митрополите Иннокентии и «деле» Митрофании весьма знаменательным его высказыванием из опубликованного письма епископу дмитровскому Никодиму от 18 марта 1877 г.: «Вот, наконец, по делу несчастной Митрофании требуют и от нас ответа, как это Вы можете усмотреть из прилагаемого при сем указа. Ответ на него с нашей стороны должен быть весьма осторожный, обдуманый, немногословный и ясный. И потому, прежде, нежели будет составлен по этому протокол, поручите Николаю Павловичу (секретарю Московской Духовной Консистории Резанову — И.К.) составить проект ответа и представить прежде Вам; и ежели с своей стороны найдете его достаточным, то пришлите его ко мне. Полагаю, что об этом не следует пока разглашать. *В ответе нашем не надо сваливать вину ни на кого, кроме самой Митрофании*, и не подать ни малейшего повода к обвинению епархиального начальства»⁶⁹.

Это последний известный нам отзыв митрополита Иннокентия, касающийся дела игумении Митрофании. Можно заметить, что с течением времени, отношение Владыки к процессу когда-то одной из *ближайших его сотрудниц* сменилось на противоположное — от представления о ней, как о безвинной жертве произвола мирских властей, что выразилось в тенденциозном определении Консистории, показаниях представителя митрополита на суде и других шагах до ясного признания ее вины и правильности судебного приговора над ней. И несмотря на то, что Святитель продолжает называть игумению «несчастной», его предложение свалить всю вину на Митрофанию в отчете Св. Синоду, чтобы выгородить епархиальное

начальство, не оставляет сомнения в его позиции, как солидарной с властями. Отметим в заключение, что широко известный своей прямоотой и честностью Святитель Иннокентий никогда бы не предложил в чем-либо обвинять человека, если бы сам не был уверен в его вине глубоко и искренне.

Возможно, разочарование в игумении Митрофании, бесспорно злоупотребившей его доверием, стало горькой и трагической страницей последних лет жизни московского архипастыря.

1 Русская Старина. 1902. №1. С. 36-50.

2 Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в. // Acta Slavica Iaponica. Т. XII, 1995. Sapporo, Japan. С. 125.

3 Кони А.Ф. Собр. соч. В 8-ми т. М., 1966. Т. 1. С. 65.

4 ГИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 1405. Л. 227-232 об.

5 РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 1504. Протокол Синода № 1567.

6 Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. С.702.

7 ОПИ ГИМ. Ф. 194. Д. 4. Л. 107.

8 ОР РГБ. Ф. 149. К. 3. Д. 6. Л. 437.

9 ГИАМ. Ф. 203. Оп. 762. Д. 313. Л. 9.

10 ОПИ ГИМ. Ф. 194. Д. 2. Л. 137.

11 ОР РГБ. Ф. 149. К. 13. Д. 38. Л. 11-11 об.

12 ГИАМ. Ф. 203. Оп. 762. Д. 313. Л. 160.

13 Там же. Оп. 345. Д. 1. Л. 36.

14 РГИА. Ф. 796. Оп. 151. Д. 1350. Л. 2.

15 Там же. Л. 5, 11.

16 Там же. Л. 79-81 об., 92-93 об.

17 Там же. Л. 108-109.

18 Там же. Л. 99-104.

19 ОР РГБ. Ф. 149. К. 3. Д. 6. Л. 419, 421.

20 ГИАМ Ф. 203. Оп. 762. Д. 313. Л. 162-166.

21 ОПИ ГИМ Ф. 194. Д. 4. Л. 114-114 об.

22 ГИАМ. Ф. 203. Оп. 762. Д. 313. Л. 11; Барсуков И.П. Указ. соч. С. 730-731.

23 РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 564. Л. 1.

24 Там же. Л. 2.

25 ГИАМ. Ф. 203. Оп. 345. Д. 1. Л. 19.

26 ОПИ ГИМ. Ф. 194. Д. 12. Л. 95-95 об.

27 РГАДА. Ф. 1192. Оп. 4/1871 г. Д. 3. Л. 1-2.

28 ОПИ ГИМ. Ф. 194. Д. 4. Л. 110-111 об.

- 29 ГИАМ. Ф. 203. Оп. 762. Д. 313. Л. 12.
30 Барсуков И.П. Указ. соч. С. 702.
31 ОПИ ГИМ. Ф. 194. Д. 4. Л. 111.
32 ОР РНБ. Ф. 847. Д. 456. Л. 34.
33 Русская старина. 1902. № 5.
34 ОПИ ГИМ. Ф. 194. Д. 4. Л. 116.
35 ОР РГБ. Ф. 149. К. 8. Д. 2. Л. 162.
36 Там же. Л. 165-172.
37 Там же. Л. 160-161.
38 Там же. Л. 176, 177.
39 Там же. Л. 178, 179.
40 Там же. Л. 180, 181.
41 Там же. К. 5. Д. 2. Л. 111.
42 Там же. К. 8. Д. 2. Л. 189, 190.
43 Письма Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского. М., 1897. С. 301-302.
44 Русская старина. 1902. № 6. С. 292.
45 ГИАМ Ф. 203. Оп. 762. Д. 313.
46 Там же Л. 171.
47 ОР РГБ. Ф. 149. К. 8. Д. 2. Л. 214.
48 Козлинина Е.И. За полвека. М., 1913. С. 198.
49 РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Д. 919. Л. 28.
50 ОПИ ГИМ. Ф. 194. Д. 4. Л. 165 об.
51 Там же. Д. 3. Л. 149 – 150.
52 Там же. Л. 150.
53 ОР РГБ. Ф. 149. К. 9. Д. 1. Л. 81.
54 ГИАМ. Ф. 203. Оп. 345. Д. 1. Л. 15-15 об. Копия.
55 Там же. Л. 1-11 об.
56 Там же. Л. 25.
57 Там же. Оп. 343. Д. 1. Л. 1.
58 Там же. Л. 6.
59 Козлинина Е.И. Указ. соч. С. 203.
60 Там же. С. 205.
61 ОПИ ГИМ Ф. 194. Д. 2. Л. 15-16.
62 Русская старина. 1902. № 5. С. 292.
63 ОПИ ГИМ Ф. 194. Д. 1. Л. 46-47 об.
64 Там же. Д. 17. Л. 146-147.
65 Там же. Л. 147 об.
66 Там же. Д. 12. Л. 34.
67 Там же. Л. 34 об.
68 Там же. Д. 2. Л. 155.
69 Письма... Т.3. С. 335-336.

РЕЦЕПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ТРУДОВ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ*

В этой краткой статье я рассматриваю некоторые аспекты разделения русской исторической науки в XX в. на две, отечественную и зарубежную, эмигрантскую, и рецепцию русских трудов, написанных эмигрантами, в России в последние годы. Это именно рецепция, освоение, а не возвращение, ибо они создавались уже за рубежом и в готовом виде переиздавались в России. В случаях, когда эти работы принадлежали перу историков, родившихся в России, можно говорить о возвращении этих трудов на родину их авторов. В других случаях исторические работы были созданы уже детьми эмигрантов, родившихся за рубежом.

Проблема, которая затрагивается здесь, связана с идеологической борьбой в советском государстве, с цензурой, организацией целой системы специального хранения книг, изъятых из обращения и чтения т.е. с вопросами, актуальными для изучения историографии 30–80-х гг. нашего века вообще. Но для нас важны здесь прежде всего труды по истории церкви.

Октябрьская революция, поражение белой армии в Гражданской войне и возобладание государственного атеизма в России привели к резкому размежеванию в гуманитарных науках и церковно-исторических исследованиях особенно. Это размежевание было и идейным, и территориальным. В Советской России продолжали работать историки церкви марксистского направления, каким

* В основе статьи лежит доклад, прочитанный на научной конференции «Историография на переломе эпох» (Варшава, 1995 г.) Благодарю за дополнения библиографического списка Т.И.Недоспасову и Е.А.Бондареву.

был, например, Н.М.Никольский, а также, до начала 1930-х гг. православные историки, примыкавшие к обновленческому движению, поддерживаемому Советским государством, как Б.В.Титлинов.

Определенная неудовлетворенность светской исторической науки традиционным рассмотрением церкви на Руси как надобщественной, внеклассовой организации, связанная с этим почти обязательная идеализация ее роли, как носителя мира, культуры в средневековье, без изменения ее роли во времени, способствовали созданию трудов, основанных на марксистских взглядах и историками других методологических направлений. Это исследования С.В.Бахрушина, Б.Д.Грекова, Н.Ф.Лаврова. Используя эту методологию в изучении материального производства, социальной структуры древнерусского общества, советские историки внесли определенный вклад в историю Руси и в сфере ее церковной жизни. Однако традиционные для русской науки историко-церковные исследования имели место главным образом за рубежом, велись русскими эмигрантами. Значительный ущерб русской церковно-исторической науке был нанесен также тем, что в России было прекращено духовное образование и образовался перерыв в традиции академического преподавания и изучения, религиозоведческие исследования оказались в руках только атеистов.

Большая часть историков православия и церкви, философов, богословов вынуждена была покинуть Россию и переселиться в Прибалтику, Польшу, Германию, Францию, Чехословакию, Болгарию, Югославию и другие страны. На чужбине, в отрыве от России, в тяжелых материальных условиях, но без опасности быть репрессированным и за свое происхождение и за свои научные занятия они получили возможность преподавать, вести научные исследования и их издавать. При поддержке местных властей и русской диаспоры были созданы русские научные институты, в частности семинарий Н.П.Кон-

дакова в Праге, Сергиевский богословский институт в Париже, русская Владимирская семинария в Нью-Йорке и др. Эти научные и учебные заведения способствовали созданию обобщающих курсов лекций и трудов, в частности, по истории Русской церкви, поддержке ученых и подготовке молодых специалистов в соответствующих областях.

Так, в Сергиевском институте в Париже учились такие известные ученые, как отец Александр Шмеман, отец Иоанн Мейендорф, А.-Э.Тахиаос, К.Папулидис и др.

Издание русских книг, написанных уже за рубежом, было организовано практически во всех странах, где жили и работали эмигранты. Издавали книги по истории и церковные издательства, например в Польше — Синод Православной церкви, имевший свою типографию. В США издательство русской зарубежной Церкви в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле остается, пожалуй, наиболее плодотворным в русской диаспоре. Большой вклад внесли в издательское дело и светские издательства. В 1921 г. в Праге было основано русское издательство YMCA-Press, которое с 1925 г. существует в Париже и является наиболее крупным в зарубежной Европе.

В течение долгих десятилетий, с конца 1920 — начала 1930-х гг., доступ зарубежных изданий в Советский Союз был очень ограничен. Все книги подвергались идеологической и политической цензуре и значительная их часть, в частности, все, что касалось интересующей нас историко-церковной темы, направлялось в спецхраны крупнейших библиотек или в специальную библиотеку Совета по делам религий. Существовали списки зарубежных авторов-эмигрантов, все книги которых сразу посылались в спецхран, без просмотра. Таковы были в нашей области А.В.Карташев, Г.П.Федотов и другие. Книги из спецхрана выдавались по специальным разрешениям, по ходатайствам научных и других учреждений, где также были специальные органы, следившие за работой сотрудников. О наличии в спецхране библиотеки нужной книги можно

было узнать только ее запросив. Ссылки на эти книги в советской литературе были возможны только с одновременной критикой методологических позиций их авторов, что не позволяло использовать их выводы в советских исторических исследованиях.

Большие изменения, которые произошли в политической и духовной жизни России с начала 90-х гг. существенно сказались и на положении в исторической науке, в частности, в возможности использования трудов зарубежных ученых. Интерес современной русской общественности к религиозной и историко-церковной тематике, заметно выросший в связи с празднованием 1000-летия принятия христианства на Руси и, особенно, в последние годы, способствовал появлению на прилавках книготорговцев и в библиотеках множества переизданий книг. Это, конечно, популярные работы дореволюционных авторов, ставшие вновь доступными читателю, как например, Рассказы по истории Русской церкви графа Михаила Толстого. Были переизданы и крупные научные труды, не потерявшие своей ценности и в наше время, хотя это было сделано по-разному.

История Русской церкви митрополита Макария (Булгакова), не завершенная автором и прервавшаяся на изложении событий середины XVII в., была переиздана к 850-летию Москвы с поддержкой Патриархии и московской мэрии, с включением биографических очерков о самом авторе, комментариев и большого справочного аппарата, подготовленных современными специалистами. В качестве хронологического продолжения церковной истории в той же серии издан в русском переводе двухтомный труд историка-эмигранта, работавшего в Берлине И.К.Смолича (1898–1970) «История Русской церкви. 1700–1917». Наконец, еще одно исследование И.К.Смолича, «Русское монашество», также переиздано в русском переводе по той же программе.

Четырехтомный труд профессора Московской духовной академии Е.Е.Голубинского «История Русской церкви», также не завершённый в свое время автором из-за цензурных препятствий, был переиздан без всяких комментариев и даже без «Археологического атласа ко второй половине I тома», изданного в 1906 г.

В некоторых библиотеках, даже таких крупных, как Национальная (бывшая Публичная) в Петербурге-Ленинграде, в читательском каталоге указаны книги, начиная только с 1980-х гг., так что, хотя библиотека и располагает уникальным собранием изданий всех времен, читатель видит в каталоге имена авторов и названия только тех книг, которые переиздаются в наше время.

Отдел спецхрана крупнейшей в стране Библиотеки имени Ленина (ныне Российская Государственная библиотека) был закрыт в 1991 г. и на его основе создан Отдел русского зарубежья, доступный читателям. Он продолжает сохранять находившиеся там зарубежные издания, не передавая их в основное хранение. Новые издания русскоязычных книг из-за рубежа после 1991 г. поступают уже в общее хранилище, выделяясь только шифром, как «редкие» и особым режимом их временного нахождения в читальном зале.

Отмена книжной цензуры, открытие спецхрановских фондов шло параллельно с возникновением частных издательств и изменением статуса и переориентацией государственных издательств, прежде высоко державших знамя идеологической борьбы. Госполитиздат, превратившись в издательство «Республика», только что выпустил среди других книг очень критическую работу канадского историка Дмитрия Поспеловского о репрессиях Советского государства по отношению к Церкви. Издательство «Московский рабочий», прежде выпускавшее книги о Москве, одобренные или предписанные Московским комитетом партии, переиздало среди других книгу Г.П.Фе-

дотова о святых древней Руси и воспоминания эмигранта митрополита Евлогия и т.д.

Рецепция зарубежных русских работ по историко-церковной тематике — это процесс их вхождения в число читаемых нашими современниками, их открытия для широкого читателя в крупных библиотеках, их переиздания в России, их использования в новейших исторических и полемических трудах о судьбах и путях развития страны.

Прежде всего это книги родившихся в России богословов и историков философии отца Георгия Флоровского, Николая Бердяева, отца Василия Зеньковского, отца Александра Шмемана, историков Церкви Антона Карташева, Георгия Федотова, Михаила Зызыкина, Николая Тальберга и др. Стали доступными также работы представителей следующих поколений эмигрантов, специально переведенные на русский язык для издания в России, как книга Дмитрия Поспеловского. Наряду с работами русских историков Церкви есть случаи, когда переводятся и издаются некоторые труды зарубежных иностранных авторов, как, например, немецкий сборник документов об истории отношений Советского государства и Церкви Г.Штрикера и Р.Рэслера.

Переиздающиеся труды восполняют значительные лакуны в российской историографии Церкви. Среди них первое место занимает обобщающий курс истории Русской церкви с древнейших времен до XIX в. (до 1801 г.) А.В.Карташева, петербургского историка, ставшего последним оберпрокурором Синода и первым министром исповеданий во Временном правительстве, а в эмиграции — профессором Сергиевского института в Париже. Научная ценность курса в обобщении новых исследований по истории последних столетий, на основе которых им представлен петровский период как переход к христианскому европеизму в России. Двухтомный труд А.В.Карташева, изданный в Париже в 1959 г., был переиздан в

Москве дважды и почти одновременно — в 1991—1993 гг., что свидетельствует о том, что он заполнил значительную лауну в нашей историографии. Более популярный курс истории Русской церкви Николая Тальберга, который он читал в Свято-Троицкой семинарии в США, более традиционны, но охватывают и XIX — начало XX вв., то есть рассматривая острые вопросы предреволюционного времени.

Значительным событием духовной жизни современной России является возвращение на родину трудов выдающегося православного мыслителя и историка Георгия Федотова, который на родине преподавал историю западного средневековья и христианства, а в эмиграции стал крупнейшим специалистом по православию. Его книги по истории Церкви на Руси и особенно его публицистические работы, связанные с историей России, революцией, ролью Церкви являются сейчас своеобразным бестселлером.

Готовится переиздание его собрания сочинений. Стали доступными в России и зарубежные работы по истории старообрядчества. Это классический труд Сергея Зеньковского «Русское старообрядчество: Духовные движения XVII в.», изданный в 1969 г. в Америке и только что переизданный в России и популярный учебник истории старообрядчества известного старообрядческого наставника Ивана Заволоко, жившего в Риге. Рижское издание 1937 г. было также повторено в 1990 г. Событиям русской истории и идейной жизни XVII в. посвящен и капитальный труд варшавского профессора Михаила Зызыкина «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи», впервые опубликованный в трех томах в 1930-е годы и также вновь увидевший свет в Москве.

Переиздания, если это не простые репринты, иногда снабжаются специально написанными Предисловиями с современной оценкой соответствующих трудов для нашего времени и нашей страны, что способствует дальнейшей разработке соответствующих тем. Таковы вступив-

тельная статья о. Иоанна Мейендорфа к книге о. Георгия Флоровского «Пути русского богословия» и новое Предисловие к русскому изданию книги Д.В.Поспеловского «Русская православная церковь в XX в.», рассматривающее значение так называемого наследия имп. Константина в истории взаимоотношений Государства и Церкви в России.

Возвращение зарубежных трудов по истории на родину их авторов одновременно приводит к несравненно большому из распространению среди читателей. Зарубежные издательства не указывают на книгах их тиражи, поэтому точного сравнения русских и зарубежных тиражей дать нельзя, но само это распространение несопоставимо. Небольшая книжка Г.Федотова, его «Святые древней Руси», явившаяся первой ласточкой такого типа изданий, вышла фантастическим тиражом в 150 тыс. экземпляров, другие его книги — по 50 тыс. Для большей части названных здесь книг характерен тираж от 10 до 30 тыс. — такого распространения эти книги в своих первых изданиях не имели и не могли иметь.

К сожалению, не столь же широко доступны библиографические пособия о трудах русских эмигрантов, которые остаются пока только в редких экземплярах в крупных библиотеках России.

Целый ряд первоклассных трудов, написанных русскими историками церкви зарубежом, все еще ждет своей очереди для переиздания в современной России. Таковы, например, книги протоиерея С.Четверикова о преподобном Паисии Величковском, вышедшая в русском и расширенном румынском (1933) изданиях, и об Оптиной пустыни (Париж, 1926) и многие другие.

Есть основания считать, что дальнейшее развитие историографии по интересующей нас теме будет происходить уже не в отрыве зарубежной науки от науки отечественной, а в общем движении при участии ученых различных научных направлений и школ.

Избранная библиография зарубежных изданий, перепечатанных или переизданных в современной России.

1. Общие труды по истории Русской Церкви

Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937*. Репринт: Вильнюс, 1991. /С предисловием протоиерея Иоанна Мейендорфа. Тир. 30000.

Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. [До 1801 г.] Париж, YMCA — Press, 1959. Т. I-II. Репринт: М., «Наука», 1991; М., «Терра» 1992—1993.

Тальберг Н. История Русской Церкви. [До 1917 г.] Vol. 1-2. Jordanville, New York, 1959*. Репринт: [М.], изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря при участии товарищества «Светлячок», 1994. Тир. 10000.

Pospelovsky D. The Russian Church under the Soviet Regime 1917—1982. Crestwood, New York. St. Vladimir's Seminary Press. 1984. Vol. I-II*. Переработанное и дополненное издание на русском языке в одном томе: **Поспеловский Д.В.** Русская Православная Церковь в XX в. М., «Республика», 1995. Тир. 15000.

Заволоко И.Н. История Церкви Христовой. Рига, 1937*. Репринт: Рига, изд. Центрального Совета Древлеправославной Поморской Церкви Латвии, 1990.

Иоанн (Кологривов), иеромонах. Очерки по истории русской святости. Брюссель, «Жизнь с Богом», 1961*. Репринт: Вильнюс, «Интерфейс», [1991?]. Тир. 10000.

Шмеман Александр, протоиерей. Исторический путь православия. Нью-Йорк, Изд. им. Чехова, 1954; Изд. 2-е. Париж, YMCA — Press, 1985; Изд. 3-е. Там же, 1989*. Репринт: М., «Паломник», 1993. Тир. 35000.

Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. Munchen, 1969. Репринт: М., «Церковь», 1995. Тир. 10 000.

Smolitsch Igor. Geschichte der Russischen Kirche. 1700—1917. Leiden, 1964. Bd. 1; Wiesbaden, 1990. Bd.2. Перевод: **Смолич И.К.** История Русской церкви. 1700—1917. Ч. 1-2. //История Русской церкви. Кн. 8. Ч. 1, 2. М., Изд. Спасо-

Преображенского Валаамского монастыря, 1996–1997. Со статьей «Игорь Корнильевич Смолич как историк Русской церкви» и справочно-библиографическими материалами. Тир. 50 000.

Smolitsch Igor. Russisches Monchtum. Entstehung, Entwicklung und Wesen. 988–1917. [1 Aufl.]. Wurzburg, 1953; [2 Aufl.]. Amsterdam, 1978. Перевод: **Смолич И.К.** Русское монашество. 988–1917. Жизнь и учение старцев. Приложение к «Истории русской церкви». Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М., 1997. Со списком опубликованных трудов И.К.Смолича. Тир. 5000.

Smolitsch Igor. Leben und Lehre der Starzen. 2 Aufl. Koln-Olden. 1952. Перевод там же.

2. Отдельные проблемы истории Русской Церкви

Федотов Г.П. Святые древней Руси (X – XVII вв.) Paris, YMCA – Press. 1 изд. 1931; 2 изд. New York; 3 изд. 1985; изд. 4 1989*. Переиздание: М., «Московский рабочий», 1990. /С предисловием Д.С.Лихачева и А.В.Меня. Комментарий С.С.Бычкова. Тир. 150000.

Федотов Г.П. Святой Филипп, митрополит Московский. Париж, YMCA – Press, 1928*. Переиздание: М., МП «Стрижев-центр», 1991. С приложением рецензии В.Н.Ильина (1928 г.) и двух статей Ю.Иваска (1952 и 1972 гг.) Тир. 50000.

Зноско Константин, протоиерей. Исторический очерк церковной унии, ее происхождение и характер. Варшава, 1933*. Переизд.: М., Отдел по благотворительности Московского Патриархата, «Мартис», 1993. Тир. 10000.

Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Ч. 1-3. Варшава, 1931–1938*. Переиздание в одном томе: М., «Ладомир», 1995. Тир. 2000.

Губонин М.Е. Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. СПб., 1994.

Мемуары

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Париж, YMCA – Press, 1947*. Переиздание: М. «Московский рабочий» – Изд. отд. Всецерковного православного моло-

дежного движения, 1994. (Материалы по истории Церкви. Книга 3) /С предисловием И.Соловьева. Тир. 25000.

Георгий Шавельский, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. New York, 1954. Переиздание: М., Крутицкое подворье, 1996.

Сборники статей

Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., «София», 1991. Т. 1-2. [Перепечатаны по изданиям в России, Франции, США за 1918–1951 гг.] Тир. 50000.

Иоанн (Шаховской), архиепископ Сан-Франциский. Избранное. Петрозаводск, изд. «Святой остров», 1992. [Среди других перепечатаны его выступления по историко-церковной тематике и воспоминания]. Тир. 50000.

Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. М. – Иерусалим, «Мосты», 1994. / Со вступительной статьей и комментариями М.Л.Гринберга (Иерусалим) и В.В.Нехотина (Москва). Тир. 5000.

Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996). М., 1999.

«ДОБРОВОЛЬНОЕ ВОССОЕДИНЕНИЕ» ИЛИ МЕТОДЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПОЛИТИКЕ ВАТИКАНА

Государственное противостояние Ватикану, для которого советизм в послевоенной Европе стал близкой реальностью, являлось одним из важных направлений внешнеполитической деятельности с привлечением Церкви в 1943–1948 гг.

Еще в мае 1944 г. Сталин попросил подготовить материалы о состоянии Римско-католической церкви в СССР. Справка «О состоянии римско-католических костелов на территории СССР», составленная по приказу Берии начальником 2-го Управления НК ГБ СССР Федотовым, легла на стол вождю 6 ноября того же года. Из нее следовало, что в СССР действовало всего 2 костела — в г. Москве, Св. Людовика, предназначенного для обслуживания дипломатического корпуса, и в городе Ленинграде на Кронверской улице, который действовал и в блокаду. Годы большевистского террора обескровили Католическую церковь в СССР почти полностью.

Но у Ватикана оставалась Греко-католическая (униатская) церковь западных областей Украины и Закарпатья. Униаты Белоруссии, Литвы, Волыни и Подолии воссоединились с Русской Православной Церковью в 1839 г. по решению Полоцкого Собора униатского епископата и представителей духовенства. Последняя на территории Российской империи униатская Холмская епархия в Царстве Польском была воссоединена с православием в 1875 г. Униатские приходы остались на территориях Западной Украины и Закарпатья, вошедших в состав Австро-Венгрии. В период между Первой и Второй мировыми

войнами они отошли к Польше, а в 1939 г. были присоединены к СССР¹.

И именно по ним решено было нанести удар. В московском плане это звучало так. Из отчета Карпова правительству:

«а) окончательно ликвидировать униатскую церковь в СССР;

б) подготовить проведение аналогичных мероприятий в некоторых странах за границей (например, в Чехословакии, Югославии)»².

Просто и лаконично. А это — 1997 церковных приходов в западных областях Украины и еще 399 приходов в Закарпатской области³.

Все происходило как в далекие 20-е гг., когда власть в лице ОГПУ «разработала и провела» раскол в Патриаршей Церкви, который вошел в историю как «обновленческий». С униатами обошлись также. И истоки этого раскола отражены в одном из государственно-партийных документов, датированным «9 февраля 1945 года»:

«ЦК ВКП(б) товарищу Сталину И.В.

Будучи в Москве, я Вас информировал о проведенной работе по разложению униатской церкви и переходу униатского духовенства в православную церковь. В результате проведенной работы из числа униатского духовенства образовалась «инициативная группа». Эта группа прислала в адрес Совнаркома следующие документы:

1. Письмо в Совет Народных Комиссаров о положении греко-католической церкви в Западной Украине.

2. Письмо «инициативной группы» ко всему духовенству греко-католической церкви. Этот документ они разошлют после того, как мы разрешим существование «инициативной группы».

При вручении документов работнику НКВД, который называется референтом по делам вероисповеданий при СНК Украины, — Даниленко, они просили, при положительном решении вопроса, «Письмо в Совет Народных

Комиссаров» не публиковать, пока они второй документ не разошлют всему духовенству по епархиям. Все документы составлены самими церковниками, в редактировании их наши люди никакого участия не принимали.

Посылаю Вам текст нашего ответа. Считаю, что следует согласиться с их просьбой, предоставить им возможность разослать письмо духовенству греко-католической церкви, после этого опубликовать эти документы в газетах западных областей Украины. Мы разрешили республиканским газетам ввести «сменные полосы» для населения западных областей Украины, в которых тоже можно опубликовать эти документы.

Прошу Ваших указаний.

Если будут у Вас какие-либо замечания по тексту униатских документов, мы сумеем через нашего представителя эти замечания внести.

Относительно нашего ответа «инициативной группе», как Вы посоветуете, послать его за моей подписью или же за подписью уполномоченного по делам Русской Православной Церкви при СНК УССР.

Н.Хрущев»⁴

О серьезности готовящегося мероприятия говорит уже то, что личный контроль над ним осуществлял сам И.Сталин.

В апреле 1945 г. были арестованы правящий митрополит униатов в Галиции Иосиф Слипый и все четыре епископа: Чарнеций И.А., Бутка Н.М., Хомышин Г.Л., Лятышевский И.Ю.

Спустя почти год, 1 марта 1946 г., Прокуратура УССР опубликовала в газете «Львовская правда», что эти четыре лица были арестованы за активную предательскую и пособническую деятельность, дело по их обвинению передано в Военный Трибунал.

Активные униатские священнослужители также подверглись массовым арестам. Остальные, их было свыше

900, поставили свои подписи на прошении о «добровольном» присоединении к Православной Церкви.

Наверное, среди них были искренне желавшие этого. Но большинство — из страха перед репрессиями в условиях нарастающего политического террора в Западной Украине.

Об этих и предшествующих им событиях в отчете Г.Карпова в Управление пропаганды и агитации на имя Александрова Г.Ф. от 17 мая 1945 г., составленном на основании информации от уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК УССР П.С.Ходченко, можно прочитать следующее:

«Еще в марте месяце с.г. журналисту Ярославу Галану было поручено написать статью, разоблачающую Шептицкого и его компанию.

Такая статья была подготовлена, просмотрена нами и помещена во Львовской газете «Вільна Україна» 8-го апреля под названием «С крестом или с ножом» за подписью — Владимир Расович». 10—11 апреля эту статью перепечатали республиканские газеты «Правда Украины» и «Радянська Україна»⁵.

Статья произвела ошеломляющее впечатление. Наиболее активно реагировало униатское духовенство и интеллигенция. Из этого же донесения на имя Александрова:

«В беседе с академиком Щуратом и доктором Дергач, с которыми Костельник делился своими мыслями, последний заявил: «Шептицкий мечтал о воссоединении православной церкви с униатской во главе с митрополитом в Киеве. Он боялся только того, что Москва могла не утвердить митрополита в Киеве, что означало бы русификацию церкви»⁶.

После статьи Галана следующим шагом явилась публикация письма за подписями священников: Председателя Инициативной группы д-ра Гавриила Костельника, д-ра Михаила Мельника и отца Антония Пельвецкого ко всему духовенству Греко-Католической Церкви от 28 мая

1945 г. Вслед за этим призывом к объединению с Московской Патриархией Гавриил Костельник приступил к изданию брошюры «Апостол Петр и римские папы, или догматические основы папства», где автор подверг критике позиции новейших римских теологов.

Несомненно, д-р Костельник принадлежал к энтузиастам воссоединения с Православной Церковью, но, невольно оказавшись в государственных тисках, встал на путь вынужденного компромисса, на котором от него уже ничего не зависело.

По государственному плану добровольное воссоединение должен был закрепить Собор. Выборы делегатов на него происходили без всяких правил. В районах, где проживали верующие, не желавшие воссоединения, делегатов не избирали вовсе, их назначали настоятели храмов. В районах, где сами священники были стойкими униатами, делегатов назначали местные «инициативные группы».

Самому Собору предшествовал «Иордан», который отец д-р Гавриил Костельник предложил совершить православному епископу Львовскому и Тернопольскому Макарию (Оксиюку) совместно настолько насколько это позволяли каноны. «Иордан» состоялся во Львове. Два раза освящали воду: один раз греко-католическое духовенство, другой раз — православное. Во время духовного чина и то, и другое духовенство стояло вместе. Стояли вместе и иконы, и церковные хоругви.

Но и перед д-ром Костельником, и перед властью стояла еще одна проблема, которая требовала решения в кратчайший срок: Собор не мог состояться без участия в нем епископов (они были арестованы еще в апреле 1945 г.). Выход нашли быстро.

Патриарх Алексей назначил на 24 и 25 февраля 1946 г. хиротонию во епископы отца Антония Пельвецкого (на Станиславскую епархию) и отца д-ра Михаила Мельника (на бывшую Перемышльскую, ныне Самборско-Дрогобычскую). Львовским епископом остался Макарий (Оксиюк), бывший архимандрит Успенской Почаевской Лавры.

На хиротонию в Киев из Львова 21 февраля 1946 г. прибыла представительная делегация: отец д-р Костельник, о. Антоний Пельвецкий, о. д-р Михаил Мельник, о. Евгений Юрик, о. Иосиф Маринович, о. Тимофей Марко, о. Иван Крук, о. Василий Дрели, о. Мирон Крутяк, о. Константин Добрянский, о. Роман Дорик, о. Юрий Ванчицкий и о. Никита Павлосюк.

Экзарх Украины митрополит Иоанн (Соколов) не успел возвратиться из Москвы, куда был срочно вызван. «Инициативная группа» вечером осматривала красоты города.

Только 22 февраля 1946 г. программу дальнейших событий митрополит Иоанн смог утвердить.

Она началась с акта присоединения к Православной Церкви всей делегации, который состоялся во время литургии, совершенной митрополитом Киевским и Галицким Иоанном. Богослужение проходило в Воздвиженской Малой церкви Киево-Печерской Лавры.

После воссоединения делегация приняла участие в Божественной литургии. С речью к Экзарху обратился Гавриил Костельник, говоря об исторической важности происходящих событий.

После литургии было совершено пострижение в монашество о. Антония Пельвецкого и о. д-ра Михаила Мельника. Вечером того же дня в Кафедральном соборе во имя Святого Равноапостольного князя Владимира было торжественное всенощное бдение, в момент которого и совершился акт наречения во епископы о. Антония Пельвецкого и о. Михаила Мельника. Сама хиротония, согласно традиции Православной Церкви, совершена была отдельно: о. Антония — в воскресенье 24 февраля, о. Михаила — в понедельник 25 февраля 1946 г. Хиротонии совершил Экзарх Украины митрополит Киевский и Галицкий Иоанн и все епископы, прибывшие на торжества в Киев, в сослужении всех членов делегации и местного духовенства.

Бесспорно, Патриарх Алексий знал о насильственном присоединении униатов. Но пошел на попытку канонически оформить этот факт из-за единственной возможности спасти Церковь на украинской земле от полного истребления. Униаты оказались гонимы Советской властью, а не православием, в то время как в сегодняшние дни православных на Западной Украине гонят сами униаты.

Собор назначили на 8-10 марта 1946 г., т.е. он совпал с Первой Седмицей Великого Поста. Напечатанных приглашений было 225 для священников и 22 — для гостей из мирян. Но присутствовало 216 священников и 19 мирян из Львовской, Станиславской и Перемышльской епархий. Все заседания происходили в Кафедральном соборе Святого Юра.

Собор начался с колокольного звона «Кирилла» в Успенской церкви, а потом зазвонили и другие колокола. Во все дни Собора «Кирилл» звонил с 10 до 11 часов утра и с 5 до 6 после полудня.

После молебна «О призывании Святого Духа» Председатель о. д-р Гавриил Костельник предоставил слово епископу Антонию (Пельвецкому) для доклада о деятельности «Инициативной группы» по воссоединению Греко-Католической церкви с Православной.

Во время его выступления в храм вошли посланцы от Московской Патриархии — епископы Макарий (Оксиюк) и Нестор (Сидорук) и управляющий делами Украинского Экзархата протоиерей Константин Ружицкий.

Речь епископа была выслушана в полном молчании. Отец Гавриил сделал попытку втянуть присутствующих в дискуссию о разрыве с Ватиканом и воссоединении с Московской Патриархией. И на это не последовало ответной реакции. В прениях с о. Гавриилом выступили такие же «инициаторы»: священники Маринович и Лоточинский. По сценарию 20-х гг. началось зачитывание телеграмм прихожан с требованием о немедленном воссоединении. («Требование с мест» — один из самых удачных внутривластных приемов власти).

Первый тягостный день закончился принятием Постановления, из-за которого все и затевалось. Его можно разделить на четыре части:

- 1) аннулирование Брестской унии 1596 г.;
- 2) отделение от Римско-католической церкви;
- 3) возвращение к православию;
- 4) воссоединение с Русской Православной Церковью в Советском Союзе.

Весь второй день был посвящен церковно-каноническому оформлению решения о воссоединении. Решено было направить обращение к Патриарху с прошением о принятии (эти документы готовились властью с 1945 г.) в молитвенное и каноническое единение с Русской Православной Церковью. Не была обижена и власть: на имя Председателя Президиума Верховного Совета УССР Гречухи М.С. тоже было послано обращение. Приветственные телеграммы от имени Собора были отправлены и Константинопольскому Патриарху Максиму, и Московскому и всея Руси Алексию, и представителям власти.

Московские разработчики не забыли и тех, кто не явился на это показное мероприятие. Для них было написано и принято специальное «Обращение к духовенству и верным Греко-Католической церкви в западных областях Украины». Документ просто уведомлял их о происшедшем событии — «добровольном воссоединении».

Все формальности второго дня закончились в 15-00. Именно тогда, в Собор Святого Юра вошел митрополит Иоанн (Соколов), которому Гавриил Костельник передал полномочия Председателя.

Владыка торжественно открыл и зачитал грамоту Патриарха Алексия о принятии в лоно Русской Православной Церкви своих чад. На украинском языке для присутствующих ее зачитал епископ Львовский и Тернопольский Макарий (Оксиюк).

Последний день Собора, 10 марта, воскресенье, был торжественным и начался праздничным богослужением, которое возглавил сам Экзарх митрополит Иоанн. (Нака-

нуне самолетом из Киева в дар «бывшим униатам» была доставлена икона Богородицы). Епископы Нестор и Макарий торжественно внесли ее в храм.

Все торжества, а также и отдельные рабочие моменты Собора, по указанию власти, были засняты на киноплёнку. Они практически неизвестны зрителю до сегодняшнего дня.

Несколько дольше держалась Униатская церковь в Закарпатье, но и она была сломлена.

В августе 1949 г. в Мукачевском Успенском монастыре закарпатские греко-католики «добровольно воссоединились» с Московской Патриархией.

Победа была полной. Ватикану был нанесен ощутимый удар. Чуть позже, согласно плану, была ликвидирована Униатская Церковь в Румынии (1948 г.) и в Словакии (1951 г.), где правящий епископат был почти полностью осужден.

И в восточной Европе Москва лишала Римско-католическую церковь сфер влияния.

Восемь лет спустя (1954 г.) будущий Патриарх Пимен, а тогда еще наместник Троице-Сергиевой Лавры, посетил Жировицкий монастырь Минской епархии, в недавнюю бытность один из крупнейших униатских монастырей. В своем отчете Патриарху Алексию он писал: «Самое печальное зрелище представляет собой Крестовоздвиженский храм. В былые времена, при униатах, этот храм пользовался большим почитанием. В 15 ступеней его лестницы, ведущей в храм к алтарю, были вделаны 15 ковчежцев с мощами (в каждую ступень по одному), и желающие попасть в храм по этой лестнице, поднимались только на коленях, благоговейно целуя мощевик в каждой ступени. Теперь же храм стоит без иконостаса и используется как склад под зерно. Старожилы помнят былую славу храма и весьма огорчены тем, что происходит сейчас»⁷.

Духовно-нравственные потребности народов никогда не интересовали власть. Насильственное присоединение униатов — очередное тому доказательство.

Власть использовала в своих внешнеполитических планах различные методы воздействия на Ватикан.

1947 г. стал не только началом подготовки несостоявшегося Предсоборного Совещания Православных Церквей, но и годом, когда впервые в документы об отношениях с Ватиканом стали попадать сведения о попытках прямого контакта с Римом.

22 ноября 1946 г. в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (Совет по делам религиозных культов при СНК СССР был создан 19 мая 1944 г.) обратился настоятель Римско-католической Французской церкви в Москве американский гражданин Антонио Лаберж (такое написание фамилии в документах 6-го Европейского отдела МИД) с просьбой разрешить ему выехать в Рим для личного доклада Папе о положении Церквей в СССР в январе 1947 г. Священник рассчитывал вернуться в Москву для продолжения своей деятельности.

Через члена Совета по делам религиозных культов К.Я. Пуго эта информация была срочно передана в МИД. Позже он был вызван для беседы с атташе 6-го Европейского отдела, где Пуго сказал о том, что: «В беседе с Председателем тов. Полянским Лаберж утверждал, что он послан в СССР папой римским, и, хотя не будучи уполномоченным говорить от его имени, тем не менее он, высказал свое личное пожелание о заключении конкордата между Правительством СССР и Ватиканом, определяющего права римско-католической церкви в СССР»⁸.

Это высказывание Пуго усилил еще одним не менее интересным фактом: «В последнее время отмечено много случаев, когда поляки-католики, ранее давшие согласие на репатриацию из западных областей СССР, отказываются от репатриации, мотивируя запрещением папы римского выезжать за пределы СССР»⁹.

Демарш Ватикана означал одно: в СССР готовилась почва для продвижения католицизма.

Далее член Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР рассказал о нарушениях законодательства

католическими священниками: так в середине ноября 1946 г. в Москву из Вильнюса приезжал католический ксендз Валеманьский, который нарушил существующий в СССР порядок, проводил богослужение в посольской церкви с разрешения Лабержа. После этого, проездом через Ленинград, Валеманьский пытался провести богослужение в ленинградской католической церкви, но уполномоченный Совет по Ленинграду запретил ему это¹⁰.

О необходимости контакта с Ватиканом заявил через Совет архиепископ Рижский Спрингович. Он хотел от имени Правительства СССР получить от Папы официальное согласие на посвящение в сан епископов двух священнослужителей из числа подготовленных им прихожан. Свою просьбу архиепископ мотивировал тем, что «без разрешения Папы Римского этого посвящения он сделать не может, т.к. в противном случае оно было бы недействительно, а Папа может разрешить только в случае согласия Правительства СССР»¹¹.

Совет по делам культов через Пуго спрашивал МИД, а, следовательно, и лично Молотова, как поступить с просьбой 78-летнего архиепископа.

О Спринговиче Пуго дополнительно сообщал:

«По внешним признакам всегда лояльно настроен по отношению к советской власти, о чем свидетельствуют следующие факты: после изгнания немецких захватчиков из советской Прибалтики он отдал распоряжение всем подчиненным ему священникам отслужить молебны за здоровье Красной Армии»¹².

Любопытно, что все откровения Пуго вызывали у Деканозова, которому атташе передал свой отчет о беседе, негативную реакцию. Своей рукой внизу документа он написал: «Кто такой этот Пуго! Что-то он многим интересуется и запрашивает вещи, которые выходят за его компетенцию. Спросить бы надо о нем в МГБ»¹³.

Его раздражение понятно: шла работа по подготовке Предсоборного Соповещения Православной Церкви, а этот неизвестный сотрудник из Совета по делам культов не

только слишком много знал, но и сделал предложение, выполнение которого в январе 1947 г. было несвоевременным:

«Совет по делам религиозных культов поставил своей задачей оторвать католическую церковь в СССР от Ватикана. Для этого необходимо, чтобы кто-либо из авторитетных руководителей католической церкви в СССР объявил об отходе от Ватикана. С этой целью Совет намеревается обратиться к архиепископу Спринговичу, не возьмет ли он на себя эту миссию?»¹⁴.

Успехи коллеги Карпова на посту председателя Совета по делам Русской православной церкви в «добровольном воссоединении униатов», в работе с главами Православных Церквей не давали покоя И.В.Полянскому, шефу так много знающего Пуго.

Создание системы православного единства под эгидой Московской Патриархии по-прежнему оставалось важнейшим направлением внешнеполитического плана, составной частью которого было отношение советского государства и Русской Церкви к экуменизму.

¹ Львовский церковный собор. Документы и материалы. 1946-1981. М., 1982. С. 28-30.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 17.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Д. 313. Л. 29.

⁵ Там же. Д. 313. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 18. Л. 107.

⁸ АВП. Ф. 8. Оп. 8. Пап. 18. Д. 126. Л. 2.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же.

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ОРЛОВЩИНЕ В 1948–1953 гг.

После окончания Великой Отечественной войны положение Русской Православной церкви заметно улучшилось. Прямые, открытые репрессии были прекращены. За подписью Сталина вышли секретные правительственные постановления от 22 августа 1945 г. «По вопросам, относящимся к Православной Церкви и монастырям»¹ и от 29 августа 1945 г. «О порядке обложения доходов монастырей и предприятий при епархиальных управлениях»², в которых фактически содержались новые подходы государства к Церкви, ее строительству и правовому положению в советской стране. В частности, церковным органам предоставлялось ограниченное право юридического лица и разрешалось приобретение транспортных средств и колоколов; производство и продажа церковной утвари и предметов религиозного культа, а также аренда, строительство и покупка домов для церковных нужд. Местным властям предлагалось при планировании предусматривать в пределах возможного снабжение строительными материалами приходских общин для ремонта церковных зданий. Верующим облегчались условия и требования по открытию новых храмов, рекомендовалось не препятствовать деятельности православных мужских и женских монастырей, снижалось налоговое бремя. Однако, усилившаяся в послевоенные годы борьба с буржуазной идеологией, космополитизмом, а также неоправдавшиеся надежды Сталина на использование Русской Православной церкви в своих геополитических расчетах привели к охлаждению государственно-церковных отношений.

С сентября 1948 г. Совет по делам Русской Православной церкви при Совмине СССР потребовал от своих уполномоченных ужесточить контроль за духовенством.

О всех вновь прибывших в область священнослужителях, получивших назначение от правящего епископа на приходы, уполномоченные Совета должны были запрашивать органы МГБ и МВД, и, в случае получения возражений, отказывать в их регистрации³. В ноябре 1948 г. Совет по делам Русской Православной церкви запретил регистрировать духовенство, имевшее судимость и паспортное ограничение в режимных городах⁴. Тогда же уполномоченные получили секретное распоряжение Совета предоставить сведения о количестве священнослужителей и членов приходских советов, имевших судимость по всем статьям УК, а также, получивших духовный сан или вернувшихся на церковную службу на оккупированной немцами территории⁵. В Орловской области из 50 священнослужителей, зарегистрированных в то же время, 13 священников и 3 диакона имели судимость по политическим и уголовным статьям, а 12 священников и 4 диаконов возвратились на церковную службу в период немецкой оккупации⁶. Кроме того, из 129 членов церковных советов 6 чел. привлекались по политическим статьям к уголовной или административной ответственности⁷. Вскоре, на основании этих сведений, Совет по делам Русской Православной церкви запретил рукополагать в священнослужители лиц, имевших судимость, а уполномоченные использовали ее как основание для отказа в регистрации уже назначенных указами епископа священников⁸. Например, только в 1948 г. уполномоченный Зверев, по согласованию с МГБ, отказал в регистрации прибывшим в г. Орел священникам Кондратюку и Вельмар-Долгорукову⁹. В 1949 г. были арестованы священники Пятин и Вельмар-Долгоруков, а диакон Спаских, прибывший из г. Ижевска, по требованию МГБ уволен и выслан за пределы епархии¹⁰. Усилился надзор и за местными священниками. Архимандрит Никодим (Спиридонов), служивший в то время в храме на Афанасьевском кладбище, был обвинен в том, что поминал мно-

гочисленных убиенных епископов и священнослужителей, а также, якобы, тайно постригал «новых монашек». В начале октября 1950 г. уполномоченный Совета вызвал архиепископа Флавиана на беседу, после которой тот поспешил издать Указ о переводе Никодима в другой приход¹¹.

Согласно секретным указаниям Совета, с июня 1949 г. вводятся запреты на организацию благочиннических библиотек, разъездных священников, краткосрочных курсов псаломщиков и регентов, выезды архиереев в приходы в летнее время, вводятся ограничения на проведение крестных ходов, участие священников в сопровождении на кладбище умерших, в совершении треб по просьбе верующих, чтения проповедей и т.д.¹² О всех случаях нарушения этих требований сообщалось в облисполком и обком ВКП(б), а архиепископ был предупрежден, что священники, которые служат молебны на полях и устраивают подворные обходы будут сниматься с регистрации без предупреждения¹³. Вскоре эта мера наказания была применена в отношении настоятеля храма Воскресения Христова в г. Орле — Козьмодемьянского, который 12 июля 1950 г., накануне престольного праздника допустил служение всенощной не в церковном здании, а около него, на кладбище, а уже 14 июля он был снят с регистрации и вынужден уехать за пределы епархии¹⁴. В октябре того же года за исполнение религиозных треб на дому по просьбе верующих, уполномоченный вынес строгое предупреждение священнику Афанасьеву из села Путимец, а в мае 1951 г. за подобное нарушение священнику Кузнецову из села Клейменово¹⁵.

Местные органы власти также делали все возможное для препятствия нормальной деятельности Церкви. Например, в селе Большая Куликовка 19 августа 1951 г. председатель колхоза и директор школы явились во время церковной службы в храм и стали переписывать присутствующих в храме взрослых и детей, что вызвало панику и привело к срыву богослужения¹⁶. В г. Задонске

райфинотдел отобрал у церкви купленный в колхозе колокол весом 10 пудов и приказал разбить его на металлолом¹⁷. В г. Дмитровске в 1952 г. настоятель церкви обратился в облисполком за содействие в проведении ремонта церковного здания. Ему выделили лес на корню в 10 км от города. А когда они его спилили, то вывезти не могли, так как председатели колхозов вначале охотно предлагали свои услуги, пили «магарычи», а потом признавались, что им «досталось за сделку с церковью» и отказывались выполнять договор¹⁸. Настоятель церкви в г. Болхове жаловался на действия начальника почты, который, приняв поздравительные телеграммы на имя Патриарха Алексия и других иерархов, вызвал милиционера и в присутствии посыльного, которого продержал в течении двух часов в своем кабинете, издевался над содержанием их текстов¹⁹. В г. Орле директор электросети заключил соглашение с церковным советом Троицкой церкви на проводку электроосвещения, когда деньги были уплачены, он отказался подключить свет, а документы под каким-то предлогом администрацией горэлектросети были изъяты и благополучно утеряны²⁰.

Нередко местные власти требовали с духовенства дополнительных расходов на проведение различных мероприятий. Так, председатель Дмитровского райсовета Ушаков вызвал священника и, нарушая закон, приказал ему внести деньги на благоустройство города, что тот и сделал, перечислив 3 тыс. руб.²¹ Священник Петропавловской церкви г. Мценска Супрудский подписался на государственный заем в размере 1 тыс. руб. Зав. райфинотделом Селиверстову это показалось недостаточным, и он потребовал еще 1 тыс. руб., но, получив отказ, обратился к Патриарху с просьбой принять меры к строптивому священнику и об исполнении их требования предложил «уведомить Мценский райфинотдел». Патриарх при встрече с председателем Совета по делам Русской Правос-

славной церкви Карповым передал ему письмо и заявил, что «отвечать на письмо не будет»²².

Одним из главных рычагов давления на Церковь были налоги. Священнослужители по доходам от совершения религиозных обрядов приравнивались к некооперативным кустарям и облагались повышенным налогом. В соответствии с этим хозяйства служителей религиозных культов, проживающих в сельской местности и дачных поселках, имеющие приусадебные или полевые участки земли и скот в личной собственности, привлекались к обязательным поставкам продуктов животноводства государству в порядке и по нормам сдачи, установленным для единоличных крестьянских хозяйств, а также самообложению в размере 150 руб.²³ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1951 г. размер подоходного налога с духовенства по сравнению с 1950 г. был заметно повышен²⁴.

В результате количество жалоб со стороны духовенства на «непосильное» обложение налогом увеличилось, а некоторые стали заявлять, что вынуждены будут оставлять церковную службу²⁵. Например, в начале января 1952 г. псаломщик церкви села Большая Куликовка возвратил регистрационную справку и сделал письменное заявление: «Ввиду непосильного подоходного налога я оставил свою должность псаломщика с 20 декабря 1951 года»²⁶. По этой причине некоторые священнослужители предпочитали уйти за штат и уже нелегально продолжать церковную и религиозную деятельность.

Всевозможным притеснениям подвергались члены церковного актива и рядовые верующие. Так, в 1948 г. члена церковного совета Воскресенского храма г. Орла Полякову райсобес лишил пенсии по старости на основании того, что она состоит на службе церковной организации²⁷. По тем же мотивам в 1950 г. был лишен пенсии регент соборного хора в г. Орле Чернышев²⁸. Священник церкви в г. Дмитровске Прохоров обратился с

жалобой к уполномоченному Совета на руководителей городских советских учреждений, уволивших с работы тех служащих, которые состояли в церковном хоре²⁹. По причине этих преследований из церковного актива стали уходить служащие советских учреждений³⁰. Участились случаи оскорбления религиозных чувств верующих и хулиганских действий против них. В 1948 г. в г. Дмитровске, на Пасху, во время богослужения местные атеисты ворвались в храм, разбили в дверях стекла, сквернословили и только с помощью милиции удалось восстановить порядок и продолжить церковную службу³¹. В селе Вербник Хотынецкого района председатель местного колхоза с целью не допустить богослужений организовал в одной половине действующей церкви производство кирпича и молотьбу хлеба, причем все это сопровождалось нецензурной бранью и шумом. Жалобы на грубость со стороны работников сельсоветов и райсоветов при обращении к ним для разрешения вопросов, имеющих отношение к церковной жизни, поступали от верующих многих районов области. В Орловском, Никольском, Свердловском и других районах в конце 40-х гг. многие недействующие церкви были превращены в скотные дворы колхозов. Такое оскорбительное отношение к верующим вызвало недовольство населения, а порою и явно антисоветские настроения³².

К началу 50-х гг. практически не стало новых ходатайств об открытии православных храмов, потому что в условиях гонений на Церковь верующие боялись обращаться в государственные органы и, в то же время, понимали бесполезность этих отношений. Тогда же почти вовсе прекратились рукоположения в сан священника, что неотвратимо вело к естественному старению, а в последующем и сокращению численности православного духовенства. В то же время участились случаи ограбления церквей. Только зимой 1951 г. в области произошло ограбление трех православных храмов³³.

С 1948 г. заметно активизируется борьба с религиозной идеологией со стороны партийных и комсомольских органов, которые среди населения занимались не только организацией атеистической пропаганды, но и принимали карательные меры против тех коммунистов и комсомольцев, кто исполнял религиозные обряды. Например, в Тельченском райкоме ВКП(б) было установлено, что жена народного судьи Измалкова крестила своих детей, за что ему был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку, а председателя колхоза «Путь к социализму» Алфимова, похоронившего свою дочь с попом и установившего крест на могиле, исключили из членов партии. За крещение детей и отсутствие антирелигиозной воспитательной работы в семье бюро РК ВКП(б) объявили выговор с занесением в личное дело райпожинспектору Фролкину и судисполнителю Чичкину, несмотря на то, что в день крещения они были в командировке и в религиозном обряде не участвовали. Подобные случаи участия коммунистов в религиозных обрядах или не препятствие их проведению были выявлены в Измалковском, Елецком, Моховском, Мценском, Знаменском, Судбищенском, Корсаковском и других районах³⁴. Всего в 1948 г. за религиозные поступки из партии было исключено 9 коммунистов³⁵. Так, в Кромском районе за совершение религиозных обрядов была снята с работы секретарь комсомольской организации колхоза «Верный путь» Кочергина А.Н., а члену ВЛКСМ Подрезовой был объявлен выговор с занесением в личное дело³⁶. Анализ персональных дел, рассмотренных обкомом ВКП(б) за январь-май 1949 г. показывает, что количество выявленных партийными органами случаев отправлений религиозных обрядов коммунистами заметно увеличилось. Если в феврале таких дел было только 3, в марте — 4, то в апреле уже 15, а в мае — 21. Многие коммунисты принимали участие в религиозных праздниках, в том числе секретари партийных организаций и руководители колхозов и

сельских советов. Например, председатель колхоза «Новый мир» Долгоруковского района, коммунист Штукатуров и председатель сельсовета Пилюгин вместе с гостями три дня пьянствовали, участвуя в праздновании Покрова Пресвятой Богородицы³⁷. Нередко с согласия, а то и с участием хозяйственных и партийных руководителей в отправлении религиозных обрядов одновременно принимало участие большое количество колхозников. Так 12 января 1949 г. завхоз колхоза «Память Ленина» Хотынецкого района Земский, с разрешения секретаря парторганизации Чекмарева В.С., привез священника и у себя в доме организовал массовое крещение детей колхозников, в том числе детей коммунистов Соболева Н.Л. и Чекмарева В.С. Нередко Райкомы ВКП(б) знали об этих фактах, но шума не поднимали. В Краснинском районе коммунист Гриднев А.И., заведующий избой-читальней Ищенского сельсовета, с 1946 по март 1949 г. занимался писанием икон и продажей их населению, что по закону каралось тюремным заключением до 5 лет с конфискацией имущества³⁸. Но все делали вид, что ничего не знают. В колхозе им. Калинина Ливенского района в доме коммуниста Калинина Н.Л. регулярно по субботам, воскресеньям и в дни религиозных праздников проводились богослужения. Об этом знали в парторганизации, но не реагировали до тех пор, пока в 1948 г. Калинин не совершил крещение своего ребенка, и в это дело не вмешался райком ВКП(б). Также, только после вмешательства обкома партии, за крещение ребенка был исключен из рядов ВКП(б) Обрезков В.Ф., секретарь парторганизации колхоза «Красная Талица» Краснинского района. Детективная история произошла в Ливенском районе, где уполномоченный по радиовещанию Шеламов В.Т. поддался уговорам жены и тещи и разрешил крестить своего ребенка. Но когда это стало известно в парторганизации, он заявил, что крещение произошло в его отсутствие и затеял фиктивный развод. В парторгани-

зации поверили Шеламову и ограничились вынесением ему выговора, а он спустя два месяца вновь сошелся с бывшей женой. В парторганизации снова поставили вопрос о поведении Шеламова. Он же, чтобы избежать ответственности стал фабриковать в свой адрес фиктивные анонимные письма с угрозами убийства за то, что якобы препятствовал крещению ребенка и разошелся с женой. Эти письма Шеламов передал в органы МГБ с заявлением оградить его от преследования, однако был разоблачен и признался в своих проступках³⁹. Случай с Шеламовым показателем тем, что убедительно демонстрирует ту обстановку, в которой проводилась антирелигиозная борьба, нередко принимавшая довольно абсурдные формы. Следует отметить, что большинство коммунистов, совершивших религиозные обряды, вступили в партию в годы войны и послевоенное время и на заседаниях партколлекгии обкома ВКП(б) заявляли, что «не знали о несовместимости пребывания в партии с отправлением религиозных обрядов».

Всего с 1 января по 1 октября 1949 г. в Орловской области за участие в религиозных обрядах 67 чел. было исключено из рядов членов ВКП(б). Среди них начальник отдела Управления МГБ Зайцев, который похоронил свою мать с исполнением религиозного обряда, а также секретарь Управления МГБ Мартынова, тоже, похоронившая свою свекровь с соблюдением церковного обряда⁴⁰. Как правило исключение из членов партии означало для человека потерю должности, работы, служебной или политической карьеры. Карательная политика по отношению к верующим или сочувствующим Церкви продолжалась и в последующие годы. Так в 1953 г. Кромской райком партии потребовал от жителя поселка Кромы коммуниста Комарова выселить проживавшего у него на квартире священника Боброва, «так как священник не должен квартироваться у члена партии»⁴¹.

Смерть Сталина внесла некоторое замешательство в ряды борцов с религией, давление на Церковь и верующих несколько смягчается. В письме за № 390/с от 22 апреля 1953 г. Совет по делам Русской Православной церкви заявил своим уполномоченным, что он «всегда предупреждал их против вмешательства во внутрицерковные дела...»⁴². Однако, вскоре наступили хрущевские времена, а вместе с ними новый виток грубого и прямого насилия над свободой совести.

-
- ¹ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-1591. Оп. I. Д. 48. Л. 337.
 - ² Там же. Ф. Р-3660. Оп. I. Д. 8. Л. 35, 44.
 - ³ Там же. Ф. Р-1591. Оп. 3с. Д. 60. Л. 158.
 - ⁴ Там же. Д. 90. Л. 4.
 - ⁵ Там же. Д. 78. Л. 166.
 - ⁶ Там же. Л. 175.
 - ⁷ Там же. Л. 135-136, 140.
 - ⁸ Там же. Л. 156.
 - ⁹ Там же. Л. 122; Д. 90. Л. 19.
 - ¹⁰ Там же. Д. 109. Л. 7.
 - ¹¹ Там же. Ф. Р-3660. Оп. I. Д. 2. Л. 83.
 - ¹² Там же. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 78. Л. 177; Д. 90. Л. 70, 73, 75.
 - ¹³ Там же. Д. 109. Л. 61.
 - ¹⁴ Там же. Л. 67, 79.
 - ¹⁵ Там же. Л. 75-76; Д. 127. Л. 44.
 - ¹⁶ Там же. Д. 136. Л. 9.
 - ¹⁷ Там же. Д. 90. Л. 7.
 - ¹⁸ Там же. Д. 136. Л. 56.
 - ¹⁹ Там же. Л. 17.
 - ²⁰ Там же. Д. 90. Л. 7.
 - ²¹ Там же. Д. 78. Л. 108.
 - ²² Там же. Д. 136. Л. 34, 39, 40.
 - ²³ Там же. Ф. Р-3660. Оп. I. Д. 3. Л. 88; Д. I. Л. 25.
 - ²⁴ Там же. Д. 2. Л. 236.
 - ²⁵ Там же. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 109. Л. 39-40.
 - ²⁶ Там же. Д. 136. Л. 14.
 - ²⁷ Там же. Д. 90. Л. 16.
 - ²⁸ Там же. Д. 109. Л. 81.
 - ²⁹ Там же. Д. 78. Л. 17.
 - ³⁰ Там же. Д. 127. Л. 50.
 - ³¹ Там же. Д. 78. Л. 64.
 - ³² Там же. Л. 109.

- 33 Там же. Д. 127. Л. 24.
- 34 Там же. Ф. П-52. Оп. 3. Д. 869. Л. 46-54, 56.
- 35 Там же. Д. 864. Л. 113-114.
- 36 Там же. Д. 869. Л. 4.
- 37 Там же. Оп. 4. Д. 311. Л. 91.
- 38 Там же. Д. 303. Л. 2; *Бычевский Б.К.* К возрождению иконописи в России // Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып. II / Сост. А.Р. Бесмертный, С.Б. Филатов. Под общ. ред. С.Б. Филатова и Д.Е. Фурмана. М., 1993. С. 364.
- 39 ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 303. Л. 3, 5.
- 40 Там же. Л. 4, 5.
- 41 Там же. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 148. Л. 31-32, 54-55.
- 42 Там же. Л. 30.

ПРАВДА ОБ ЭКЗАРХЕ СТЕФАНЕ

В сентябре 1943 г. Сталин любезно встретил в Кремле митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). На этой встрече присутствовал и Председатель Совета по делам Русской Православной церкви полковник госбезопасности Г.Г.Карпов. Эта встреча стала первым шагом на пути к созданию всемирно доминирующей религиозной организации, подчиненной идее возвышения большевистского авторитаризма.

Советский государственный план был прост — в кратчайший срок создать православный центр, путем объединения автокефальных православных церквей под эгидой Московского Патриархата. Циничность плана состояла в том, что насаждение новой идеологии, чуждой народам Восточной Европы, должно было происходить с использованием автокефальных церквей — болгарской, румынской, чешской, сербской. Славянские народы таким образом должны были полностью почувствовать давление Москвы.

В глазах мировой общественности заключительный аккорд должен был прозвучать в Москве летом 1948 г. на праздновании 500-летия автокефалии Русской Православной церкви, где братские церкви должны были поддержать все государственные решения.

Во время подготовительных работ к этому юбилею шла работа с православными иерархами, шла она трудно... Одним из самых нестигаемым оказался болгарский митрополит Стефан. Особенно настораживало советские спецслужбы его прошлое.

Жизненный путь будущего болгарского Экзарха совпал с самыми драматическими эпизодами в истории Болгар-

ской Православной церкви. Родился он в семье священника уже после Освобождения Болгарии от 500-летнего Османского владычества (7 сентября 1878 г.) в селе Широка Лыка, Смолянского округа, в Родопских горах¹. Мальчик пошел по стопам отца и в 1896 г. заканчивает Богословское училище в г. Самоков. После нескольких лет преподавательской работы, Стоян Шоков уезжает в Киев, где в 1904 г. получает титул кандидата богословия в Духовной Академии. В этот период многие выходцы из Балканских славянских стран изучают богословские науки в России, так как особенно остро чувствуется нехватка кадров для возрождающихся церквей. В этом же году он принимает постриг и монашеское имя — Стефан. Исключительно образованный и одаренный молодой Стефан обращает на себя внимание болгарского Экзарха Иосифа, у которого он работает Экзархийским протосинкелом до смерти последнего в 1915 г. Находясь в Стамбуле, где размещается Экзарх, Стефан убеждается в том, что путь развития и благоденствия молодого Болгарского государства связан со Славянством и Православием. И эта мысль не случайна. Ведь с 16 сентября 1872 г. Болгарская Православная церковь объявлена поместным собором Константинопольской Патриархией схизматичной. Главной причиной этого акта являлся султанский ферман от 28 февраля 1870 г., с которым учреждается Болгарская Экзархия². Этот акт шел в разрез с интересами греков (Константинополя). В результате создания Экзархии, Константинопольская Патриархия теряла свои позиции над большой территорией, населенной православными болгарам. «Схизма» автоматически ставила Болгарскую церковь в очень трудное положение. Долгие десятилетия ее раздирали не только внутренние проблемы. Осложняло ее положение и внешняя изолированность от остальных православных церквей. Будучи «схизматичной» Болгарская Православная церковь не могла идти на прямые контакты с Вселенской Патриар-

хией, все ее контакты с остальными православными церквями являлись неофициальными. Почти 70 лет Болгарская церковь живет в условиях полной изоляции. Именно к этому периоду относится начало деятельности будущего митрополита Стефана, помощника и сподвижника Экзарха Иосифа в постоянных попытках снятия «схизмы». Этот вопрос остается нерешенным в связи с войнами, потрясшими весь мир, и только после 9 сентября 1944 г., когда Болгария встает на путь социалистического развития он выходит на первый план. Это произошло по ряду причин. Во-первых — в интересах союзников по Второй мировой войне, чьи зоны влияния уже распределены, Болгария — включена в советскую зону влияния, а Греция и Турция — в западную. Существование каких-либо неурядиц существенно осложнили бы взаимоотношения между союзниками. Во-вторых — снятие «схизмы» в интересах всех Балканских стран, означало бы конец претензиям Болгарии к территориям в Македонии и Одринской Тракии, населенным этническими болгарами. В этом заинтересованы не только Турция и Греция, но также и Югославская Федерация, в рамки которой входит Македония. В-третьих — решение вопроса о снятии «схизмы» важно и для самой новой государственной власти, которая стремится к тому, чтобы Болгарская Православная церковь находилась только в ее зависимости, отбросив вмешательство Вселенской Патриархии во внутрицерковные дела. Не на последнем месте стоят и интересы самой Церкви, которая стремится не только к выходу из долготлетней межцерковной изоляции, но и к решению многих назревших внутрицерковных проблем, таких как созыв Церковно-народного собора, актуализация Экзархийского устава и др.³

Итак, условия для снятия «схизмы» и признания автокефалии Болгарской Православной церкви созрели. Этот акт связан непосредственно с именем Стефана, который

к этому времени уже находился во главе Софийской митрополии.

Остановимся еще немного на фактах биографии будущего Экзарха в период до его возведения на Софийскую митрополичью кафедру. Еще в 1915 г., после смерти Экзарха Иосифа, Стефан уезжает на специализацию в Швейцарию. Существует мнение, что этот отъезд неслучаен. Дело в том, что это период разгара Первой мировой войны. Политика царя Фердинанда приводит к тому, что Болгария ввязывается в эту войну, становясь союзником Германии. Архимандрит Стефан открыто высказывался против этого, показывая свое прорусское настроение, в связи с чем был вынужден искать убежище за пределами страны⁴. Именно этот отрезок времени (1915—1919) Стефан посвящает своему образованию, получая степень доктора философии и литературы во Фрибургском университете (Швейцария). Там же Стефан устанавливает связи с деятелями Антанты, несмотря на то, какую политику ведет Болгария во время Первой мировой войны. Существуют сведения, что эту деятельность архимандрит проводил по поручению Дворца, поэтому на просьбу Болгарского дипломатического представителя в Женеве отозвать Стефана из страны, не последовал положительный ответ и какие-либо действия⁵. Все это связано с желанием положительно решить вопрос о снятии «международной изоляции» Болгарской Православной церкви. К этому периоду относится обращение взора будущего Экзарха к появившемуся на Западе новому движению — экуменизму, основной целью которого являлось сближение и объединение всех христианских церквей. Стефан становится его последователем.

После своего возвращения из Фрибурга, Стефан принимает в 1921 г. Марцианопольскую епископию, а уже в 1922 г. его выбирают Софийским митрополитом. С 1926 г. — член Св. Синода. Некоторое время читает лекции по

гомилетике на Богословском факультете как частный доцент (по договору)⁶.

С 1920 г. Стефан является постоянным участником ежегодных всемирных церковных конференций. объезжает почти всю Европу, постепенно завоевывая себе имя яркого сторонника и защитника прав Болгарии и Болгарской Православной церкви⁷. Очень энергично и активно участвует в делах Международного Красного Креста. На конференцию в Лозанне (1922) для заключения мира с Турцией, был приглашен правительством Болгарии как член-советник болгарской делегации. Таким образом мы наблюдаем очень активную деятельность будущего главы Болгарской Православной церкви — Стефана в делах всемирного экуменического движения. Не следует, однако забывать, что такое направление деятельности Стефана продиктовано в тот период тем, что Болгарская Православная церковь все еще находилась в международной изоляции. Естественно, идея экуменического движения об единении всех церквей мира, привело бы к выходу Болгарской церкви из этого положения. Тем более, что не всегда православные церкви могли открыто поддерживать вопрос о снятии этой изоляции.

Этим не ограничивалась деятельность Стефана в международных организациях. Очень активную позицию занимает Стефан в вопросе о положении русских беженцев. С 1921 г. он является Председателем Объединенного Комитета, основной целью которого является собрание помощи для русских беженцев. В 1922 г. в этом своем качестве, епископ был направлен Св. Синодом в Сремские Карловцы (Югославия) для представления интересов Комитета в Заграничном русском церковном соборе. Стефан был назначен Комиссаром при Обществе народов, отвечающим за положение беженцев на территории Болгарии, конкретнее — русских, покинувших свою родину после войны и революционных событий 1917 г. В связи с этим в Софии основывается Русско-Болгарское Культур-

но-Благотворительное Общество⁸. Своими выступлениями архимандрит Стефан способствует получению Болгарией, т. н. беженского займа, что должно было значительно облегчить положение вынужденных переселенцев⁹. Такой подробный анализ жизненного пути митрополита Стефана не случаен. С его неординарной личностью связаны многие события в послевоенной истории.

После 9 сентября 1944 г. планы нового демократического правительства и Болгарской Православной церкви практически совпадают, в вопросе снятия многолетней «схизмы» и выхода из международной изоляции. Для привлечения представителей духовенства и большого числа верующего населения на свою сторону в дальнейшем строительстве социализма правительство ставит перед собой задачу снятия «схизмы». В этом активную поддержку болгарское правительство получает со стороны Советского государства. Это тем более необходимо и Советскому государству, так как после присоединения к социалистическому лагерю ряда стран Восточной Европы, возникает идея об единстве Православия под эгидой Русской Православной церкви. Уже активно началась работа по претворению этой идеи в действительность. Так, в «Церковном вестнике» опубликовано «Послание Софийского митрополита Стефана к Русскому народу» на русском и болгарском языках¹⁰. Самым интересным в этом послании является категоричность суждения, что судьба Болгарии будет решаться именно в Москве. Вполне вероятно, что это суждение было предварительно согласовано с правительством Отечественного фронта. Ведь после окончания войны для Болгарии союзники, а это преимущественно СССР, должны были решать судьбу государства, которое своими правителями было вовлечено в войну на стороне гитлеровской коалиции. Уже в октябре 1944 г. Стефан встречается с главнокомандующим 3-им Украинским фронтом маршалом Ф.И.Толбухиным. Митрополит делает подарок от имени Православной церкви

раненым русским солдатам, а также получает послание от Местоблюстителя русского патриаршего престола, Ленинградского митрополита Алексия (с датой 5 октября 1944 г.) Именно этим посланием восстанавливаются взаимоотношения между Русской и Болгарской православными церквями, прерванные после Октябрьской революции 1917 г.¹¹ Исследователь истории Болгарской православной церкви Д.Калканджиева обращает внимание на то, что уже в этом послании Алексий называет Стефана «первосветитель Болгарской церкви», а ведь Стефан был провозглашен Наместником-председателем Св. Синода на несколько дней позже — 16 октября 1944 г. Вероятно, это связано с тем, считает автор, что выдвижение Стефана согласовано с болгарским правительством, об этом было известно и советскому руководству¹². Вследствии активной переписки, архиереи Болгарской Православной церкви обращаются к Алексию с просьбой представлять их интересы и ходатайствовать перед Вселенским Патриархом в Стамбуле о снятии «схизмы»¹³. Это явилось началом в решении важнейшего для Болгарской церкви вопроса. Участие Русской Православной церкви было необходимо и согласовано на правительственном уровне. Параллельно этим действиям Болгарская церковь объявляет о своей поддержке политики правительства Отечественного фронта. Это необходимо, в первую очередь потому, что уже встал вопрос об восстановлении Экзархии. В этом правительство должно было помочь церковным иерархам. На место Экзарха прочили Митрополита Софийского Стефана. Существует радиограмма от 25 декабря 1944 г., направленная из Софии Трайчо Костовым в Москву Георгию Димитрову. В ней говорится: «Принято решение, что владыка Стефан должен стать экзархом и присутствовать на церковном соборе в Москве как глава болгарской церкви»¹⁴. Необходимо отметить, что в этот период Г.Димитров находился все еще в Москве и был в постоянной связи со своими соратниками из правитель-

ства Отечественного фронта. Он также доводил до них все пожелания Советского правительства по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики нового демократического государства. Этой радиограммой ясно показано, что решение о выборе Стефана болгарским Экзархом было принято и заранее согласовано с Москвой, а сам выбор впоследствии был просто проформой и выполнением уже принятого сценария. Личность Стефана, его влияние не только в пределах страны, но и за рубежом предопределило его поставление на место главы Болгарской Православной церкви. Уже 21 января 1945 г. на заседании церковного собора Стефан был избран Болгарским Экзархом. После этого шага, правительство и церковные иерархи приступили к решению главного для Болгарской церкви вопроса — снятие «схизмы». Из доклада Г.Г.Карпова Правительству видно, что по инициативе и при непосредственном участии патриарха Алексия была снята «схизма»¹⁵. Уже 22 февраля 1945 г., спустя месяц после избрания Стефана Экзархом, Вселенская Патриархия официально сняла «схизму» с Болгарской Православной церкви. Таким образом Алексей действительно способствовал решению этой проблемы, тем более, что об этом, как было сказано выше, его просил сам Митрополит Стефан. Этим действием сделан еще один шаг к решению задачи, поставленной перед Алексием, а именно — привлечения Болгарской Православной церкви под эгиду Московской Патриархии. Этот исторический акт стал возможен также благодаря невероятно трудным переговорам между Вселенским Патриархом Вениамином и представителями Болгарской церкви; личным посланиям самого Экзарха Стефана. Таким образом был решен жизненно важный вопрос в жизни Болгарской церкви: восстановлена ее самостоятельность, потерянная еще в конце XIV в.

После всех этих событий продолжается единение государства и церкви. Во-первых — укрепляются связи между

Экзархом и правительством, а во-вторых — продолжается сближение с Русской Православной церковью¹⁶. Несмотря на некоторые разногласия, которые начинают проявляться уже к середине 1945 г. между Стефаном и новой властью, связи с Русской церковью развиваются. Это связано не столько с историческими традициями, но и с новой политической ориентацией Болгарии. Уже 27 июня 1945 г. в Москву отправляется впервые болгарская церковная делегация во главе с Экзархом Стефаном. Делегация находится в Москве почти месяц, где проводит встречи с представителями Русской церкви, Советского государства и лично с Г.Димитровым. В своем приветствии Экзарх называет Русского Патриарха «Вождем Общеславянской православной Церкви»¹⁷. Экзарх провел несколько встреч с Председателем по делам Русской Православной церкви Г.Г.Карповым. На этих встречах решается вопрос о создании болгарского подворья в Москве, что способствовало бы более тесному сотрудничеству между двумя церквями. Поставлен вопрос и о принятии на обучение болгарских, сербских и черногорских студентов в духовные семинарии России. Г.Карпов обещает денежный займ на нужды Болгарской церкви. Впервые ставится вопрос о провозглашении Болгарской церкви Патриаршией¹⁸. Это уже очень важный шаг во взаимоотношениях между двумя церквями. На самом деле обещание о Патриархии, связывает Болгарского Экзарха с политикой, проводимой Советским правительством с использованием международных связей Русской Православной церкви. Идея о первенстве Русской Патриархии в православном славянском мире начинает претворяться в действительность. Необходимо привлечение глав православных церквей в лоно Русской Православной церкви. Постепенно начинается их обработка. В данном случае очень активную роль играют и встречи Экзарха Стефана с Г.Димитровым в Москве. Об их личных разговорах трудно судить, но от сохранившегося

письма Экзарха Г.Димитрову 7 июля 1945 г. видно, что он очень надеется и ждет провозглашения Болгарской церкви Патриархией, а сам он, по его предположениям должен быть избран патриархом¹⁹. Однако, необходимо отметить, что уже в этот период, несмотря на личные встречи, Г.Димитров относился к Стефану негативно, о чем неоднократно предупреждал своих соратников в Болгарии²⁰. По этим посланиям видно, что находящаяся у власти Коммунистическая партия относилась к Экзарху с некоторым недоверием, но все же продолжала сотрудничество с ним. А сам Экзарх, являясь яркой и сильной личностью, активно вмешивался в политической ситуации, осуществляя свои взгляды о месте Болгарской церкви в послевоенном болгарском обществе. Он считал, что церковь должна быть сильной, независимой и равноправной с государством²¹. Но, как показывают события в дальнейшем, это очень расходилось с политикой самого государства. Власти, заручаясь поддержкой Болгарской православной церкви в объявлении Болгарии Республикой, получая полное большинство голосов населения в выборах, уже в проекте новой Конституции, опубликованной в газете «Работническо дело» от 4 октября 1946 г., объявили об «Отделении Церкви от государства». Таким образом, по сценарию Советского правительства, успешно осуществленному еще в 1918 г., начинается процесс отделения Церкви от государства, положен конец совместным действиям между двумя институтами. Все, что было нужно новому правительству по установлению и утверждению своей власти, было достигнуто во многом благодаря помощи церкви, теперь же дошла очередь и до нее.

Не будем останавливаться на том, как и каким путем произошло отделение церкви от государства. Этот сценарий был разработан и успешно применялся во всех восточно-православных странах, после вступления их на путь социалистического преустройства. Вернемся к личности экзарха Стефана. Он был одним из участников Со-

вещания глав православных церквей, проведенном в Москве в июле 1948 г. Как было отмечено выше, целью этого Совещания было не только торжественное чествование 500-летия автокефалии Русской Православной церкви, но и попытка объединения всех православных церквей под эгидой Русской Православной церкви, в противовес разрастающемуся экуменическому движению на Западе.

За время, предшествовавшее этому Совещанию, Экзарх пережил тяжелые потрясения: дело его жизни постепенно рушилось. Болгарская церковь была полностью отделена от государства, лишена своих земельных владений и финансовых средств, не имела того влияния в жизни общества, которое пронесла через века османского владычества, теряла влияние на верующих, подвергалась гонениям со стороны властей и т.д.

Работа по созданию единой программы действий между Православными церквями, в том числе и Болгарской, началась еще в 1945 г. Сразу же после снятия «схизмы», 6 апреля 1945 г. в Болгарию приезжает делегация Московской Патриархии во главе с архиепископом Григорием, будущим митрополитом Ленинградским²². Делегация с расширенным составом, пробыла в Болгарии более двух недель. Именно тогда было положено начало переговорам между представителем Москвы и Стефаном об участии последнего на Московском совещании. Зная об активной экуменической деятельности Стефана, о его сложном и противоречивом характере, а также о его давних связях с англичанами и оппозицией, Советское руководство решило использовать в своих целях его честолюбивые замыслы о создании самостоятельной и сильной церкви в Болгарии.

Уже в июне 1945 г. при посещении делегации Болгарской церкви во главе с Экзархом Стефаном Москвы, ему делается конкретное предложение о предоставлении крупного займа. Так в докладе Г.Г.Карпова Правитель-

ству говорится: «Обещанный Стефану и его Синоду крупный заем от лица Русской Православной церкви должен больше связать Стефана с нами»²³. Впервые ставится вопрос о провозглашении Болгарской церкви Патриаршией, во главе с тем же Стефаном. Что может быть более важным для церковного иерарха? Там же в Москве Стефан берет некоторые обязательства, о которых мы судим из письма, адресованного Г.Димитрову после своего возвращения из советской столицы уже 7 августа 1945 г.²⁴ Во-первых, он обещает поддержку Болгарской Православной церкви демократическому фронту на предстоящих выборах в Обыкновенное Народное собрание. Этим шагом митрополит Стефан как бы берет пример с Русской церкви в ее взаимоотношениях с государством.

Во-вторых, митрополит Стефан направляет свои взоры на взаимоотношение с Русской церковью в русле принципов Славянства и Православия. Экзарх считал, что выполняя эти условия, он сможет укрепить позиции Болгарской церкви не только внутри государства, но и на международном уровне.

Лояльность митрополита Стефана по отношению к идее созыва Всеправославного совещания в Москве проявляется в 1947 г. Подорванное здоровье вынуждает Стефана отправиться на лечение в Чехословакию (в Карловы Вары). Там он проводит почти два с половиной месяца. Доподлинно известно, что на пути в Карловы Вары и обратно, Экзарх проводил встречи с церковными, общественными и политическими представителями Югославии, Венгрии и Чехословакии. На этих встречах он зондировал их мнение по отношению предстоящего Московского Совещания, а также их отношение к Католической церкви. О результатах этих встреч Стефан осведомил письменно Патриарха Алексия²⁵. Позже, уже на самом Совещании Стефан заявил, что «изменение позиций Константинопольского Патриарха, Греческой, Александрийской Церквей является делом рук его — Стефана.

Посылка этими Церквями своих делегаций на Московское Совещение достигнута им якобы путем специальных командировок своих представителей к этим Церквям»²⁶. Как раз эту «заботливость» митрополита Стефана Г.Г.Карпов в отчетном документе о проведении Совещения расценил «как результат полученной им от англичан команды»²⁷. Об этой инициативе не был предварительно оповещен Патриарх Алексий.

Тем временем вовсю идет подготовка к Совещению глав православных церквей. За этим очень пристально следило и руководство Римско-Католической церкви и Всемирного Совета Церквей (экуменического движения). Назревала угроза усиления влияния СССР на Балканах. Срочным порядком в Болгарию и Югославию в начале 1948 г. приезжают представители Всемирного Совета Церквей. Так в Софию приехал Директор Отдела взаимопомощи пострадавшим от войны церкви Кохберн. Позже, весной того же года, Софию посетил Гибралтарский английский епископ (Сесиль Дуглас Горслей). И один, и другой проводят личные встречи и переговоры с Экзархом Стефаном об участии Болгарской Православной церкви в Амстердамском экуменическом совещании²⁸. Не только органы госбезопасности Болгарии, но и советские спецслужбы давно и пристально следили за Стефаном. Они отлично были информированы о его многолетней активной деятельностью в экуменическом движении, все его передвижения и встречи контролировались и фиксировались. Поэтому, как только Стефан проявил заинтересованность предложениями Всемирного Совета Церквей, сразу же были привлечены руководители Болгарии. Премьер-министр Г.Димитров и Министр иностранных дел В.Коларов провели беседу со Стефаном, после которой Экзарх отказался от участия в экуменическом движении²⁹. Вероятно, беседа затрагивала животрепещущий для Стефана вопрос — Патриархия и патриаршество.

Итак, Всеправославное Совещание в Москве открылось 8 июля 1948 г. В нем принимали участие Католикос — Патриарх Каллистрат, Патриарх Сербский — Гавриил, Патриарх Румынский — Юстиниан, Экзарх Стефан — глава Болгарской Православной церкви, представитель Вселенского Патриарха — митрополит Герман, посланец Антиохийской церкви — митрополит Александр, посланец Греческой церкви — митрополит Хризостом, посланец Албанской церкви — епископ Паисий, посланец Польской церкви — архиепископ Тимофей, Представители Московского Патриархата за границей. Основная программа Совещания затрагивала несколько основных вопросов: отношение к Ватикану, экуменистам, Англиканской церкви.

Сразу же по приезде в Москву отмечена активность представителя Константинопольского Патриарха, митрополита Германа. В работе самого Совещания он по распоряжению Константинопольского Патриархата непосредственно участия не принимал, однако делал попытки через того же митрополита Стефана повлиять на работу комиссии по вопросу об участии православных церквей в экуменическом движении. Его действия успеха не имели, о чем свидетельствовал в своем отчете в ЦК ВКБ(б) Г.Г.Карпов³⁰. Почему Герман обратился именно к Болгарскому Экзарху? А дело все в том, что несмотря на заверения, данные Стефаном представителям Болгарского правительства, он приехав в Москву все же решил сделать заявление о поддержке экуменическому движению, а также о целесообразности участия православных церквей в предстоящей Амстердамской Ассамблее, созываемой Всемирным Советом Церквей³¹. Из докладной записки в ЦК ВКБ(б) Г.Карпова от 14 июля становится известно, что по сведениям представителей Болгарской делегации, Софию посещал руководитель международного общества по охране свободы религии Жан Нусбаум и убеждал Стефана отказаться от поездки в Москву и принять учас-

тие в Амстердамской конференции, обещая при этом большую материальную помощь. По некоторым сведениям, митрополит Стефан получил крупную сумму, а по другим — отказался от предложения³². Насколько этот факт имел место — неизвестно, однако следует отметить, что в состав болгарской делегации входил митрополит Пловдивский Кирилл, который в последние годы занимал в Св. Синоде Болгарской Православной церкви позицию, явно направленную против деятельности Стефана. Именно его донесения в Правительство Болгарии и спецслужбы позволяли последним делать нелицеприятные выводы о самом Экзархе. Впоследствии, после удаления Стефана от занимаемой должности, именно Кирилл становится его преемником, в достаточной мере «удобным» новым властям. Сведения о якобы полученных средствах от западных посланников на нужды Экзарха стали известны именно от Кирилла и его пособников.

Как только поступила информация о поддержке экуменизма со стороны Стефана, министром иностранных дел Болгарии В.Коларовым была направлена в Москву телеграмма, подтверждающая принципиальное согласие Болгарского правительства на установление патриаршества в Болгарии³³. Вот в чем кроется причина выступления Стефана в поддержку экуменизма. Здесь во многом виден просчет самого Болгарского правительства. Несмотря на то, что со стороны Советского правительства задолго до Совещания, еще в ходе его подготовки было высказано мнение о целесообразности возведения Экзархии в Патриаршество, накануне открытия самого Совещания Политбюро ЦК БКП было принято следующее решение: «Вопрос о возведении Экзархии в Патриархию пока отложить. В связи с этим провести консультации с Советским правительством»³⁴. Поставленный таким образом в положение, когда смысл его жизни и деятельности рушится, Стефан вынужден был обратиться снова к Западу. Немедленная реакция со стороны Болгарии при-

водит к новому повороту позиции Стефана. Теперь он уже отказывается от своих первоначальных замыслов и полностью поддерживает все решения Московского Соединения по вопросам экуменизма.

Знакомясь с докладными записками Г.Карпова в ЦК ВКП(б) по поводу всех событий, происходивших во время Соединения, обратим внимание на то, что практически все предварительные заготовки и решения по основным вопросам приняты участниками единодушно и без изменений. Это еще раз доказывает насколько четко велась подготовка к этому форуму.

13 и 14 июля в Совете по делам РПЦ с визитами были делегации Румынии во главе с патриархом Юстинианом и Греческая, возглавляемая митрополитом Хризостомом. Совет посетила и болгарская делегация во главе с Экзархом Стефаном, его сопровождали митрополит Пловдивский Кирилл и митрополит Сливенский Никодим. В личном разговоре с Г.Карповым, Стефан отмечает, что «...в Болгарии нет правильных взаимоотношений между церковью и государством. Церковь лишена какой-либо самостоятельности и полностью подчинена департаменту по делам вероисповедания»³⁵. Экзарх отрицательно отзывался о руководителе Департамента по вероисповеданиям Д.Илиеве, о его действиях и просил «...сделать все возможное, пользуясь дружественными отношениями между Советским Союзом и Болгарией, чтобы в Болгарии установить тот же порядок во взаимоотношениях между церковью и государством, какой существует в Советском Союзе»³⁶. Митрополит Стефан обратился с просьбой о денежной помощи для Болгарской церкви в размере 100 млн. болгарских левов (около 1 млн. руб.), а также о продаже 150 тонн воска, необходимых для производства свечей³⁷. В ходе церковных торжеств Болгарская церковь, также как Сербская и Антиохийская, получили храмы-подворья; был выработан проект положения, которым предусматривалось полное содержание этих храмов и

причта Московской патриархией³⁸. Таким образом был сделан еще один шаг к большему сближению Москвы и автокефальных православных церквей.

Особый интерес представляют сведения об Экзархе Стефане, которые предоставил Г.Карпову митрополит Николай (Ярушевич). Он провел конфиденциальный разговор с руководителем Болгарской делегации, в котором Стефан говорил о своей ориентации только на Россию. Он касается и своего отношения с Западом: «...меня иногда упрекают в двойственности, будто я оглядываюсь на Запад. Нет!»³⁹. И здесь, в очередной раз проявились его блестящие дипломатические способности. Он связывает свою более открытую позицию по отношению к Западу с политикой Болгарского государства, которое «хочет хороших отношений и с англо-американцами..., не хочет ссоры с Западом»⁴⁰. Разве его можно упрекнуть в поддержке прозападных настроений болгарского общества?... В этом же разговоре Стефан открыто досадует на то, что его игнорируют как главу церкви, а правительство никак не позволяет провозгласить Патриаршество, что значительно бы возвысило престиж Болгарии в глазах остальных славянских государств⁴¹. Этим своим высказыванием, Стефан еще раз пытается добиться поддержки Русской Православной церковью идеи о введении Патриаршества в Болгарии.

Несмотря на его достаточно умеренные высказывания и действия, Стефан находился под постоянным наблюдением. Все, что касалось лично его, четко фиксировалось и анализировалось, так как, по мнению советских спецслужб, он был во многом непредсказуем: «является двуличным человеком и к его заявлениям надо относиться критически»⁴². Именно с его стороны ждали неожиданностей на Совещании. На самом деле, связанный обещаниями о Патриархии, Стефан положительно принимает все решения, которые были провозглашены на Московском Совещании глав православных церквей.

Будучи в Москве, Стефан с интересом наблюдал за жизнью советской столицы. В интервью, которое он дал корреспонденту Советского Информбюро, митрополит проявил себя как истинно интеллигентный человек. Он с восторгом говорит о своих впечатлениях от увиденного в Москве, ему не чужды достижения русской культуры, он делает акцент на достигнутом в сохранении и восстановлении памятников культуры и искусства. За несколько дней Совещания Экзарх посетил не только Кремль, но и Третьяковскую галерею, познакомился с метрополитеном, совершил прогулку по Москве-реке. Его интервью взвешено, не политизировано, мнения высказываются искренно, чувствуется личное отношение к увиденному, желание поделиться своими впечатлениями⁴³.

Московское Совещание завершилось триумфом его организаторов. Сам Стефан говорит, что «торжества в честь 500-летнего юбилея автокефалии Русской Православной церкви превратились в радостный и яркий праздник и стали величайшим и благодатным манифестом православного единства»⁴⁴. Возвратившись в Болгарию, Стефан подробно уведомил руководство страны, Св. Синод о результатах Московского Совещания, с надеждой говорил о необходимости введения Патриаршества и о поддержке этой идеи Русской церковью и Советским руководством. Однако в этот период тучи над его головой все больше сгущаются. Противники Стефана из его окружения делают все возможное, чтобы устранить необычайно деятельного и популярного в Болгарии Экзарха. На самом деле он уже не совсем удобен и власти, так как несмотря на все трудности, не оставляет идею о самостоятельной и сильной церкви. Наветы, клеветнические доносы — сопровождают его после возвращения из Москвы. Руководству страны нужен «свой» глава церкви, который будет полностью зависеть от политики государства. Стефан никогда не был таким человеком и поэтому его необходимо было заменить.

4 сентября 1948 г. на заседании Св. Синода, спровоцированный поведением Врачанского митрополита Паисия, Стефан был вынужден покинуть заседание. Митрополит Паисий, также как и Пловдивский митрополит Кирилл — одни из самых ярых противников Стефана, готовых занять его место. В письме, адресованном своему заместителю митрополиту Доростолскому и Червенскому Михаилу, Стефан отмечает, что он не может остаться Предстоятелем церкви⁴⁵. Спустя два дня, 8 сентября 1948 г., решением Св. Синода Стефан освобожден от должности Экзарха Болгарской Православной церкви, а также лишен митрополичьей Софийской кафедры⁴⁶. Уже 10 сентября это решение утверждает Политбюро⁴⁷. Несмотря на все усилия показать незаконность этих решений, их несоответствие Экзархийскому церковному законодательству, Стефан лишен не только должности Экзарха Болгарской церкви, но и митрополичьего стола. Проведение этой акции заняло всего несколько дней. Уже 25 сентября официальная информация об этом была отправлена в советское посольство, в ней говорилось, что Стефан будет получать персональную пенсию в размере 25000 левов ежемесячно, кроме того он будет выслен за пределы Софии в с. Баня, Карловско, Пловдивской области, без права передвижения по стране⁴⁸. Нельзя не упомянуть, что на самом деле Стефан был насильно выдворен из Софии в эту деревню, где он и жил в ссылке до конца своей жизни (14 мая 1957 г.).

С отстранением Стефана, коммунистическое правительство развязало себе руки для будущего наступления на церковь. Постепенно она все больше вытеснялась из жизни общества, превращалась в придаток государства. Во главе церкви стояли «нужные» правительству иерархи, полностью зависящие от партийной политики. Таким образом, идея Экзарха Стефана о самостоятельной и сильной церкви в Болгарии не осуществилась. Его дело не нашло своего продолжения. Прошло еще несколько

лет, прежде, чем была восстановлена Болгарская Патриархия, но уже без его участия, с нарушением канонов, но с согласия и по решению Политбюро. Во многом это зависело и от вмешательства Советского правительства, от его внешней политики. Как мы уже отметили, деятельность Стефана была под пристальным вниманием не только с болгарской стороны, но и советской. Его жизнь и деятельность недостаточно исследованы, особенно то, что касается взаимоотношений с Русской церковью и Советским государством. А это наводит на определенные мысли...

-
- 1 Энциклопедия «България». Т. 6. София, 1988. С. 446.
 - 2 *Калканджиева Д.* Българската православна църква и държавата. 1944-1953. София, 1997. С. 20.
 - 3 Там же. С. 42.
 - 4 *Лазов Димитър.* Екзарх Стефан I, живот, апостолство и творчество. София, 1947. С. 388.
 - 5 См.: Протокол на Св. Синод. № 40 от 20.X.1918 г.
 - 6 См.: История на Българската църква (четива). София, 1954. С. 107.
 - 7 Лазов Д. Указ. соч. С. 101.
 - 8 Там же. С. 98.
 - 9 Там же. С. 102.
 - 10 Църковен вестник. Бр. 16-19 от 1944 г.
 - 11 Протокол на Св. Синод в пълен състав. № 23 от 21.X.1944 г.
 - 12 Калканджиева Д. Указ. соч. С. 35.
 - 13 Протокол на Св. Синод в пълен състав. № 26 от 21.XI.1944 г.
 - 14 Централен Партиен архив (Централный Партийный архив, София, далее ЦПА). Ф. 1. Оп. 7. Арх. ед. 180.
 - 15 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 14.
 - 16 *Калканджиева Д.* Указ. соч. С. 54.
 - 17 ЦПА. Ф. 1. Оп. 7. Арх. ед. 807.
 - 18 Протокол на Св. Синод в пълен състав. № 34 от 19.VII.1945 г.
 - 19 ЦПА. Ф. 1. Оп. 7. Арх. ед. 564. Эту рукопись впервые использовала в своей монографии болгарская исследовательница Д.Калканджиева.
 - 20 Там же. Арх. ед. 401.
 - 21 *Калканджиева Д.* Указ. соч. С. 60.
 - 22 *Лазов Д.* Указ. соч. С. 321.
 - 23 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 13.

- 24 Текст ЦДИА (Центральный Государственный исторический архив, София). Ф. 791. Оп. 1. Арх. ед. 131. Текст письма опубликован: Калканджиева Д. Указ. соч. С. 62-64.
- 25 Об этом см.: Калканджиева Д. Указ. соч. С. 212-213.
- 26 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 8. Л. 30.
- 27 Там же.
- 28 Калканджиева Д. Указ. соч. С. 218. См. также: ЦПА. Ф. 1. Оп. 6. Арх. ед. 539.
- 29 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 8. Л. 4.
- 30 Там же. Л. 40.
- 31 Там же. Л. 47.
- 32 Там же. Л. 37.
- 33 Там же. Л. 102.
- 34 ЦПА. Ф. 1. Оп. 6. Арх. ед. 515.
- 35 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 8. Л. 41.
- 36 Там же.
- 37 Там же. Л. 36, 41.
- 38 Там же. Л. 105.
- 39 Там же. Л. 42.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Там же. Л. 37.
- 43 Там же. Л. 85-88.
- 44 Там же. Л. 88.
- 45 АЦИАИ. Ф. 2. (Архив Церковно-исторического археологического института, София).
- 46 Протокол на Св. Синод в пълен състав. № 54 от 8.IX.1948 г.
- 47 ЦПА. Ф. 1. Оп. 6. Арх.ед. 539.
- 48 Там же. Ф. 146. Оп. 5. Арх. ед. 607.

ОПЕРАЦИЯ «СЕВЕР». ВЛАСТИ И ЦЕРКОВНЫЕ КОНФЕССИИ В МОЛДАВИИ В 1940–1960-х гг.

В июле 1949 г. с территории Молдавской ССР была проведена масштабная депортация в отдаленные районы страны кулаков, бывших помещиков и других «враждебных» элементов¹.

Не прошло и двух лет после операции, получившей название «Юг», как маленькую республику потрясло новое выселение. На этот раз оно мотивировалось религиозными причинами: «изымались» и отправлялись на поселение сектантские элементы. Операция 1951 г. была прямым продолжением «крупных мероприятий», проведенных сталинским режимом в 40–50-е гг. для укрепления своей власти на территории Молдавии.

До того, как раскрыть детали этой операции, необходимо хотя бы кратко осветить роль и место религии и Церкви в общественной жизни Молдавии, взаимоотношения различных религиозных конфессий с властями².

Если рассматривать роль религиозного фактора в целом, то необходимо четкое и ясное определение исходной позиции: религия, Церковь на протяжении многих тысячелетий были и остаются поныне важнейшей стороной организации духовной жизни людей.

Церковь давно стала важнейшим элементом сложившейся системы морали, мироощущения, культуры, частью повседневной жизни и быта населения. На это обратил внимание русский философ Г.П.Федотов, заметив, что «церковь слишком связана с живой исторической плотью народа, с его историей и бытом»³. Отражая основополагающие ориентиры народа, его мораль, исторические традиции, формируя у человека четкие нравственные убеждения, помогающие гармонии и взаимопо-

ниманию в обществе, воспитанию у людей идеалов порядочности и добра, добросовестного отношения к труду, заботы о семье, сострадания и милосердия, религия и Церковь всегда занимали, занимают и будут занимать важное место в организации и защите человеческого общества. Вот это обращение к человеку, пожалуй, является главным свойством, делающим религию феноменом, устойчивым во времени. «Церковь учит, — заметил Г.Честертон в своей редигиозной работе «Ортодоксия», — что дело не в условиях, а в человеке»⁴. Именно поэтому, как подтверждает вся история человеческой цивилизации, эта область духовной жизни людей не может быть уничтожена никакими запретами и репрессиями.

В течение долгого времени характер отношений Коммунистической партии и Советского государства (как до включения в него на рубеже 30—40-х гг. новых регионов, так и позже) и Церкви из политических или конъюнктурных соображений и мотивов грубо искажался. В настоящее время во всех государствах, ранее составлявших Советский Союз, идут поиски путей налаживания справедливых и отвечающих интересам народных масс отношений с Православной Церковью и другими конфессиями с тем, чтобы они могли свободно откликаться на нужды народа, действовать на пользу общества в области нравственного воспитания. В этих условиях особо ответственна роль историка, призванного восстановить историческую правду, не приуменьшая и не сглаживая трагических сторон отношений Церкви и государства.

Позволим себе еще одно отступление и кратко суммируем основные позиции большевистской партии по отношению к религии до и после революции.

В 1903 г. в брошюре «К деревенской бедноте», имевшей подзаголовок «Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы», В.И.Ленин сформулировал отношение партии к религии кратко и ясно: «чтобы каждый имел полное право исповедовать какую угодно веру совершенно свободно»⁵. Этот тезис Ленина широко извест-

тен. Но далее он добавлял, что в ряде государств «остались еще позорные законы против людей иной, не православной веры, против раскольников, сектантов, евреев. Эти законы либо прямо запрещают известную веру, либо запрещают распространять ее, либо лишают людей известной веры некоторых прав. Все эти законы – самые несправедливые, самые насильственные, самые позорные. Каждый должен иметь полную свободу не только держаться какой угодно веры, но и распространять любую веру и менять веру. Ни один чиновник не должен даже иметь права спрашивать кого ни на есть о вере: это дело совести и никто тут не может вмешиваться. Не должно быть никакой «господствующей» веры или Церкви. Все веры, все церкви должны быть равны перед законом»⁶ (подчеркнуто авт. – В.П.).

Еще более определенно Ленин высказывался в статье «Социализм и религия» (1905): «Религия должна быть объявлена частным делом... Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т.е. быть атеистом... Никакие различия между гражданами в их правах в их зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. Полное отделение церкви от государства – вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви»⁷.

Все официальные документы Советского государства включали требования отделения Церкви от государства. Принятый 20 января 1918 г. декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» запрещал «издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан». Далее в декрете значилось очень важное положение о том, что «всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются»⁸. Кон-

ституции 20–30-х гг. также фиксировали отмеченную позицию. Однако такая четкая постановка вопроса о подходе к религии практически не соответствовала конкретным действиям большевистской партии по отношению к верующим. После революции началась жесткая конфронтация с Церковью.

Отделив в январе 1918 г. Церковь от государства и школу от Церкви, Советское государство не переставало вмешиваться в ее внутреннюю жизнь, репрессивными методами стремилось сначала подавить, а затем и уничтожить церковь и религию⁹.

Во вновь присоединенных перед войной регионах, в отличие от всей остальной территории Союза, население оставалось в основном верующим, и церковная деятельность велась очень активно, тем более, что во всех этих регионах Церковь ранее не была отделена от государства.

Вслед за включением их в состав СССР на церковные организации новых территорий были немедленно распространены все принципы взаимоотношений Церкви и государства, сложившиеся в Союзе.

Практически сразу же жизнь церковных приходов была взята под контроль уполномоченным ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Молдавии С.А.Гоглидзе и органами НКВД.

В годы войны на оккупированной территории Молдавии, прежде всего в Бессарабии, обстановка была крайне противоречивой и сложной. Церковь и религиозные секты имели устойчивое влияние на население и не могли не использоваться румынскими властями в их стараниях оказать воздействие на людей, формировать политически выгодные им позиции по отношению к Советскому Союзу.

Ряд служителей Церкви в годы войны нелегально выезжали из Румынии в Бессарабию «для изучения деятельности церкви при Советской власти и подготовки перехода епархии в лоно румынской церкви», а вместе с руководителями бессарабской церкви — «принятия всех необходимых мер к румынизации и фашизации бессарабской церкви и искоренению всего русского. Церковники

активно сотрудничали с румынской разведкой и оккупационными органами власти»¹⁰.

По агентурным материалам Министерства Государственной безопасности МССР, антисоветские церковно-сектантские круги вели работу по активизации участия духовенства в укреплении фашистских порядков в Молдавии и проведению широкой антисоветской националистической пропаганды, содействовали карательным органам¹¹.

Факты такого рода сотрудничества действительно имели место, поэтому сразу же после освобождения республики ряд священнослужителей был арестован и осужден советским судом. Только за апрель 1944 — ноябрь 1946 г. «силовыми» органами республики были ликвидированы 17 организаций и групп религиозного направления, арестован 71 чел., в производстве находились дела на 180 чел.¹²

Уполномоченный НКВД-НКГБ по Молдавии Н.Голубев, обращаясь 25 мая 1945 г. на имя наркома госбезопасности, отмечал, что одним из главных недостатков оперативно-чекистского аппарата республики, его местных органов является крайне слабая работа среди духовенства, церковников и сектантов: «периферийные органы, видимо, не желают выполнять Ваших директивных указаний по этой серьезнейшей линии работы НКГБ. Необходимо принять серьезнейшие меры в отношении нерадивых людей... Несмотря на серьезность имеющихся в деле материалов, разработка объектов дела ведется крайне медленно. Ряд выявленных новых связей основных объектов дела до сих пор не установлены, не проверены и в разработку не взяты»¹³.

Необходимо совершенно определенно подчеркнуть, что враждебная Советской власти деятельность не была характерна для всего молдавского духовенства. 19 июля 1944 г. НКГБ Молдавии констатировало: «каких-либо враждебных антисоветских проявлений со стороны оставшегося на освобожденной территории МССР духовенства и актива верующих НКГБ МССР в настоящее

время не зафиксировано. Следует отметить, что большинство священников публично высказывает свое лояльное отношение к Советской власти»¹⁴.

Раскол периода войны, когда одна часть духовенства и руководителей религиозных сект выступала на стороне немецких оккупантов и Румынии, а другая часть оставалась верной православным российским традициям, преодолевался непросто. Возникла проблема нехватки кадров — в 1944 г. значительная часть духовенства переселилась из Молдавии в Румынию (органы госбезопасности считали, что они составляли до 80-90% духовенства), часть священников, в порядке репатриации в 1946—1947 гг. вернулись в Молдавию¹⁵. Однако такое возвращение на родину не усиливало доверия к служителям культа со стороны властей.

И хотя в годы Великой Отечественной войны в СССР начался новый этап в отношениях государства и Церкви, когда авторитет последней использовался государством для достижения своих собственных внутри- и внешнеполитических целей, о свободной деятельности Православной Церкви и институтов других вероисповеданий в то время не могло быть и речи.

Церковь разделила судьбу всех государственных и общественных организаций, которые не укладывались в рамки системы. Проблема здесь состояла не в том, как строил свою политику тот или иной политический деятель, и даже не в том, какую позицию занимал кто-то из церковных иерархов — это были не более, чем частности. основополагающим же фактором являлась изначальная политика системы, направленная на ограничение роли и места Церкви с тем, чтобы постепенно окончательно вытеснить ее из общественной жизни. В силу этого Советское государство никогда не отказывалось от наступления на церковь, стараясь максимально сузить ее влияние на общество.

В Молдавии традиционно и достаточно мирно сосуществовали церковные объединения различной религиозной

ориентации, в том числе целый ряд религиозных сект, часть из которых действовала нелегально.

Осенью 1946 г. органы госбезопасности сообщали в Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии о том, что на территории республики функционируют 601 православная церковь (из 950 зарегистрированных), 24 православных монастыря, 22 старообрядческие религиозные общины, один женский старообрядческий монастырь, 12 синагог, 5 римо-католических молитвенных домов, 2 армяно-григорианских церкви, 88 молитвенных домов евангелистов-баптистов, 13 молитвенных домов адвентистов-субботников, 2 молитвенных дома молокан, распространен также ряд нелегальных сектантских формирований: сектантов-иеговистов, адвентистов-реформистов, иннокентьевцев¹⁶.

Население республики было почти полностью религиозным, и это также приходилось учитывать как руководству республики, так и местным органам.

В этих условиях, будучи отделенной от государства, Церковь становилась инструментом политики и ареной политической борьбы, тем более в тот период, когда государство начинало крутую ломку экономики, культуры, идеологии, традиций и образа жизни общества. Церковь, даже помимо желания или нежелания ее иерархов, превращалась в одно из прибежищ тех, кто выступал против государственной политики.

7 октября 1943 г. по постановлению СНК СССР при правительстве был создан Совет по делам Русской Православной церкви. 19 мая 1944 г. по аналогии с Советом по делам Русской Православной церкви был образован Совет по делам религиозных культов при СНК СССР, председателем которого был назначен И.В.Полянский. Уполномоченным по Молдавии стал в июле 1945 г. С.Десятников, в 1950 г. его сменил С.Колесник¹⁷.

По положению, Совет был уполномочен заниматься следующими вопросами: предварительно рассматривать вопросы, возбуждаемые духовными управлениями или руководителями культов; разрабатывать проекты законо-

дательных актов, постановлений и инструкций по их применению и вносить их на рассмотрение Совнаркома СССР; наблюдать за правильным, своевременным проведением их в жизнь на всей территории страны; информировать и представлять в правительство заключения о состоянии, положения и деятельности религиозных культов; вести учет церквей, молитвенных зданий и т.п. Все эти обязанности (за исключением подготовки законопроектов и решения общих вопросов) были распространены и на институт уполномоченных при Совнаркомах союзных и автономных республик и облкрайисполкомах¹⁸.

В мае 1945 г. в Москве состоялось совещание уполномоченных Совета, на котором с большим докладом выступил И.В.Полянский. Этот доклад никогда не публиковался и представляет большой интерес с точки зрения раскрытия механизма отношений государства и религиозных культов¹⁹.

Совет по делам религиозных культов и его уполномоченные были призваны способствовать нормализации отношений между армянской, старообрядческой и другими церквями, а также сектантскими организациями и государством, исключая те формирования римско-католической и лютеранской церквей в Прибалтике и на территории Западной Украины, которые были связаны с антисоветским националистическим движением. По отношению к этим церквям Совет обязывался принимать все меры к тому, чтобы их руководство «становилось на путь полного признания ими Советской власти со всеми вытекающими отсюда последствиями»²⁰.

Та же позиция обозначалась по отношению к т.н. «незаконным сектам», особенно в случаях использования молитвенных собраний в качестве антисоветской трибуны, отказа верующих от службы в армии и иных случаях неподчинения постановлениям и распоряжениям государства²¹.

При создании Советов и институтов их уполномоченных на местах каждому сотруднику вменялось в обязан-

ность знать историю возникновения и развития каждого культа, вопросы иерархии, догматов, канонов и других основ вероучений различных религиозных культов. Главным же требованием по отношению к уполномоченным было изучение «политико-морального состояния руководящих работников религиозных культов», знание того, «какова политическая физиономия каждого отдельного руководителя религиозного объединения, каково его моральное состояние»²². Именно эти данные были необходимы Совету для того, чтобы определить — «с каким духovenством можно вести работу, поддерживать его, а какое должно быть заменено по политическим мотивам»²³. В поле зрения уполномоченных входило также наблюдение за использованием мест скопления народа для религиозной пропаганды, самовольным открытием молитвенных зданий и т.д.²⁴

Таким образом, религиозные организации находились под постоянным двойным контролем — органов госбезопасности и уполномоченных Советов по делам религий.

Уполномоченные Советов ежеквартально направляли в центр подробнейшие отчеты-информации (на 40-50 стр.), касающиеся состояния церковной деятельности, — о численности церковных объединений, их активе, направлениях работы, согласовывая с центром мельчайшие вопросы, вплоть до целесообразности открытия отдельных церквей и молитвенных домов, назначения новых кандидатур на ту или иную церковную должность. В документах сообщалось о всех назначениях на церковные должности, о «подходящих» и «неподходящих» кандидатурах, случаях неповиновения указаниям Совета и т.д. И хотя ряд сект, в том числе и иеговисты, относились к числу нелегально действующих сект и формально не входили в сферу компетенции уполномоченных, постоянный контроль осуществлялся и за ними. Уполномоченные действовали привычными директивными методами, не утруждая себя глубоким знакомством с особенностями конфессий и различных сект.

Необходимо отметить крайне слабую подготовку уполномоченных Совета по делам религиозных культов и по делам Русской Православной церкви — в документах, подготовленных ими, обычными являются ошибки даже в названиях сект. Как только они не именовались, например, иеговисты — и иеговистами, и еговистами, и мимонистами, и милонистами, миллионистами-мелонистами, меломистами, миломистами и т.д. Характерно в этом отношении письмо Уполномоченного Совета по делам религиозных культов С.Колесникова на имя председателя Совета И.В.Полянского 30 января 1950 г., когда он, приступив к работе, просил Совет проинформировать его, «что собой представляют иеговисты, что является главным в их учении, обрядах, т.к. он затрудняется ответить на многие вопросы и своими силами ему не преодолеть этой трудности». Из Совета в Москве посоветовали С.Колеснику изучить обряды иеговистов на месте²⁵.

Среди направлений антицерковной политики можно выделить не только постоянный жесткий государственный контроль, но и внедрение в структуры Церкви многочисленных агентов и осведомителей, как говорилось в одном из документов, «для разработки главарей и проведения разложенческой работы». Часто агенты занимали руководящие должности в приходах и группах, вели индивидуальную обработку верующих. Не прекращались также попытки противопоставить друг другу различные группы верующих путем искусственного подогревания трений и разногласий между разными конфессиями.

Если в отношении с Православной церковью властями чаще всего применялся метод «неназойливого», но постоянного давления и ограничения сферы ее влияния на население, то по отношению к легальным сектам, при внешней лояльности, практиковалась скрытая однонаправленная практика сокращения их числа и деятельности, с нелегальными же сектами использовался преимущественно один метод — репрессивный, аресты и депортации активистов.

В сферу компетенции Совета по делам религиозных культов входили легальные секты — евангельские христиане-баптисты, адвентисты 7 дня, молокане, старообрядцы (белокриницкого согласия и беспоповцы), а также римско-католическая и армяно-григорианская религиозные общины, иудейское вероисповедание²⁶.

Таблица 1

Наименование культа	Кол. общин до 1940 г.	Кол. общин на 1 октября 1946 г.	Кол. общин на 1 июля 1949 г. [*]	Ориентировочное число верующих на 1 января 1949 г.	Кол. общин на 1 января 1960 г.	Ориентировочное число верующих на 1 января 1960 г.
Евангельские христиане-баптисты	108	88	83	4872	100	6400
Адвентисты 7 дня	26	17**	13	797	21	1800
Молокане	15	2	2	450	нет дан.	нет дан.
Иудаизм	58		13	15000	10	"
Старообрядцы	30	15***	22	15600	16	"
Римско-католическая церковь	14	4	4	3500	2	"
Армяно-григорианская церковь	4	1	нет	130****	нет	"
Общее число общин	255	127	118			

* По данным на 1 июля 1949 г. ни одной новой общины не возникло.

** Из 17 общин 4 не были зарегистрированы.

*** В республике действовал также один старообрядческий монастырь.

**** По данным 1946 г.

Кроме того, по данным Уполномоченного Совета, в 1949 г. существовали не зарегистрированные, но фактически действующие 3 общины баптистов, 2 иудейских общин, 6 общин адвентистов 7 дня, 5 общин молокан²⁷.

Наиболее устойчивыми из них представлялись общины баптистов, в которые постоянно вливались новые члены, в том числе и из числа молодежи. Это наглядно видно по

числу взрослых людей, вступивших в общины (через принятия водного крещения) в разные годы:

1941 г.	— 64	1945 г.	— 250
1942 г.	— 36	1946 г.	— 484
1943 г.	— 43	1947 г.	— 303
1944 г.	— 102	1948 г.	— 697

По данным за 1948 г. число последователей секты возросло на 1123 чел., за первое полугодие 1949 г. в секту вступили еще 1000 чел. Общины объединяли 232 населенных пункта²⁸.

По мнению Уполномоченного Совета С. Десятникова, «в отличие от других религиозных культов церковь ЕХБ (евангельских христиан-баптистов) проявляет себя наиболее активно в области привлечения в лоно своей церкви новых ее последователей, применяя в этих целях различные формы и методы пропаганды, агитации и эффективные меры наглядного воздействия на окружающую массу». В качестве примера приводились — организация при общинах специальных библейских кружков для юношей, женских кружков, духовых оркестров и хоровых кружков, создание касс взаимопомощи, устройство молитвенных трапез на открытом воздухе, при участии оркестра и хоров, размещение молитвенных домов возле школ, кооперации. При этом отмечалось, что «свое влияние общины распространяют на все национальности, все возрасты и социальные прослойки города и села»²⁹.

Продуманной, оказывавшейся понятной самым широким слоям населения, просто «интересной» деятельности секты советские органы на местах способны были противопоставлять только один привычный в их практике метод, метод запрета — запрещение людям посещать собрания, оскорбление родителей, чьи дети посещали церковь, предупреждение о возможности исключения из колхоза, самовольное закрытие молитвенных домов и даже угрозы зачисления в списки кулаков³⁰.

Главная причина возросшей активности со стороны религиозных общин виделись властям в том, что «на местах общины находятся без всякого наблюдения со стороны советских и партийных организаций и, главное, что отсутствует массовая антирелигиозная работа среди населения, и в особенности среди молодежи и женщин села»³¹.

Т.н. «нелегальные секты» формально не входили в сферу деятельности Советов и их уполномоченных и доставляли наибольшие хлопоты советским и партийным органам, т.к. на них нельзя было воздействовать методами, отработанными и проверенными на легальных общинах.

В эту группу в Молдавии входили прежде всего иннокентьевцы, адвентисты — реформисты, иеговисты и пятидесятники³², возникшие на территории республики в первой четверти XX в.

О районах наибольшего распространения различных нелегальных сект можно судить по следующим данным, обобщенным органами госбезопасности в 1946—1947 гг.³³

Таблица 2

<i>Название секты</i>	<i>Районы распространения</i>	<i>Число групп и членов</i>
Иннокентьевцы	Бельцкий, Сорокский, Оргеевский, Кишиневский уезды	Свыше 100 групп
Иеговисты	Бельцкий, Сорокский уезды (Липканский, Бричанский, Братушанский, Единецкий, Рышканский, Тырновский районы)	До 2500 чел.
Адвентисты-реформисты	Бельцкий, Сорокский, Оргеевский, Кишиневский, Бендерский, Кагульский уезды	Свыше 1000 чел.

К декабрю 1950 г. в республике было выявлено и учтено до 30 групп верующих разных толков, в вероучении и пропаганде которых, по мнению властей, содержались антигосударственные тенденции. Среди них были 4 группы иннокентьевцев, 10 групп пятидесятников, 8 групп адвентистов-реформистов, 4 — иеговистов³⁴.

«Как характерную особенность секты следует отметить то, что участниками ее являются преимущественно сельское малоразвитое и малокультурное население, — делали вывод об иннокентьевцах органы госбезопасности республики. Секта иннокентьевцев распространена на всей территории Молдавии, группы этой секты имеются в большинстве населенных пунктов, главным же образом, в Бельцком, Сорокском, Оргеевском и Кишиневском уездах.

Широкому распространению среди молдавского населения Бессарабии иннокентизма в значительной степени способствовало то, что пропаганда его велась исключительно на родном молдавском языке, ранее не применявшемся церковью, и это придало ему специфический, национальный характер»³⁵.

При всех особенностях вероучения данных сект, по мнению властей, их объединяло одно — они имели антиобщественную, антигосударственную направленность.

Обобщая основные формы противодействия сектантов властям, органы госбезопасности выделяли следующие: «Устройство нелегальных сборищ, на которых под видом религиозной деятельности ведется активная антисоветская, пораженческая и монархическая пропаганда; инсценирование и популяризация различных самозванцев под видом «царских детей», распространение слухов о их приходе к власти и скором «свержении» советского строя; отказ и уклонение по антисоветским убеждениям от воинской обязанности; противодействие проводимым советской властью на селе мероприятиям: хлебопоставкам и другим видам государственных обязательств; вовлечения в секту молодежи, ее развращение и воспитание в антисоветском духе»³⁶.

«Прикрываясь библейской мифологией и используя свое вероучение, — подчеркивалось в справке МГБ МССР от 16 апреля 1947 г., — сектанты-иеговисты путем устных бесед, а также с помощью изготовленных ими рукописных листовок распространяют среди населения провокацион-

ные измышления о скорой гибели Советской власти и всех неверующих»³⁷.

Перечисленные секты отличались также четкой организацией, иерархической структурой, существованием центра, делением территории на поля, стрелы, секции и т.д., во главе которых были специально назначенные лица. Так, иеговисты в 1947 г. имели 18 групп, объединявших 178 кружков (в группы объединялись от 5 до 20 кружков), а группы нескольких районов составляли т.н. «стрелы» с общим количеством участников до 2,5 тыс. Из документов, которые были изъяты при аресте сектантов, и материалов следствия над ними, органы государственной безопасности установили, что «секта иеговистов имеет четкую организационную структуру, располагает опытными руководящими кадрами, применяет конспиративные приемы в работе, проводит широкое «курсовое» обучение своей вере сектантов и практикует обязательную статистическую отчетность о работе низовых звеньев перед вышестоящими»³⁸.

Секта адвентистов-реформистов делилась на «миссионерские поля» — Северное и Южное. В Северное поле входили Бельцкий, Сорокский и Оргеевский уезды Молдавии, а также Черновицкая область УССР, в Южное поле — Кишиневский, Бендерский, Кагульский уезды Молдавии, Измаильская и Одесская области. Таким образом, сектанты были тесно связаны с Украиной. Имелись сведения и о контактах с сектантами ряда областей РСФСР³⁹.

Документы КГБ 1947–1950 гг. показывают, что органы госбезопасности постоянно держали под контролем деятельность секты иеговистов и других сект, обращая внимание прежде всего на их отношение к вопросам, носившим политический характер. Как сообщал в отчете за 1947 г. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов С. Десятников, «эти группы адвентистов-реформистов, миллионистов и иеговистов в своем соста-

ве имеют лиц, ранее состоявших при румынской оккупации в буржуазных националистических партиях. В настоящее время эти течения представляют собой вполне определившиеся политические течения антисоветского характера. Представители этих групп выступают против проводимых хозяйственно-политических мероприятий на селе и в первую очередь против коллективизации, отражая в себе буржуазно-националистическое стремление.

Несмотря на ряд мероприятий, проведенных соответствующими органами, активность этих групп продолжает быть повышенной., антисоветские религиозные группы вместе с буржуазно-националистическими элементами пытаются и будут пытаться организовывать сопротивление наступающему социализму в деревне и в первую очередь выступать против коллективизации»⁴⁰.

В ряде случаев власти именно сектантов обвиняли в срыве организации колхозов⁴¹.

По отношению к этим «нелегальным» группам основными методами действий органов власти были аресты и высылка.

Среди арестованных участников антисоветского подполья в 1946 г. фигурировали 44 чел. т.н. «религиозного антисоветского элемента», в основном представителей секты иннокентьевцев, которые по сведениям МГБ МССР действовали в большинстве уездов республики⁴². «Разработкой и следствием по ликвидированным агентурным делам «Пещера», «Катакомбы», «Туристы», «Изуверы», «Куцые» и др. — сообщалось в справке МГБ, — установлено, что руководители групп и проповедники под видом религиозной деятельности ведут широкую всестороннюю работу, внедряя среди сектантов ненависть к советскому строю»⁴³.

В 1947 г. были ликвидированы руководящий центр иннокентьевцев, три группы иеговистов в Сорокском и Бельцком уездах. Тогда аресту подверглись 11 руководителей, осужденных на срок от 8 до 25 лет. В 1949 г. был

изолирован руководящий центр секты адвентистов-реформистов в составе 4 чел. Причины этих репрессивных акций объяснялись следующим образом: «Участники ликвидированных групп в Тырновском районе Сорокского уезда и Липканском районе Бельцкого уезда проводили среди населения систематическую антисоветскую пропаганду, внушали недоверие и ненависть в Советской власти, призывали верующих уклоняться от службы в Советской Армии и не участвовать в выборах в Верховный Совет»⁴⁴.

Не обошла секты и операция «Юг» 1949 г. В документах МГБ МССР — справке от 2 декабря и докладной записке на имя министра госбезопасности СССР В.С.Абакумова от 3 декабря 1949 г., наряду с кулацкими и другими «контрреволюционными» элементами назывались руководители и активные проповедники нелегальных сект. Тогда были учтены 114 глав семей, 148 совершеннолетних членов семей и 133 несовершеннолетних членов семей (64 — дети до 10 лет; 69 — от 10 до 17 лет)⁴⁵.

И, наконец, групповое выселение сектантов-иеговистов в 1951 г. Почему было осуществлено выселение сектантов и именно сектантов?

В экономике, как и в политике и идеологии тогда было декларировано и полным ходом шло наступление, и акция 1951 г., проведенная во всем Западном регионе СССР, призвана была как бы завершить этот широкий фронт наступления. Удар по Церкви носил комплексный характер. Внешне это было ударом по иеговистам, по сути же — ударом по религиозной вере в целом, по внутренней организации Церкви, по румынской традиции, по антисоветским настроениям, по всем тем силам, которые скрытно или явно выступали против социалистических преобразований в обществе.

Не случайно, волна выселения в начале 1950-х гг. прокатилась не только по Молдавии, а прошла по всему западному региону страны. Всего из Прибалтики, Запад-

ных районов Украины и Белоруссии было выслано около 9 тыс. членов секты иеговистов⁴⁶.

Выселение 1951 г. следует рассматривать как продолжение репрессивных мер, проводившихся системой для укрепления власти на территории Молдавии. При этом важно отметить, сугубо *политическую* направленность этой акции. Она не была фактически связана ни с заботой о рядовых членах секты, ни со степенью распространения секты и ее влияния на основную массу населения. Во всех случаях оно было невелико, но считалось, что это влияние носило антигосударственный характер, а значит не могло устраивать власти.

Сектанты оказались под административным ударом, поскольку были в те годы наиболее корпоративно замкнутыми, наиболее воинственными, наиболее нетерпимыми по отношению к власти.

19 февраля 1951 г. министр осбезопасности СССР В.С.Абакумов направил на имя И.В.Сталина два документа – докладную записку «О необходимости выселения из западных областей Украины и Белоруссии, Молдавской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР участников антисоветской секты иеговистов и членов их семей», а также проект соответствующего постановления Совета Министров СССР⁴⁷.

Документы сопровождало личное обращение следующего содержания: «Товарищу Сталину И.В. Вопрос о выселении иеговистов МГБ СССР докладывало Вам в октябре 1950 года. Вы предложили произвести выселение в марте-апреле 1951 года. Постановление Совета Министров СССР тогда не выносилось. Представляю проект постановления Совета Министров по данному вопросу. Прошу Вашего решения. Абакумов. 19 февраля 1951 года»⁴⁸.

Эта сопроводительная записка интересна по ряду причин. Прежде всего, она со всей определенностью фиксирует, что инициатива выселения иеговистов исходила от органов госбезопасности СССР. Еще осенью 1950 г. Ста-

лин лично заслушал доклад МГБ по поводу иеговистов и предложил несколько отодвинуть дату выселения. Кроме того, записка указывает на то, что подготовительные материалы были составлены органами госбезопасности еще в 1950 г. Тогда же вопрос был согласован со всеми партийными руководителями республик Прибалтики, Украины, Белоруссии и Молдавии. В тексте докладной записки читаем:

«Докладываю, что органами МГБ в течение 1947–1959 гг. было вскрыто и ликвидировано несколько антисоветских организаций и групп нелегальной секты иеговистов, проводивших активную вражескую работу в западных областях Украины и Белоруссии, в Молдавии и Прибалтийских республиках.

За это время было арестовано 1043 чел. главарей и активистов секты, изъято 5 подпольных типографий и свыше 35000 экз. листовок, брошюр, журналов и другой антисоветской литературы.

Однако оставшиеся на свободе сектанты-нелегалы продолжают вести активную антисоветскую работу и вновь предпринимают меры к укреплению секты.

Участники иеговистского подполья проводят злобную антисоветскую агитацию, распространяют провокационные измышления о советской власти и ведут пропаганду об установлении в СССР теократического строя, при котором власть должна принадлежать духовенству. Иеговисты выступают против мероприятий партии и Советского правительства, особенно по колхозному строительству, призывают к отказу от службы в Советской Армии, распространяют среди населения антисоветскую литературу и вербуют в секту новых участников.

По агентурно-следственным материалам устанавливается, что вражеская деятельность секты иеговистов направляется «Всемирным иеговистским центром» в Бруклине (США).

Органами МГБ Украины, Белоруссии, Молдавии, Латвии, Литвы и Эстонии выявлено свыше 300 чел. руководящего актива иеговистов, в том числе 13 руководителей областных иеговистских организаций, 40 руководителей районных организаций и 250 руководителей сектантских ячеек и активистов.

В целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности иеговистского подполья, МГБ СССР считает необходимым, наряду с арестом руководящих участников иеговистской секты, выселить из пределов Украины, Белоруссии, Молдавии, Латвии, Литвы и Эстонии выявленных иеговистов с семьями в Иркутскую и Томскую области.

Всего выселению подлежит 8587 чел. (3048 семей), из них:

- по Украинской ССР — 6140 человек (2020 семей);
- по Белорусской ССР — 394 человек (153 семьи);
- по Молдавской ССР — 1675 человек (670 семей);
- по Латвийской ССР — 52 человека (27 семьи);
- по Литовской ССР — 76 человек (48 семей);
- по Эстонской ССР — 250 человек (130 семей).

Секретарь ЦК КП(б) Украины тов. Мельников, секретарь ЦК КП(б) Белоруссии тов. Патоличев, секретарь ЦК КП(б) Молдавии тов. Брежнев, секретарь ЦК КП(б) Латвии тов. Калнберзин, секретарь ЦК КП(б) Литвы тов. Снечук и секретарь ЦК КП(б) Эстонии тов. Кэбин также считают необходимым выселение иеговистов и этот вопрос с ними согласован.

Проект постановления Совета Министров СССР по указанному вопросу при этом представляю.

Прошу Вашего решения.

Абакумов»

Постановление Совета Министров СССР, подготовленное органами госбезопасности и посланное Сталину, было утверждено 3 марта 1951 г. Оно гласило:

«1. Принять предложение Министерства государственной безопасности СССР о выселении участников антисоветской нелегальной секты иеговистов и членов их семей с территории западных областей Украинской и Белорусской ССР, Молдавской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР.

МГБ СССР (т. Абакумову) выселение произвести навечно в Иркутскую и Томскую области в конце марта 1951 года по решению Особого Совещания при МГБ СССР.

Распространить на выселяемых действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны».

Постановлением определялись также обязанности различных министерств и ведомств. На МВД СССР возлагалось обеспечение конвоирования и перевозки выселяемых, на Министерство путей сообщения СССР — выделение необходимого количества железнодорожных вагонов, оборудованных для людских перевозок в зимних условиях и обеспечение продвижения эшелонов на правах воинских. От Министерства финансов СССР требовалось выделить дополнительные средства на 1951 г. за счет союзного бюджета на содержание спецкомендатур и оплату расходов по питанию и медицинскому обслуживанию выселяемых во время перевозки, Госснаба СССР и Министерства нефтяной промышленности — выделить 225 тонн бензина для перевозки выселяемых от места жительства до железнодорожных станций, а затем — до мест расселения. Последняя обязанность, наряду с трудоу-

ройством и обеспечением расселяемых жильем, возлагалась на Иркутский и Томский облисполкомы.

Постановление касалось и имущества выселяемых. В этом пункте оно предусматривало:

«Разрешить выселяемым брать с собой лично им принадлежащие ценности, домашние вещи (одежду, посуду, мелкий сельскохозяйственный и ремесленный инвентарь) и запас продовольствия на каждую семью общим весом до 1500 килограммов.

Все остальное имущество конфисковать и передать представителям местных органов власти.

Конфискованное имущество выселяемых обратить на покрытие недоимок по государственным обязательствам; оставшуюся после погашения недоимок часть имущества (жилые и хозяйственные постройки, сельскохозяйственный и другой инвентарь, а также скот) передать колхозам бесплатно с зачислением в неделимый фонд. Продовольствие, зерно и технические культуры передать государству»⁴⁹.

Далее вступал в действие хорошо отлаженный механизм, всесторонне апробированный еще в 1949 г.

Через день, 5 марта, был издан соответствующий приказ МГБ СССР, а 24 марта министр госбезопасности Мордовец и Уполномоченный МГБ СССР по Молдавии Мисюров подписали подробный план мероприятий по выселению активных участников антисоветской секты иеговистов и их семей из Молдавской ССР. Во всех районах также составлялся точный план операции, в котором предусматривались необходимое количество оперсостава и войск, места их концентрации, порядок операции, методы связи с опергруппами и станциями погрузки, ответственные лица.

Для перевозки выселяемых местными органами власти было мобилизовано 400 автомашин и 15 бензовозов. Определялись также места погрузки выселяемого контингента — станции Бельцы, Дондюшаны и Липканы, где

были сформированы комендатуры в составе 21 чел. Специальный пункт плана требовал усилить охрану границы на участках Единецкого и Бельцкого погранотрядов и провести необходимые мероприятия, способствующие задержанию в погранполосе лиц, которые попытаются скрыться от выселения⁵⁰. Соответствующий приказ министра внутренних дел СССР С.Н.Круглова был издан 27 марта 1951 г.⁵¹

Одновременно принимались соответствующие постановления руководящих советских органов республики. 24 марта 1951 г. Совет Министров МССР за подписью председателя Совета Министров Г.Рудь принял совершенно секретное постановление (с требованием возврата в течение 24-х часов в Особую группу УД СМ МССР). В нем предусматривалось:

«1. Разрешить выселяемым брать с собой лично им принадлежащие ценности, домашние вещи (одежду, посуду, мелкий сельскохозяйственный, ремесленный и домашний инвентарь) и запас продовольствия на каждую семью весом 1500 килограммов.

2. Остальное имущество, виноградники, сады, скот, крупный инвентарь, жилые и сельскохозяйственные постройки, производственные предприятия **КОНФИСКОВАТЬ**.

3. Конфискованное имущество выселяемых обратить на покрытие недоимок по государственным обязательствам. Оставшуюся после погашения недоимок часть имущества (жилые и хозяйственные постройки, производственные предприятия, сельскохозяйственный и ремесленный инвентарь, а также виноградники, сады и скот) передать безвозмездно колхозам с зачислением их в неделимый фонд. Остальное имущество передать финансовым органам для реализации.

4. Продовольственное зерно, зернофураж и технические культуры передать государству.

5. Конфискованные жилые дома и сельскохозяйственные постройки обратить, в первую очередь, под больницы, школы, детские дома, избы-читальни.

6. Производственные предприятия (мельницы, маслобойки и другие предприятия) передать колхозам.

7. Молотилки, двигатели передать машинно-тракторным станциям по оценочной стоимости».

Ответственность за сохранность и реализацию имущества возлагалась на председателей райисполкомов и районные финансовые органы⁵².

26 марта специальным постановлением Совета Министров МССР под предлогом «успешного проведения весенне-полевых работ и вывозки зерна из глубинных пунктов» был мобилизован автотранспорт в Кишиневе, Бельцах, Оргееве. «Конспирация» была соблюдена, однако не могло не броситься в глаза, что тщательный техосмотр и сбор автотранспорта, предназначенного для сугубо гражданской акции, советскими руководителями возлагался на министра госбезопасности республики⁵³.

Быстро составлялись списки и оформлялись дела на выселяемых. На 23 марта было оформлено уже 1123 дела (много больше предполагаемого числа выселяемых семей). При проверке под льготы попали 167 дел, направлялось на доследование 24 дела, отклонялись, так как «не подходят вовсе» — 58 дел, 680 дел на 2524 чел. были подписаны, что составило около 60% дел⁵⁴.

На 27 марта было подписано уже 752 дела на 2648 чел.⁵⁵

Сохранившийся в архиве порайонный список семей сектантов, подлежавших выселению, дает возможность еще раз рассмотреть и уточнить географию и размеры сектантских групп иеговистов⁵⁶.

ЛИПКАНСКИЙ РАЙОН — 13 сел, 273 семьи (от 77 семей в селе Ларга и 75 семей в селе Коржеуцы, до 2 в селах Котельно и Безеда).

ЕДИНЕЦКИЙ РАЙОН — 15 сел, 142 семьи (от 32 в селе Фетешты до 2 в селах Старые Бедражи и Гординешты).

БРАТУШАНСКИЙ РАЙОН — 12 сел, 95 семей (от 36 семей в селе Зайканы, до одной в селах Новые Куконешты, Старые Куконешты).

БРИЧАНСКИЙ РАЙОН — 9 сел, 88 семей (от 59 семей в селе Старые Каракушаны, до одной в селах Бричаны, Холохоры и Малые Бричаны).

РЫШКАНСКИЙ РАЙОН — 8 сел, 39 семей (23 семьи в селе Василеуцы, в остальных селах — от 1 до 4 семей).

СЫНЖЕРЕЙСКИЙ РАЙОН — 5 сел, 27 семей (в селе Новая Сынжерея — 11, в селе Новые Биличены — 10 семей).

ТЫРНОВСКИЙ РАЙОН — 5 сел, 20 семей (наибольшее число — 9 семей выселялось из села Мындык).

Кроме того, выселение проводилось еще из 7 районов: Болотинского — 15 дел, Атакского — 12 дел, Бельцкого — 11 дел, Глодянского и Котюжанского — по 10 дел, Флорештского — 6 дел и Кишкаренского — 4 дела⁵⁷.

Таким образом, к выселению были подготовлены 752 семьи, причем наиболее сконцентрированно, от 20 до 77 семей, они проживали лишь в 9 селах. Состав выселяемых согласно сводке МГБ СССР от 27 марта 1951 г. выглядел следующим образом⁵⁸:

Таблица 3

Наименование районов	Кол-во подписанных дел	В них кол-во чел	В том числе:		
			мужчин	женщин	детей
1	2	3	4	5	6
Атакский	12	36	10	17	9
Братушанский	95	340	106	130	104
Бричанский	88	317	105	103	11
Бельцкий	11	37	13	13	11
Болотинский	15	50	17	20	13
Глодянский	10	38	12	17	9

1	2	3	4	5	6
Кишкаренский	4	12	4	5	3
Котюжанский	10	39	15	16	8
Сынжерейский	27	92	21	30	41
Рышканский	39	136	40	49	47
Тырновский	210	66	24	25	17
Флорештский	6	17	7	6	4
Единецкий	142	450	135	186	129
Липканский	273	1018	347	376	295
Итого:	752	2648	856	993	799

Таблица показывает, что как и во время предыдущих депортаций, более 2/3 выселенных, а именно 1792 чел. из 2648, составляли женщины и дети.

В период непосредственной подготовки к операции «Север» органы МГБ и МВД провели ряд срочных оперативно-чекистских мероприятий. Были сформированы оперативные группы в составе начальника оперативной группы, трех солдат и двух активистов, на которых возлагалась обязанность поднять 2 выселяемые семьи, в районы с наибольшей концентрацией выселяемого контингента назначались уполномоченные МГБ Молдавской ССР из числа руководящего оперативного состава министерства, которые обязаны были обеспечить организацию и успешное проведение операции. За три дня до начала операции было проведено инструктивное оперативное совещание начальников горотделов, райотделений, начальников оперативных групп и уполномоченных МГБ.

Перед самым началом операции было дополнительно проведено инструктивное совещание всего оперативного состава МГБ и милиции, офицерского, сержантского и рядового состава войск МГБ, занятых на операции. В канун операции все были направлены в районы в ночное время, в заранее обусловленные места. Личный состав оперативных групп отправился в села с заранее подготовленными проводниками из местного актива, которые указывали местожительство выселяемых семей. Для обес-

печения общественного порядка в села с наибольшей концентрацией выселяемого контингента были направлены усиленные наряды работников милиции. В целях предотвращения возможных побегов выселяемых были перекрыты дороги, ведущие к границе и в соседние районы. На время операции погранотрядами была усилена охрана границы⁵⁹.

При окончательном формировании расчетов привлекаемого для проведения операции оперативного состава, войск и автотранспорта, составленных 26 марта, были выделены оперативный состав — 386 чел., войск — 1051 чел., милиции — 123 чел., из них 30 чел. обслуживали станции погрузки — Липканы, Дондюшаны и Бельцы. Кроме того, выделялись 382 автомашин (одна машина на 2 семьи). В помощь оперсоставу Молдавии были направлены дополнительные группы из Московской, Калужской, Костромской, Ростовской, Ярославской, Курской, Горьковской, Воронежской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, УССР⁶⁰.

По итоговым данным 1 апреля на территории 14 районов Молдавии было занято 89 офицеров, 139 сержантов, 899 рядовых, т.е. 1127 чел. — войск МГБ; оперативный состав МГБ — составил 546 чел., милиция — 275 чел., т.е. в общей сложности в операции участвовало 1948 чел. — больше, чем предусматривалось в расчетных выкладках. Кроме того, было привлечено 750 чел. местного партийно-советского актива⁶¹.

Выселяемый контингент был погружен в 2 эшелона — 135 вагонов и отправлен в ночь с 1 на 2 апреля с.г.

В одном эшелоне находилось 348 семей — 1302 чел. (396 мужчин, 466 женщин, 440 детей), в другом — 384 семей (370 мужчин, 526 женщин, 421 ребенок)⁶².

2 апреля по «ВЧ» на имя заместителя министра госбезопасности СССР С.И.Огольцова было передано сообщение о первых итогах операции «Север», подписанное

министром госбезопасности МССР Мордовцом и Уполномоченным МГБ СССР Мисюровым⁶³.

«Докладываем: первое: операция по выселению активных участников антисоветской секты иеговистов и их семей из Молдавской ССР проведена. Операция началась в 4 часа утра 1 апреля и закончилась к 20 часам вечера. Поднято и погружено в вагоны 723 семьи с общим количеством членов семей 2617 чел. В числе погруженных мужчин 808 чел., женщин 967 чел. и детей до 15-летнего возраста 842 чел. Эшелоны будут отправлены к месту выселения в ночь с 1 на 2 апреля. Первый эшелон в 0.18 минут 2. IV. отправлен, второй будет отправлен 0.40 минут 2 апреля.

Второе: в операции участвовало оперсостава 546 чел., офицерского, сержантского и рядового состава войск МГБ 1127 чел., офицерского и рядового состава милиции 275 чел. и местного советско-партийного актива 750 чел.

Для перевозки выселяемого контингента привлекалось из народного хозяйства Молдавской ССР 415 автомашин.

Третье: в процессе операции эксцессов и каких-либо происшествий, заслуживающих внимания, не было. При обыске во время операции было обнаружено и изъято некоторое количество сектантской литературы, главным образом, религиозного содержания: библии, журналы, листовки и т.п.».

В последующие дни в МГБ СССР и МВД СССР поступали более подробные докладные записки, раскрывающие некоторые подробности операции «Север». Как уже говорилось, были сформированы 2 эшелона, по 60 вагонов в каждом, на питание и медицинское обслуживание выделялся аванс в сумме 180.000 руб., из расчета 9 тыс. руб. на каждый эшелон, вагоны для приема пищи и воды обеспечивались бачками, ведрами и другим оборудованием за счет самих спецвыселенцев. В докладной записке МВД МССР сообщалось о выселении 744 семей, 2641 чел. (822 мужчин, 930 женщин, 839 детей). «Недос-

татком в этой операции было то, — завершал докладную министр МВД МССР Тутушкин, — что по вине железной дороги и отдела перевозок МВД СССР вагоны не оборудованы унитазами»⁶⁴.

Наконец, 4 мая 1951 г. в МВД СССР сообщалось о том, что спецпоселенцы из Молдавии сданы 13 и 14 апреля уполномоченным УМГБ по Томской области на станции Богашево — 193 чел., на станции Тиган — 175 чел., на станции — Асино — 2251 чел., т.е. всего 2619 чел. Сообщалось о регулярном обеспечении питанием, хорошо организованной санитарной профилактике, что позволило не допустить инфекционных заболеваний в пути; отмечалось также, что во время переезда родились 4 ребенка и умер один человек. «Конвой нес службу бдительно, в результате чего не было допущено ни одного побега, — отмечалось в сообщении, — жалоб не было в пути. С[пец]-п[оселенцы] сданы по актам с проверкой по вагонным спискам и по семейным справкам»⁶⁵.

По данным МВД СССР, иеговисты, выселенные из западного региона, были расселены в основном в Иркутской, Курганской, Новосибирской, Тюменской и Челябинской областях и в Краснодарском крае. На 1 января 1957 г. больше всего из их числа оставалось жить в Томской и Иркутской областях⁶⁶. Ослабление режима поселений после 1953 г. и начало возвращения спецпоселенцев на родину менее всего коснулись именно иеговистов, которых к 1 января 1957 г. оставалось на поселении почти 6,4 тыс.⁶⁷ По данным на 1 января 1959 г. среди оставшихся 5107 иеговистов 1413 были высланы из Молдавии⁶⁸.

Но и в ссылке они сохраняли верность своей вере и секте. Как отмечалось в сентябре 1957 г. МВД СССР, «резко отрицательно ведут себя в местах поселения «иеговисты». По сообщению УВД Томской и Иркутской областей, большинство расселенных там спецпоселенцев «иеговистов» до последнего времени в выборах в Советы участия не принимают, мероприятия партии и прави-

тельства саботируют, в общественной жизни не участвуют, в то же время строго соблюдают свои религиозные обряды, устраивают нелегальные сборища, а наиболее активные из них ходят по населенным пунктам и распространяют антисоветские слухи»⁶⁹.

Однако часть членов секты сумела разными путями возвратиться в Молдавию. Уже в 1957 г. органы госбезопасности сообщали не только о возвратившихся из заключения и с поселений представителях церкви и участниках сектантского подполья (всего более 300 чел.), но и о продолжении ими активной антисоветской деятельности, а значит и необходимости активной борьбы с ними. «Из числа православного духовенства и монашествующих, ранее судимых за антисоветскую деятельность, из мест заключения возвратился 51 человек. Все они определились в разные приходы или в монастыри молдавской епархии.» Тогда же сообщалось о возвращении иннокентьевцев и старообрядцев, а также еврейских сионистов⁷⁰.

Практика показывала, что все акции по выселению имели крайне ограниченные и временные результаты. Секты вновь возрождались. Религиозность приобретала скрытые формы, что создавало определенные трудности для осуществления контроля над Церковью со стороны государства.

И всякий раз после некоторого замиранья, которое трактовалось властями как крупная победа в борьбе с религией, начинался новый всплеск религиозной активности, влияние Церкви вновь росло и ширилось.

Не прекращалась и деятельность сектантских организаций.

По сообщению органов госбезопасности, в ноябре 1952 г. в селе Реуцел Бельцкого района в обстановке строгой конспирации была проведена массовая встреча — конгресс представителей иеговистских организаций из 120 районов Молдавии. Главными из вынесенных на обсуждение конгресса вопросов были отчет о работе иеговистских

групп на стройках коммунизма, т.к. «строить коммунизм вместе с «демонами» они не могут»⁷¹. «МГБ Молдавской ССР, — говорилось в спецобращении на имя секретаря ЦК КП(б)М Д.С.Гладкого, — с целью предотвращения возможных активных антисоветских действий, были приняты меры по задержанию участников конгресса». Были задержаны 35 участников нелегального собрания, после проверки 15 подвергнуты аресту (из них по национальности было 10 молдаван, 3 — украинца, 1 — поляк)⁷².

21 марта 1953 г. на имя министра внутренних дел СССР Л.П.Берии поступило новое сообщение о нелегальном существовании на территории Молдавии антисоветской секты иеговистов: «Начиная с 1947 года, — подчеркивалось в спецобращении, — органами Министерства внутренних дел МССР вскрыто и оперативно ликвидировано ряд антисоветских звеньев иеговистского подполья, значительное число руководящего состава и активных участников секты в 1949—1951 гг. выселены за пределы Молдавии. Однако оставшиеся иеговисты в силу существующей преемственности руководящего состава сохраняют жизненность секты и ее организационную структуру»⁷³. В 1952 г. в приграничных районах был вновь воссоздан подпольный центр иеговистов. В двух (из четырех) секторах организации числилось 13 групп, более 70 кружков, объединявших свыше 1000 чел. К началу 1953 г. по делу иеговистского центра за активную антисоветскую деятельность было арестовано 67 чел., в том числе 2 руководителя центра, 37 руководителей секторов, групп и кружков, 28 — связников, проповедников и активных участников⁷⁴.

В июне 1956 г. КГБ МССР снова сообщил в центр о значительной активизации враждебной деятельности иеговистов, подчеркивая при этом особую активность лиц, освобожденных из лагерей (их прибыло в Молдавию до 100 чел.), которые ставят своей задачей довести деятельность иеговистского подполья до уровня 1946—47 гг.

По сведениям внедренных в иеговистские организации агентов, руководителями были проведены совещания, на которых решено отказаться от единоличного руководства работой секций и групп, перейти к коллективному руководству — создавать из наиболее активных сектантов комитеты из трех человек, увеличить число проповедников, обязанных систематически посещать закрепленные за ними дома, вовлекать в секту новых лиц, особенно из молодежи. Агенты сообщали, что при ведении пропагандистских бесед руководители иеговистов неоднократно подчеркивали, что из заключения и с поселений их освободила не Советская власть, а бог Иегова: «Любимые братья, молдаване! — писал своим единомышленникам, находившимся на спецпоселении, руководитель кружка Н.И.Пилипецкий, — не падайте духом, так как Иегова заботится о вас. Как и предсказывалось, скоро все поселенцы возвратятся домой. Скоро избавимся от когтей дьявола. Скоро армагедон — битва божья освободит нас от насилия врагов»⁷⁵.

Более разнообразными к этому времени становились и методы действия органов госбезопасности и внутренних дел по отношению к Церкви и сектам. Их важной чертой становилась опора на общественность, вовлечение в работу по разложению сект самих сектантов.

В этом отношении особенно наглядна докладная записка КГБ МССР от 17 июля 1956 г., в которой подробно рассматриваются «обновленные» формы и методы работы органов госбезопасности среди сектантов⁷⁶.

«В целях пресечения антисоветской деятельности иеговистского подполья проводим следующие мероприятия:

1. Используя создание «комитетов» в иеговистских звеньях, принимаем меры к внедрению в состав «комитетов» нашей агентуры. Кроме агентов... (далее следуют клички агентов — *В.П.*), в состав «комитета» секции внедрен агент... и проводятся мероприятия по внедрению агентов... (приводятся три клички агентов).

2. В связи с намечаемой иеговистами массовой вербовкой в секту новых лиц проводим мероприятия по подставе на вербовку нашей агентуры, а также по приобретению агентуры из числа вовлекаемых в секту. Внедренную в иеговистское подполье агентуру намечаем использовать для разработки его главарей и проведения разложенческой работы.

3. Факты антисоветской деятельности наиболее активных руководителей иеговистского подполья документировать с целью их ареста. Практиковать также компрометацию отдельных главарей подполья в глазах сектантов при наличии благоприятных для этого условий.

4. В связи с тем, что в Молдавию прибыло значительное количество иеговистского актива и подпольем принимаются меры к активизации враждебной деятельности, к пресечению проведения открытых и нелегальных иеговистских сборищ и совещаний привлекаем органы милиции, не допуская при этом нарушений социалистической законности».

Еще более активизировалась работа органов госбезопасности по пресечению деятельности сектантов после издания 5 ноября 1959 г. специального приказа КГБ СССР, связанного с разработкой комплекса агентурно-оперативных и профилактических мероприятий, направленных на разложение антисоветского подполья иеговистов в республике⁷⁷.

Агентурные разработки КГБ, обобщенные его 4-м отделом, специально занимавшимся работой с церковниками и сектантами, показывали, что к началу 1960 г. в республике продолжали действовать до 1400 членов секты иеговистов, около 250 сектантов-иннокентьевцев, более 250 адвентистов-реформистов, свыше 200 сектантов-пятидесятников⁷⁸.

Показательна справка КГБ Молдавии от 8 января 1960 г., в которой как бы суммируются основные формы

«парализации, — как говорилось в документе, — враждебной деятельности церковников и сектантов в республике».

В качестве главных в организации агентурно-оперативной и профилактической деятельности органы госбезопасности выдвигали следующие задачи: привлечь необходимую агентуру в руководящих и средних звеньях сект и использовать эту агентуру «для сковывания деятельности сектантов», ломки организационной структуры сект; активно использовать все средства компрометации главарей и целых звеньев сект и церкви «с тем, чтобы создавать в этой среде обстановку неуверенности, противоречий и подозрений»; широко привлекать общественность для индивидуальной обработки верующих через агитаторов, обсуждать сектантов и церковников на собраниях колхозников, рабочих и служащих предприятий и учреждений, на заседаниях правлений колхозов и сессиях сельсоветов, в товарищеских судах, привлекать для дезорганизации нелегальных церковно-сектантских служб местные органы власти, народные дружины и комсомольские патрули; «в целесообразных случаях» привлекать главарей сект и церковников за враждебную деятельность к уголовной ответственности⁷⁹. Словом, приемлимыми считались практически любые методы, использовались все средства.

Тот же документ показывает усиление работы агентурной сети как среди православных приходов, так и среди сектантов — росла агентурная сеть, при этом некоторые агенты занимали руководящие должности.

Однако руководство Комитета госбезопасности Молдавии считало размах работы явно недостаточным: «В организации и проведении агентурно-оперативных и профилактических мероприятий по борьбе с враждебной деятельностью церковников и сектантов имели место существенные недостатки и упущения, — отмечал КГБ МССР в январе 1960 г. — Ощущался острый недостаток агентуры в средних и низовых звеньях легальных и неле-

гальных сект, которая бы проводила работу по сковыванию деятельности сектантов, ограничению их влияния на население, недопущению роста сект, а также смогла бы поддерживать выгодные для нас указания агентов КГБ, стоящих в руководстве сектами»⁸⁰.

В дальнейшей работе с сектантами, наряду с оперативными действиями КГБ Республики, уделялось особое внимание именно внедрению агентуры в руководящее звено иеговистского подполья. Для того, чтобы продвинуть своего агента на положение члена комитета западного округа и руководителя иеговистской стрефы, КГБ в течение 2-3-х лет были предприняты значительные усилия: скомпрометирован и арестован прежний руководитель стрефы, арестован и выслан ряд руководителей, получена помощь от агентов КГБ Украины. С помощью этого агента, ставшего членом комитета округа, в руководящие звенья были продвинуты другие агенты. 6 агентов стали руководить стрефами, секциями, группами, 17 заняли положение руководителей кружков и рядовых сектантов. Активная деятельность агентуры позволила создать в секте оппозицию и обострить в ней противоречия между двумя группировками⁸¹.

К весне 1961 г. на КГБ работали 31 агент из числа участников секты иеговистов, 6 агентов занимали руководящее положение, было привлечено к работе 68 доверенных лиц⁸².

Велась активная деятельность подобного рода и среди сектантов-иннокентьевцев (что позволило ликвидировать 20 нелегальных церквей и тайников, разложить секту), а также среди адвентистов-реформистов, пятидесятников и иудейских общин⁸³.

«К профилактической и разложенческой работе, кроме использования чекистских возможностей, — сообщалось КГБ МССР в 1960 г., — под руководством и при содействии партийных органов, привлечены советско-партий-

ный актив районных и сельских организаций и общественность»⁸⁴.

Самым интенсивным образом велись разоблачения и аресты авторов анонимных антисоветских писем, рассылавшихся в правительственные инстанции и по частным адресам, изымалась сектантская литература, предпринимались активные меры по разрыву связей местных сектантов с иеговистским центром в Сибири, использовались печать, радио, кино⁸⁵.

Продолжались и аресты. В 1957–1959 гг. было арестовано 33, в 1960–1961 гг. — 10 руководителей сект. По части возбужденных в связи с этим дел были проведены открытые процессы и общественный суды⁸⁶.

На какое-то время деятельность сектантов была приостановлена.

Но ни законодательные, ни карательные акции не были в состоянии положить конец деятельности церкви и влиянию сект. Менялись условия, повсеместно насаждался принудительный атеизм, закрывались храмы и монастыри, высылались проповедники, а различные религиозные конфессии продолжали жить.

Много лет спустя после описываемых событий, 27 декабря 1976 г. Бюро ЦК КП Молдавии приняло решение «О состоянии и мерах по усилению атеистического воспитания населения республики», ход выполнения которого был рассмотрен ЦК КПМ 10 января 1978 г. Снова и снова возникали вопросы, связанные с активизацией церковью и сект, с необходимостью снижения влияния церковно-сектантских формирований на территории республики, активности верующих, компрометации руководства сект, недопущения проведения крупных массовых выступлений членов сект⁸⁷.

Происходил парадоксальный, с точки зрения властей, но вполне объяснимый, с точки зрения нормальной психологии людей, процесс. Несмотря на все старания, вопреки репрессиям и постоянному прессингу, Церковь вы-

жила, и не только выжила, но и начала расширять свое влияние.

Таким образом, история борьбы с религией и Церковью в 40–50-е гг. в Молдавии показывает, что любые попытки начисто «обезрелигиозить» общество безнадежны и обречены на провал, поскольку находятся в глубоком противоречии с самой сутью человеческого бытия, неистребимой потребностью людей в Добре и Справедливости, высокой морали и нравственности. И тем более несправедливее, аморальнее и безнравственнее становился курс, проводившийся властью, тем большей оказывалась тяга людей к религии, к воцерквлению.

-
- ¹ См. подробнее: *Пасат В.И.* Трудные страницы истории Молдовы. 1940-1950-е гг. М., 1994. Разд. IV.
 - ² Авторских публикаций по данной проблеме практически нет. Применительно к Молдавии имеется лишь одна документальная публикация, само название которой говорит о ее направленности: Реакционная роль религии и церкви. Архивные документы о деятельности священнослужителей в Молдавии. Кишинев, 1969.
 - ³ О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 442.
 - ⁴ *Честертон Г.* Ортодоксия. М., 1995. С. 117.
 - ⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 173.
 - ⁶ Там же.
 - ⁷ Там же. Т. 12. С. 143.
 - ⁸ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 1. С. 371.
 - ⁹ См. подробнее: *Васильева О.Ю.* Русская Православная церковь и Советская власть в 1917-1927 годах//Вопросы истории. 1993. № 8. С. 53-54; *Она же.* Русская Православная церковь в 1927-1943 годах//Вопросы истории. 1994. № 4. С. 41; Государство и церковь в годы войны. Докладные записки председателей Совета по делам русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР//Исторический архив. 1995. № 4; Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и материалы. М., 1996.
 - ¹⁰ Архив Министерства Национальной Безопасности Республики Молдова (далее – АМНБ РМ). Справки 1944-1946 гг. Справка о состоянии агентурно-оперативной работы МГБ МССР за период с апреля 1944 года по май 1946 года. Л. 18.
 - ¹¹ Там же. Л. 20.

- 12 Там же. Дело с спецсообщениями за 1944-1946 гг., возвращенными из ЦК КП(б)М. Т. 1. Л. 122.
- 13 Там же. Ф. 2. Оп. 40. Д. 1. Л. 3, 11.
- 14 Там же. Л. 8.
- 15 Там же. Дело со спецсообщениями МГБ МССР за 1944-1946 гг., возвращенными из ЦК КП(б)М. Т. 1. Л. 5; Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 966. Л. 25.
- 16 АМНБ РМ. Справки 1944-1946 гг. Справка от 23 ноября 1946 г. Л. 121-122.
- 17 В ноябре 1949 г. ЦК КП(б) Молдавии принял решение о снятии С.Десятникова с работы в связи с допущением случая трансляции по радио еврейской общиной в Кишиневе молитвенного собрания «путем специально установленных ... 3-х репродукторов с наружной стороны синагоги... «Проведенная Советом в декабре 1949 г. проверка показала, что Десятников «не заслуживает такого строгого наказания...», «ибо его работа в Совете расценивается в общем положительно...». ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 517. Л. 92-93.
- 18 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 12. Л. 19-20.
- 19 Там же. Л. 19-32.
- 20 Там же. Л. 26.
- 21 Там же. Л. 27-28.
- 22 Там же. Л. 28-29.
- 23 Там же. Л. 30, 35.
- 24 Там же. Л. 32.
- 25 Там же. Д. 520. Л. 26-27.
- 26 Там же. Д. 517. Л. 36, 52-57, 100; АМНБ РМ. Ф. 2. Оп. 89. Д. 2. Л. 68-75.
- 27 Там же. Д. 517. Л. 53.
- 28 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее - РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 26; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 517. Л. 30-32.
- 29 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 517. Л. 30-32.
- 30 Там же. Л. 33-34.
- 31 Там же. Л. 32.
- 32 См. об особенностях сект: *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973; *Коник В.В.* «Истинны» свидетелей Иеговы. М., 1988; *Москабенко А.Т.* Идеология и деятельность христианских сект. Новосибирск, 1978; *Филимонов Э.Г.* Новые тенденции в идеологии и деятельности современного сектантства. М., 1977; и др.
- 33 АМНБ РМ. Дело со спецсообщениями, возвращенными из ЦК КП(б)М за 1946 год. Т. 1. Кор. 3. Л. 482; То же за 1947 год. Т. 1. Кор. 4. Л. 111.
- 34 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 517. Л. 101; АМНБ РМ. Ф. 2. Оп. 89. Д. 2. Л. 68-69.
- 35 АМНБ РМ. Дело со спецсообщениями, возвращенными из ЦК КП(б)М за 1946 год. Т. 1. Кор. 3. Л. 451.
- 36 Там же. Л. 464-465.

- 37 Там же. Дело... за 1947 год. Т. 1. Кор. 4. Л. 112.
38 Там же. Л. 113.
39 Там же. Дело... за 1946 год. Т. 1. Кор. 3. Л. 478; То же за 1947 год. Т. 2. Кор. 4. Л. 135.
40 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 516. Л. 14.
41 РЦХИДНИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 28. Л. 70; Д. 39. Л. 115.
42 АМНБ РМ. Ф. 2. Оп. 40. Д. 1. Особая папка. Л. 57.
43 Там же. Справки 1944-1946 гг. Л. 21, 23.
44 Там же. Дело со спецсообщениями, возвращенными из ЦК КП(б)М за 1947 год. Т. 2. Кор. 4. Л. 132, 133.
45 Там же. Дело... за 1946-1948 гг. Т. 5. Кор. 5. Без обозн. листа; Дело по операции «Юг». Л. 256-257.
46 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 346.
47 Архив Президента Российской Федерации (далее – АПРФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 180. Л. 52-56.
48 Там же. Л. 51.
49 Там же. Л. 55.
50 АМНБ РМ. Дело по операции «Север». Л. 1-6.
51 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 3649. Л. 42.
52 Архив Правительства Республики Молдова. Дела за 1951 год. Особая папка. Л. 17-19.
53 АМНБ РМ. Дело по операции «Север». Л. 347, 348.
54 Там же. Сводка на 23 марта 1951 г. Без обозн. листа.
55 Там же. Сводка на 27 марта 1951 г. Без обозн. листа.
56 Там же. Справка по районам от 31 марта 1951 г. Без обозн. листа.
57 Там же.
58 Там же. Сводка от 27 марта 1951 г. Без обозн. листа.
59 АМНБ РМ. Дело по операции «Север». Докладная записка от 4 апреля 1951 г. Без обозн. листа.
60 Там же. Список групп прибывшего оперативного состава. Без обозн. листа.
61 Там же. Справка от 1 апреля 1951 г. Без обозн. листа; Докладная записка от 4 апреля 1951 г. Без обозн. листа.
62 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 152.
63 АМНБ РМ. Дело по операции «Север». Записка от 2 апреля 1951 г. Без обозн. листа.
64 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 3649. Л. 42-43.
65 Там же. Л. 46.
66 Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 147 б, в.
67 Там же. Л. 62-63.
68 Социологические исследования. 1991. № 1. С. 18, 23.
69 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 180.
70 АМНБ РМ. Ф. 2. Оп. 19. Д. 8. Т. 1. Кор. 27. Л. 113, 118-119.
71 Там же. Дело по операции «Север». Спецсообщение МГБ МССР от ноября 1952 г. Л. 27.
72 Там же. Л. 29.
73 Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 30. Т. 1. Л. 9.
74 Там же. Л. 11, 12.
75 Там же. Оп. 18. Д. 3. Т. 1. Кор. 26. Л. 40-42.

- 76 Там же. Л. 46-47.
- 77 Там же. Дела КГБ МССР за 1961 г. Л. 68.
- 78 Там же. Ф. 2. Оп. 89. Д. 2. Л. 41-42.
- 79 Там же. Л. 61-62.
- 80 Там же. Л. 60.
- 81 Там же. Л. 47.
- 82 Там же. Дела КГБ МССР за 1961 г. Л. 69.
- 83 Там же. Л. 56-59.
- 84 Там же. Ф. 2. Оп. 89. Д. 2. Л. 61.
- 85 Там же. Л. 70-71.
- 86 Там же. См. подробнее: *Пасат В.И.* Указ. соч. С. 651-663.
- 87 АМНБ РМ. Коллекция документов. Постановление ЦК КПМ от 10 января 1978 г. Л. 1-6.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Н.И.Щавелева.</i> Приватные молитвы жены князя Изяслава	4
<i>Е.В.Белякова.</i> Особые редакции сборника XIV титулов в византийско-славянской традиции	21
<i>Т.В.Барсемян.</i> Приписные монастыри Нило-Столобенской пустыни. Волго-Верховье	44
<i>Е.Б.Емченко.</i> Об издании Смоленского наказного списка. (Смоленская «наказная» грамота митрополита Макария по рукописи МДА № 108. Из истории Стоглава. Издание подготовлено к.ф.н. Т.А.Исаченко. М., 1996)	60
<i>С.В.Николаева.</i> Три Синодика Троице-Сергиева монастыря XVI–XVII вв.	69
<i>В.С.Румянцева.</i> Территориальное и церковно-приходское устройство Псковской земли. (Данные по Псковскому уезду. 80-е годы XVI – 30-е годы XVII в.)	99
<i>И.А.Курляндский.</i> Митрополит Иннокентий (Вениаминов) и игуменья Митрофания. (По новым архивным документам)	134
<i>Я.Н.Щапов.</i> Рецепция в современной России трудов русских эмигрантов по истории церкви	160
<i>О.Ю.Васильева.</i> «Добровольное воссоединение» или методы противостояния политике Ватикана	171
<i>А.И.Перельгин.</i> Положение Русской Православной Церкви на Орловщине в 1948–1953 гг.	183
<i>М.И.Бълхова.</i> Правда об Экзархе Стефане	194
<i>В.И.Пасат.</i> Операция «Север». Власти и церковные конфессии в Молдавии в 1940–1960-х гг.	215

Компьютерная верстка:
Андреанова Л.П.

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.98.

Подписано в печать 24.06.99. Формат 60x84/16. Заказ № 27.
Тираж 250 экз. 16 п.л. 11,86 уч.-издл.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19